ИННА
ИНФИНИТИ

ХОЧУ ТЕБЯ

Annotation

— Какое у тебя желание? — выдавливаю хрипло.

В горле пересохло, пить хочу. Но не воду. Лилю. До дна. Всю без остатка.

— Ты уверен, что хочешь знать?

— Да.

Лиля отрывается от стены и, не разрывая зрительного контакта, придвигается. Тихо шепчет:

— Ты.

Она — лучшая подруга моей бывшей. А еще я хочу ее так сильно, что искры из глаз. Но я не планировал ее трогать. Слишком много сложностей. Вот только вижу — и тормоза срывает. Особенно после того, как я проиграл ей желание.

Одно грязное непристойное желание, которое повлечет за собой массу проблем…

Хочу тебя
Инна Инфинити

Глава 1. Желание

Никита

— Никита, я прошу тебя, присмотри за Лилей, чтобы с ней ничего не случилось в клубе, — просит отец моей подруги.

— Да, конечно, — обещаю. — Мы же с нашими бывшими одноклассниками идем. Вы их всех знаете.

— Все равно, — строго смотрит. — Дочь у меня одна.

Согласно киваю. Ох уж эти нравы.

— Я все, — из комнаты выходит Лиля, и на секунду ее внешний вид меня ослепляет.

На подруге короткое серебристое платье существенно выше колен. Стройные загорелые ноги обуты в босоножки на высоких шпильках. Лиля собрала длинные темные волосы в прическу, а несколько волнистых прядей оставила ниспадать на лицо. Карие глаза подведены аккуратными стрелками, а на губах соблазнительная красная помада.

Ох, твою ж мать, когда Лилька успела стать такой крышесносной!?

Я знаю ее всю жизнь. Наши мамы лучшие подруги, мы живем в одном подъезде, учились 11 лет в одном классе. Мы лучшие, мать твою, друзья.

— Идем? — Лиля одаривает меня белоснежной улыбкой.

У меня нет сил, чтобы ответить, поэтому просто киваю.

— Никита, ты же не пьешь? — грозно спрашивает ее отец.

— Нет, я за рулем, — мямлю, продолжая пялиться на стройные ноги Лили.

— Веди машину осторожно.

— Угу…

Лиля открывает дверь, и мы выходим из ее квартиры.

— Я первый раз иду в ночной клуб, — хихикает, пока мы ждем лифт. — Как там хоть?

— Пойдет.

Я стараюсь не смотреть на Лилю и мысленно повторяю, что она моя подруга. Просто подруга. На подругу не может стоять член.

Но, блядь, у меня стоит.

В тесной кабинке лифта пространство наполняется ее цветочным запахом. Это чистый кайф, чистый наркотик. Я, как гребаный наркоман, вдыхаю глубоко-глубоко и задерживаю запах в легких, чтобы насладиться им. Чистый оргазм. Дикий. Сумасшедший.

Желание нажать на кнопку «стоп», вжать Лилю в металлическую стену, задрать ее преступно короткое платье и оттрахать до звезд в глазах настолько сильное, что я сжимаю руки в кулаки, чтобы ненароком не сделать это.

Просто подруга. Просто соседка. Просто бывшая одноклассница. Просто лучшая подруга моей бывшей девушки.

Помни об этом, Никита.

— Как же я рада, что мы уже студенты! — радостно щебечет Лиля, когда садимся в машину. — Как же классно быть совершеннолетним и свободным! — она игриво бьет меня кулачком в плечо, отчего тело прошибает разрядом тока. — Можем делать, что хотим!

— Угу.

Нет, я не могу делать то, что хочу. А именно, отодвинуть назад водительское кресло и усадить верхом на член Лилю.

Сука, почему она стала такой красивой!? Она же такой раньше не была! Соня, ее лучшая подруга, всегда была намного симпатичнее, поэтому я в свое время и начал с ней встречаться.

А Лиля… Она, как гадкий утенок, который превратился в порноактрису. И я даже не заметил, как это произошло. Просто в какой-то момент у меня встал на нее член и с тех пор не падает.

Но я не могу просто взять и трахнуть дочку подруги моей мамы. Тем более зная, какой у нее строгий отец. Я пока не готов лишиться яиц, а Лилин батя непременно мне их отрежет, если я сделаю с его дочуркой то, о чем фантазирую.

И машину я веду совсем неосторожно. Нужно побыстрее доехать до клуба, потому что находиться в одном салоне с Лилей невыносимо тяжело. Взгляд так и перемещается с лобового стекла на ее длинные ноги, а воображение быстро дорисовывает, что прячется под платьем.

Сука, мозг замыкает. Последние извилины из башки вышибает. Член стоит, как у девственника, который секс только в порнухе видел. Какое счастье, что Лиля смотрит в окно, а не на меня.

— Я буду пить алкогольные коктейли, — подруга вдруг резко поворачивается ко мне корпусом. — Ты же не скажешь моим родителям?

— Не скажу, — цежу.

Ее ведьминский взгляд скользит по мне, и я с ужасом понимаю, что сейчас Лиля заметит стояк. Плотные джинсы его не скрывают. И, блядь, да, она замечает. Боковым зрением вижу, как испуганно расширяются ее глаза, и она тут же сконфуженно отворачивается.

Ну все. Приплыл. Теперь Лиля знает мой секрет. У меня на нее стоит колом.

Делаю радио погромче и выжимаю газ посильнее. Через семь минут наконец-то торможу у клуба.

У нас отдельная ложа на десять человек. Здесь все наши одноклассники, теперь их можно назвать бывшими: Ульяна, Вова, Серега, Лера, Юля, Колян, Аня. Мы окончили школу год назад, и всем не терпится поделиться друг с другом информацией, как прошёл первый курс.

Ребята треплются и пьют, я стараюсь отвлекаться от Лили на других друзей. Ко мне подсаживается Лера, забрасывает ногу на ногу и слегка склоняется, чтобы мне получше было видно ее сиськи в вырезе. Они больше, чем у Лили, только почему-то на них не стоит.

Разговариваю о чем-то с Лерой, а сам замечаю, как Лилька пошла танцевать. От этого зрелища не оторваться. Она делает бедрами такие немыслимые вещи, что мой член рискует порвать ширинку джинс. Не дожидаясь, пока Лера договорит, встаю с дивана и подхожу к лестнице, ведущей от ложи до танцпола.

Неотрывно смотрю на Лилю. Чем дольше это делаю, тем сложнее становится дышать. Член пульсирует и требует срочной разрядки. Желательно в соблазнительный ротик Лили, покрашенный красной помадой.

Подруга танцует с прикрытыми глазами, но вдруг резко их распахивает и смотрит ровно на меня, как будто почувствовала, что я на нее пялюсь. Я не отвожу взгляд, она тоже. Лиля продолжает двигать бедрами, приседать, крутиться, и теперь у меня появляется ощущение, что она делает это для меня.

Нервы превращаются в оголенные провода. Того и гляди, замкнет меня окончательно.

Резко тяну воздух. Лиля продолжает танцевать, не прерывая со мной зрительного контакта.

Ведьма — вот кто она.

Сжимаю до побелевших костяшек перила металлической лестницы. Стук собственного сердца перебивает грохот музыки. Больно колотится о ребра. Ломает их.

Я и раньше видел, как танцует Лиля. Это зрелище всегда привлекало внимание, но сейчас градус особенно сильно зашкаливает. Не знаю, что за пируэты она выдает, но крышу сносят похлеще урагана.

Одноклассница что-то говорит на ухо Лиле, та кивает, и они обе направляются обратно в ложу. Лиля не идет, а плывет, соблазнительно покачивая бедрами.

— Я смотрю, тебе здесь скучно, — останавливается возле меня.

— Приглядываю за тобой.

— Ммм. И как тебе — приглядывать за мной? — игриво склоняет голову набок.

Убийственно.

— Надоело.

Лиля издает смешок и нагло, не стесняясь, опускает взгляд на мою ширинку, которая торчит колом.

— А мне кажется, тебе нравится присматривать за мной.

Сучка.

— Ой, ребят, вы в правду или желание играете? — Лиля отворачивается от меня к друзьям.

— Да-а-а, — отвечают хором.

— Я с вами.

— Щас я задаю вопрос, — произносит Колян. — Лиля, правда или желание?

— Правда.

— Когда у тебя последний раз был секс?

Я весь обращаюсь в слух. Не знаю, зачем мне эта информация, но чувствую, что жизненно важна.

— Надеюсь, последнего у меня еще не было.

Друзья взрываются хохотом, а Ведьма поворачивается ко мне.

— Никита, правда или желание?

— Желание, — отвечаю незамедлительно.

Я совершенно точно и бесповоротно хочу исполнить любое ее желание.

— Я скажу тебе его потом отдельно. Оно секретное.

— Эй, ну не-е-ет! — кричит кто-то из друзей. — Так нельзя! Мы тоже хотим знать, что ты загадаешь Никите.

— Нет, ребят, сорри, но я потом вам обязательно расскажу. Ник, твоя очередь.

— Лера, правда или желание? — обращаюсь к бывшей однокласснице, чтобы оттащить внимание остальных от Лили.

Даже не слушаю, что рассказывает Лера. Мозг занимает только одно — желание Лили. Что же она мне загадать решила? Такого, чего нельзя знать остальным. Вот только кто бы мое желание исполнил… Надо найти кого-то на эту ночь или поскорее спустить пар самостоятельно, иначе член сломается от возбуждения.

Лиля незаметно для всех встает с кресла и направляется к лестнице из ложи, бросив на меня многозначительный взгляд. Не раздумывая, следую за ней. Подруга пробирается через толпу в сторону выхода из клуба. Я у нее за спиной. Мы вываливаемся из шумного заведения

и оба вдыхаем полной грудью теплый августовский воздух. Лиля отходит метров двадцать от двери и приваливается к стене. Я становлюсь напротив, опустив одну руку слева от ее головы.

Глаза в глаза. Дышим шумно, надрывно. Между нашими лицами расстояние сантиметров тридцать, но этот короткий отрезок так накаляется, что искрить начинает. Лиля кусает губы, съедает помаду, ее грудь вздымается быстро-быстро. Аккуратная, соблазнительная грудь, которая снится мне ночами.

— Какое у тебя желание? — выдавливаю хрипло.

В горле пересохло, пить хочу ужасно. Но не воду. Лилю. Ее выпить хочу. До дна. Всю без остатка.

Сука, это какое-то нездоровое помешательство.

— Ты уверен, что хочешь знать?

— Да.

Я еще никогда ни в чем не был так уверен, как в том, что хочу исполнить желание Лили. Любое. Даже самое больное. Даже самое сумасшедшее.

Лиля отрывается от стены и, не разрывая со мной зрительного контакта, придвигается к моему уху. Тихо шепчет:

— Оргазм.

Глава 2. Слово из шести букв

Никита

Сначала мне кажется, что я плохо расслышал. Замираю, продолжая нависать над телом Лили. Она не отстраняется от моего уха, опаляет кожу горячим дыханием.

— Повтори, — напряжённо прошу.

Молчит. Испытывает замешательство? Пожалела о сказанном? Или мне все-таки послышалось? Не могла же она в самом деле сказать «оргазм».

— Я не расслышал, повтори, — снова прошу.

— Слово из шести букв. Начинается на «о» заканчивается на «м». Отгадаешь?

Пока я продолжаю стоять как деревянный, Лиля быстрым движением убирает в сторону мою руку и вырывается из захвата. Отбегает на пару шагов, одаривает меня загадочной улыбкой и разворачивается, быстро направляясь обратно в клуб. Я не следую за Лилей, остаюсь стоять на улице. Надо проветрить мозги.

Приваливаюсь спиной к стене. Жарко. В джинсах пылает пламенем. Член мучительно больно ноет, требуя немедленной разрядки. Хочу обкончать Лилю, залить ее всю своей спермой. Эта гребаная идея стала навязчивой, как паранойя. Есть только один способ избавиться от нее — реализовать. Оттрахать Лилю и накончать на нее. А дальше будь что будет. Если она нажалуется своему отцу и тот меня пристрелит, ну что ж, моя смерть будет не зря.

С такими мыслями я возвращаюсь в клуб. В ложе Лили нет, она снова на танцполе. Крутит бёдрами, вызывая эрекцию у всех рядом стоящих мужчин. Они лапают ее сальными похотливыми взглядами. Некоторые, что посмелее, пытаются пристроиться к Лиле сзади, но она каждого отталкивает.

Я неотрывно гляжу на эту картину. Медленно-медленно, по одному градусу, в жилах начинает закипать кровь. Терпение лопается, когда какой-то придурок кладёт руки Лиле на талию. В считанные секунды оказываюсь рядом и силой отодвигаю от нее пьяного упыря. Он пытается возмутиться, но вовремя замечает мои сжатые в кулаки руки. Гнев застилает глаза, я готов вмазать ему прямо тут на танцполе.

Лиля опускает ладонь мне на плечо. Перепугалась. А я же, смотря на нее, распаляюсь еще сильнее.

— Поехали, — приказываю.

— Куда?

— Домой. Тебе уже хватит.

Пытается возмутиться, но я не слушаю, хватаю ее за локоть и тащу на выход из клуба. Сначала Лиля сопротивляется, а потом смиряется и послушно семенит рядом. Ее бархатная кожа обжигает ладонь. Электрические разряды проходят внутрь и разливаются по телу. Возбуждение уже бьет в башку, дурманит сознание. Рядом с Лилей я пьянею без алкоголя. Просто ощущать ее рядом, чувствовать запах, касаться — похлеще любого спиртного.

— Какого фига, Ник!? — возмущается, как только мы оказываемся на улице.

— Твоё детское время подошло к концу. Пора баиньки.

— Не тебе решать, когда мне ложиться спать!

— Мне. Сегодня я несу за тебя ответственность. Так что давай быстро в машину.

— Вот еще, — фыркает. — Я не натанцевалась.

Собирается войти обратно в клуб, но я перехватываю ее за руку.

— Моя машина в другой стороне.

— Сам иди в свою машину, — огрызается.

Нет желания спорить, поэтому быстрым движением подхватываю Лилю под коленями и забрасываю на плечо.

— Э-э-э-эй, а ну отпусти меня немедленно! — верещит как резаная. — Поставь меня на землю!!!!

Лиля колотит меня кулаками по спине, пока я невозмутимо несу ее к автомобилю. Не обращаю внимания на истерику. Мне не до нее, потому что я наслаждаюсь прикосновениями к Лилиным ногам. Кожа идеально гладкая. Не выдерживаю, веду вверх по икре, плавно переходя на бедро. Лиля резко замирает, перестаёт бить меня и верещать. Молчит, не шевелится. Испугалась? Или наслаждается? Клянусь, я бы запустил руку ей в трусы, если бы мы не подошли к машине.

Аккуратно ставлю Лилю на землю. Раскраснелась, надрывно дышит. Подбирает слова, чтобы обрушить на меня гневную тираду.

— Ты не имеешь никакого права мне указывать! — восклицает в сердцах, тыча в меня указательным пальцем.

— Сегодня имею. Садись в машину.

У меня в висках пульсирует, когда вспоминаю, как на нее глазели все вокруг. Делаю уверенный шаг к Лиле, кладу ладони на осиную талию, вжимаю в дверь автомобиля.

— Специально дразнишь меня?

— Не понимаю, о чем ты.

Лиля проводит кончиками пальцев по моей шее. Электрическими разрядами прошибает так мощно, что натурально дергаюсь. Уже ничего не стесняясь, упираюсь в Лилю стояком. Охает. Пусть почувствует, до какого состояния довела меня. И ведь уже давно доводит. Она мокрая? Хочет меня?

Когда мы учились в последнем одиннадцатом классе, произошла не очень приятная история, в результате которой выяснилось, что Лиля якобы влюблена в меня. Возможно, все было не так, и слова Лили вырвали из контекста. На всякий случай я тогда сходил к ней на откровенный разговор. Лиля посмеялась и сказала, что ее не так поняли. Ко мне кроме дружеских чувств больше ничего не испытывает. Я поверил, успокоился и ушел.

Фиг его знает, что она на самом деле ко мне чувствует. Лиля никогда не проявляла ко мне симпатии. Вот вообще никогда. Я полтора года встречался с ее лучшей подругой, Лиля и глазом не повела. Мы с Лилей всегда только дружили и ничего больше. Я и сейчас вижу в Лиле лишь подругу, но почему-то член стоит таким колом, что выть хочется. В какой момент это произошло? Когда вообще Лиля успела стать такой секс-бомбой?

Быстрым движением облизывает пересохшие губы. Залипаю на эту картину, борясь с желанием впиться в ее соблазнительные губы поцелуем.

— Я хочу пить, — шепчет.

— Бутылка воды на заднем сиденье.

Вырывается из моего захвата и залезает в салон на заднее сиденье. Находит воду, делает несколько жадных глотков. Пока не вылезла обратно из машины и не начала со мной спорить, быстро сажусь за руль, блокирую двери и трогаюсь с места. Весь путь до дома Лиля недовольно молчит, глядя в окно. А я то и дело смотрю на нее в зеркало заднего вида. Даже поправил его так, чтобы в обзор попадали ее ноги. Правда, из-за этого не видно автомобилей

сзади, но ничего страшного. И так доедем.

Аромат Лили наполняет салон. Я напитываюсь им словно губка. Лиля даже пахнет, как цветок. Чем-то нежным, утонченным. Ее запах проникает в меня, разливается по венам, дурманя мозг и даруя чистый кайф. Меня адски штормит. В какой момент это началось? В какой момент я стал так реагировать на Лилю? Я ведь знаю ее всю жизнь, и никогда такого не было.

— Приехали, — объявляю, когда паркуюсь во дворе нашего дома.

Лиля нехотя переводит глаза с окна на мое лицо. Возникает пауза. С каждым мгновением воздух в салоне электризуется все больше и больше. Чтобы прервать гнетущее молчание, нажимаю кнопку разблокировки дверей. Но Лиля не выходит из автомобиля.

— Не хочешь домой?

— Не хочу.

Смотрит дерзко, с вызовом. Скрещивает на груди руки.

Быстрым движением отстегиваю ремень и пролезаю между передними сиденьями назад к Лиле. Через пару секунд сижу рядом с ней. Вопросительно выгибает бровь. Мол, чего приперся?

— Так какое у тебя было желание? — спрашиваю.

Надоели эти кошки-мышки. Я до умопомрачения хочу засадить Лиле по самые гланды. Хочу трахать ее рот, потом ее киску, потом снова ее рот. Хочу обкончать ее всю спермой.

Смелость с лица Лили как рукой сняло. Сейчас она не то испугалась, не то засмущалась. Мне по фиг.

— Слово из шести букв, первая — «о», последняя — «м», так? — смотрю ровно в ее темно-карие, словно две шоколадки, глаза и кладу ладонь на колено.

Глава 3. Оргазм

Никита

Чувствую, как Лиля напрягается. Не отводя от нее взора, веду ладонь вверх по ноге. Лиля не скидывает мою руку, не просит прекратить. Дойдя до края платья, ныряю под него и медленно-медленно поднимаюсь по внутренней стороне бедра. Останавливаюсь в одном сантиметре от трусиков.

Лиля не дышит. А я наоборот делаю все более жадные вдохи. Не сводя с нее глаз, свободной рукой расстегиваю ремень на своих джинсах. Лиля глядит на мою вздымающуюся ширинку. Следом расстегиваю пуговицу и молнию. Член, так долго мечтавший о свободе, тут же выпрыгивает из штанов.

Лиля делает надрывный вдох, и в этот момент я касаюсь ее киски. Мокрая. Трусики — хоть отжимай. Проскальзываю под них пальцами и притрагиваюсь к самому чувствительному бугорку. Охнув, Лиля падает затылком на подголовник.

— Пиздец, ты мокрая, Лиль, — хриплю, водя пальцами по ее гладкой без единого волоска киске.

Подруга блаженно прикрывает веки, позволяя мне терзать ее клитор. Пальцы полностью в ее смазке, скользят как по маслу. Я вожу ими вверх-вниз, делаю круговые движения. Дыхание Лили учащается, с губ срываются тихие стоны. Она начинает сжимать бедра, двигаться навстречу моей руке. Ей хорошо. Ей очень хорошо. И почему-то осознание того, что такое удовольствие доставляю Лиле именно я, приятно греет.

Лиля уже не просто двигает бёдрами мне навстречу, она прыгает на моих пальцах и громко стонет. Как же красиво она стонет! Слушал бы и слушал эту мелодичную песню. Хватается за ручку над окном, сжимает крепко до побелевших костяшек.

— Ах, Ник… — зажмуривается, когда я начинаю ласкать ее еще быстрее.

Мне нравится, как звучит мое имя из ее уст в этот момент.

— Хочешь кончить?

— Да, — выдыхает, выгибаясь дугой. Кладёт ладонь поверх моей, крепче прижимая к своей киске.

— Твоё желание — оргазм?

— Да… Мое желание — оргазм.

Она уже на грани. Еще чуть-чуть и реально кончит.

— Ник… Пожалуйста… Не останавливайся…

Пиздец, мне самому сносит крышу от происходящего. Извивающаяся и стонущая от моих пальцев Лиля — это лучшая картина, которую я видел в своей жизни. Выпускаю член из боксеров. Сжимаю головку второй рукой и тоже издаю стон. Лиля размыкает веки, переводит затуманенный взгляд на мой эрегированный член в смазке.

— Хочу твой рот.

Почувствовать на головке члена соблазнительные губы и язычок Лили кажется чем-то жизненно необходимым. Но сначала подарю ей обещанный оргазм. Надавливаю пальцами на клитор сильнее, ускоряюсь — и вот через несколько секунд подруга детства, с которой я играл в песочнице, бурно кончает, выкрикивая мое имя:

— Никита…

Даю ей отдышаться несколько секунд. Потом протягиваю бутылку воды. Лиля жадно

пьет, как будто пробежала марафон. Закрутив на горлышке крышку, поворачивает голову ко мне и недоуменно смотрит на мой торчащий в небо член.

— Теперь твоя очередь дарить мне оргазм. Пососи, плиз. Я мечтаю о твоём минете. Хочу кончить тебе в рот.

Кладу ладонь на затылок Лили, чтобы опустить к паху, но она неожиданно вырывается.

— Вообще-то, я тебе никакое желание не должна.

— Что? — не понимаю, о чем она.

— Мы играли в «Правду или желание». Я выбрала желание. Ты его исполнил. А я тебе никаких желаний не должна, — и невинно хлопает глазками.

— Лиль, ты издеваешься!? У меня член сейчас взорвется!

— А я тут при чем?

— Как это при чем? Он на тебя стоит! Возьми в рот, пожалуйста, а то я умру, — последнее предложение произношу совсем жалобно.

Дожил, блин. Уламываю телку мне отсосать. Вообще-то, я привык к тому, что они сами опускаются на колени.

— Я очень сочувствую тебе и твоему члену, Никит, — наигранно вздыхает. — Но ничем не могу вам помочь. Мне пора домой.

Пока я в шоке пытаюсь осознать происходящее, Лиля вылезает из машины и торопится к подъезду. Даже не оглядывается.

Это что, блядь, сейчас было??? Лиля меня продинамила???

Вот же стерва!

Я ей это еще припомню.

Глава 4. Стыд

Лиля

Щеки горят, легкие пылают огнём от каждого вдоха, тело пронизывает дрожь. Заходя в квартиру, от нервов громко роняю ключи на пол. Не разбудить бы родителей. Я сейчас не в том состоянии, чтобы с ними встречаться. Мне кажется, они все поймёт по одному моему виду.

К счастью, из родительской спальни никто не выходит. Тихо на цыпочках крадусь в свою комнату. Закрываю дверь, поворачиваю замок и падаю на кровать. Меня переполняет микс чувств: адреналин, эйфория, восторг, радость, страх, стыд… Поверить не могу в то, что произошло в машине Никиты. Я испытала первый в своей жизни оргазм, и не с кем-то, а с парнем, которого люблю, сколько себя помню.

Не могу поверить, что осмелилась загадать ему оргазм. Чем я только думала? Что мною двигало? Я ведь поклялась сама себе, что никогда не выдам своих чувств к Никите, никогда не стану одной из его фанаток. Он ведь совсем ко мне безразличен.

«Как это при чем? Он на тебя стоит!», всплывают в памяти слова Никиты, сказанные всего пять минут назад.

Нет-нет, нельзя развешивать уши. Это не любовь, а всего лишь похоть. У Никиты нет ко мне чувств.

Я бы никогда не решилась на такое, если бы не заметила, что у Ника появился ко мне интерес. Не такой, как мне хотелось бы, но все же теперь он смотрит на меня больше, чем как на подругу детства. Я стала для Никиты сексуальным объектом. Таким же сексуальным объектом, как и все его многочисленные поклонницы. Он спит с ними, ничего не обещая, а потом забывает их имена.

Что же мне теперь делать? Как вести себя в присутствии Никиты? Как смотреть ему в глаза? Лицо огнём полыхает, когда вспоминаю член Ника. Он хоть понял, что я первый раз в своей жизни видела вживую мужской член? Нет, не понял. Так просил меня о минете, как будто я умею его делать.

Мысли еще долго жужжат пчелиным роем в голове. Сама не замечаю, как засыпаю в платье и макияже. Просыпаюсь от светящего в глаза яркого солнца. Время на телефоне показывает два часа дня. На кухне звучат громкие голоса родителей, гремит посуда. Аккуратно проскальзываю в душ. Нужно смыть с себя следы похода в ночной клуб.

В памяти всплывает все, что произошло между мной и Никитой. Резко включаю холодную воду, потому что моментально в жар бросает. Я как будто до сих пор чувствую прикосновения пальцев Никиты к своей промежности. Его взгляд — голодный, возбужденный — душу выворачивает.

Неужели это правда было? Неужели мне не приснилось?

Было.

Не приснилось.

С ума сойти.

— Всем доброе утро, — громко говорю родителям, заходя на кухню.

Папа недовольно на меня глядит.

— Уже день.

— Всем добрый день, — сажусь на стул.

Мама ставит передо мной тарелку, накладывает еду. Я веду себя как ни в чем не бывало. Нельзя выдать родителям, что что-то изменилось. Тем более моя мама и мама Никиты — лучшие подруги.

— Как погуляла? — спрашивает папа и придирчиво меня оглядывает.

Мой отец все никак не привыкнет, что мне не девять лет, а девятнадцать. Считает, что мне еще рано ходить в клубы.

— Нормально. Повидалась с одноклассниками.

— Во сколько вернулась?

Закатываю глаза.

— А ты не слышал?

— Нет, уснул.

— Рано вернулась, часа в три.

— Никита привёз тебя?

— Да.

— Он за тобой присматривал?

О, папа, ты даже не представляешь, КАК он за мной присматривал.

— Ага, и заставил вернуться раньше. Так я бы еще задержалась.

— Лиля, отнеси Свиридовым кастрюлю, — родительница ставит передо мной металлическую посудину.

Моя мама и мама Никиты постоянно обмениваются то сковородками, то салатницами, то формами для выпечки, то кастрюлями. Курьерами чаще всего служим мы с Никитой. Ему это не очень нравится. А вот я, наоборот, рада лишний раз попасть домой к Никите и поговорить с его мамой. Евгения Владимировна — кладезь информации о ее сыне. Такой информации, которую сам Никита о себе никогда не расскажет.

Но сейчас я испытываю смешанные чувства. Пойти домой к Никите — это значит увидеться с ним. Я готова встретиться с Ником лицом к лицу после произошедшего в машине? Не знаю.

В крови разыгрывается волнение. От него потеют ладони. Мне страшно.

— Лиля, ты слышишь меня? Отнести Свиридовым кастрюлю.

— Д-да, хорошо, — неуверенно соглашаюсь.

Быстро доедаю лазанью, выпиваю кофе и ухожу к себе. Ну что я так разволновалась, в самом деле? Вообще-то стыдно должно быть не только мне, но и Никите тоже. Правда, я сомневаюсь, что он в принципе способен испытывать чувство стыда.

Одежду для похода к Никите домой я всегда выбираю тщательно. Это должно быть что-то привлекающее его внимание, но в то же время не вызывающее подозрений у его мамы. Сейчас лето, почти тридцатиградусная жара, так что если я надену короткие джинсовые шорты и майку в облипку, думаю, Евгения Владимировна не подумает ничего такого. А вот Никита обратит внимание и на мои ноги, и на мою грудь. Уже давно обращает.

«Он на тебя стоит!», снова в памяти всплывают слова Никиты, сказанные в машине, и от стыда я падаю лицом в ладони.

Глава 5. Кладезь информации

Лиля

Произошедшее ночью кажется какой-то параллельной реальностью. Это просто невероятно! Я и мечтать не смела, что однажды между мною и Никитой произойдёт нечто подобное. Вот только это для меня важно и значимо, но не для Никиты. У него полно девушек, он постоянно приводит их домой, когда нет родителей. И те девушки дают ему все, что он хочет.

Так, Лиля, успокойся. Ты не сделала ничего противозаконного. Между прочим, Никита и сам был очень не против перейти от дружбы к сексу.

Настроив себя на позитивный лад, выхожу в подъезд, спускаюсь на этаж ниже и звоню в дверь квартиры, которая расположена ровно под нашей. Не проходит и минуты, как Евгения Владимировна открывает.

— Лилечка, дорогая, — улыбается во весь рот. — Заходи.

— Здрасьте, теть Жень. Мама передала вам кастрюлю.

— Хорошо, — забирает ее из моих рук. — Пойдём на кухню. Как твои дела?

Евгения Владимировна сопровождает меня через всю их огромную жилплощадь в сторону кухни. Свиридовы в разное время выкупили все квартиры на своей лестничной площадке, разбили стены и теперь владеют целым этажом в подъезде. У них не то восьми-, не то девятикомнатная квартира, что ли. Меня всегда интересовала только одна из них. Та, что ровно под моей спальней. Комната Никиты.

— Присаживайся, — тетя Женя указывает на высокий барный стул. — Будешь лимонад?

— Буду.

Евгения Владимировна наливает мне из кувшина полный стакан.

— Как прошла ваша встреча выпускников? — садится на барный стул напротив.

Не только я считаю Евгению Владимировну кладезем информации о ее сыне. Она считает меня таким же кладезем. Тетя Женя любит как бы невзначай поспрашивать меня про Никиту. Когда мы учились в школе, она устраивала такие допросы постоянно. Сейчас реже. Но только потому, что и с Никитой мы стали видеться реже. Естественно, я никогда не говорила ей ничего плохого про ее сына, никогда не выдавала его проступки, если таковые имелись.

— Хорошо, многие пришли.

— Вы не слишком поздно вернулись, да?

— Да, где-то в районе трёх часов ночи.

— Чем Никита занимался в клубе?

Как же мне хочется рассмеяться! Ну чем можно заниматься в ночном клубе?

— Общался с одноклассниками.

— Пил? — задаёт вопрос как бы невзначай.

— Нет, что вы. Никита же за рулем. Да и нельзя ему. Никита вообще никогда не пьет.

Вру. Никита пьет. Очень редко, но пьет.

— А курил?

— Никита не курит.

Снова вру. Иногда Никита курит.

— Ах, я так переживаю, что эта студенческая жизнь собьёт его с правильного пути! —

восклицает в сердцах.

А вот теперь начинается самая интересная для меня часть. Тетя Женя сейчас вывалит все новости своего сына. Сам он ни за что мне не расскажет. Да и не только мне, а вообще никому. Никита — профессиональный футболист. Он делает большие успехи, но не распространяется о них. Единственная для меня возможность узнать, что происходит на его профессиональном поприще, — это выведать у тети Жени. Так что я вся обращаюсь в слух.

— Ты же знаешь, Никиту в ряды запасных взял хороший московский клуб, — чуть понижает голос. — На нескольких последних матчах Никита выходил на поле в добавочное время и каждый раз забивал гол. Теперь тренер хочет перевести Никиту в основной состав.

Успехам Никиты на футбольном поле я радуюсь, как своим собственным. Я ни секунды не сомневаюсь, что Ник станет блестящим футболистами и будет играть за лучшие клубы.

— Ого! — искренне восторгаюсь. — Здорово!

— Да. Но это еще не все. У Никиты новый агент.

— Что это значит?

— Я надеюсь, что если Никита хорошо проявит себя в основном составе клуба, то агенту удастся договориться о том, чтобы в перспективе Никиту купил какой-нибудь клуб получше. Возможно, даже европейский. И тогда Никиту могут взять в сборную страны!

— Это было бы замечательно.

— Да. Поэтому я переживаю, чтобы Никита не вляпался ни в какую историю и не свернул с намеченного пути.

Как по мне, так Евгения Владимировна и есть самый лучший агент для своего сына. Именно она отвела Никиту на футбол в четыре года и сделала все возможное для того, чтобы он добился успеха.

— Не переживайте, теть Жень. Никита жить не может без футбола. Он никогда не сделает ничего из того, что повредит его футбольной карьере.

— Вот бы Никиту взяли в сборную, — мечтательно вздыхает.

— Я думаю, у него есть все шансы. Никиту перевели в основной состав клуба, если проявит себя на чемпионате России, то, может, и в сборную пригласят.

— Может, однажды мой сын станет чемпионом мира.

В том, что сборная России по футболу способна когда-нибудь в этой жизни выиграть Чемпионат мира, я сильно сомневаюсь. Даже если в составе сборной будет играть любовь всей моей жизни Никита Свиридов. Но тете Жене об этом лучше не говорить. Она слишком болезненно на такое реагирует.

— Может быть, теть Жень. Я верю, что…

Что Никита добьётся большого успеха в футболе, я договорить не успеваю, потому что он появляется на кухне.

Глава 6. Приглашение

Лиля

— Всем доброе утро, — не спеша, вразвалочку, в одних спортивных штанах и с голым торсом Никита проходит к нам.

— Уже день, — поправляет его Евгения Владимировна.

— Лиля! — наигранно удивляется. — Давно не виделись. Как спалось?

Никита облокотился рукой на барную стойку и без зазрения совести лапает глазами мои ноги. Щеки моментально вспыхивают, перед глазами прокручивается все, что произошло в машине. Как Никита может быть настолько спокоен и невозмутим? Мастурбировать девушке и доводить ее до оргазма — это для него обычное дело?

— Нормально спалось. А тебе?

— Плохо. Странный сон снился. Как будто какая-то ведьма сначала дразнила меня, а потом опрокинула.

— Что значит опрокинула? — ужасается Евгения Владимировна.

— Продинамила.

— Не поняла. Что значит продинамила?

— Не важно, мам, — отмахивается Никита.

— Нет, важно. Вдруг сон — вещий? Вдруг это связано с футболом? Надо посмотреть, к чему снятся ведьмы. Где мой телефон? — Евгения Владимировна засуетилась по кухне.

— Мам, успокойся, — Никита запрыгивает на стул напротив меня. — Не думаю, что это плохой сон. В конце концов, не зря ведьм за их похождения сжигали на кострах. И эту ведьму, которая меня продинамила, ждет такая же участь.

Никита говорит, глядя ровно на меня. О, да. Кажется, Ник приготовил для меня отдельный костер из своей мести. Я выдерживаю взгляд Свиридова, хотя от стыда за произошедшее в машине хочется сползти под стол.

— Сон о ведьме для мужчины может символизировать разочарование, — тетя Женя нашла свой телефон и залезла в сонник.

— Разочарование у меня точно было.

— Никита, я прошу тебя! Не вляпайся ни в какую историю!

— Мам, да успокойся ты, — устало произносит, по чему я понимаю, что тетя Женя уже порядком достала сына своими переживаниями.

Разговор о ведьмах и сновидениях прерывает звук входящего сообщения на телефоне Никиты. Я машинально бросаю взгляд на экран, но не успеваю увидеть, от кого смс. За секунду в голове проносится миллион предположений, кто может писать Никите: от его тренера по футболу до влюблённой в него дурочки из группы поддержки. По игривой ухмылке Никиты понимаю: пишет не тренер.

Я давно научилась скрывать свои настоящие чувства к Никите. Он полтора года встречался с моей лучшей подругой. При мне они сидели в обнимку в школьной столовой и целовались на переменах. Соня делилась со мной подробностями их свиданий, рассказывала, какие Никита устраивает ей сюрпризы. Так что я умею прятать свою боль настолько глубоко, что ее никому не видно.

Вот и сейчас я легко переключаюсь с Никиты на его маму. Отвечаю на какой-то вопрос тети Жени, не подавая вида, что меня беспокоит, с кем переписывается ее сын. Любовь к

Никите стала неотъемлемой частью меня, а вместе с ней и маска безразличия, которую я каждый день ношу на лице. Никто не подозревает, какой на самом деле ад творится у меня внутри. Волю чувствам я могу дать лишь ночью, когда тихо реву в подушку.

Меня поймет только тот, кто любил не взаимно.

— Вова спрашивает, куда мы вчера так рано делись, — Никита откладывает телефон в сторону и смотрит на меня.

С души падает тяжёлый камень. Ему писала не девушка, а наш бывший одноклассник. Но следом вырастает новый камень. В десятом классе Вова начал проявлять ко мне знаки внимания. Сначала я косила под дурочку и делала вид, что не понимаю намеков. Тогда Вова заявил прямым текстом, что я ему нравлюсь, и предложил встречаться. Не будь Вова моим близким другом, я бы отшила его в грубой форме, но тут мне пришлось лавировать, чтобы не ранить его чувства и при этом сохранить хорошие отношения.

— Что ты ответил?

— Что ты захотела спать, и мы поехали домой.

Мог бы и правду сказать: что сам утащил меня из ночного клуба.

— Он приглашает нас на дачу в субботу.

Не успеваю ответить, как на телефон падает сообщение. От Вовы:

«Лиля, привет! Не пообщались толком в клубе. Приглашаю всех в субботу к себе на дачу. Продолжим встречу выпускников. Приедешь?»

Я бы с удовольствием отказалась, потому что наверняка Вова будет снова ко мне подкатывать, вот только Никита явно намерен ехать. Не могу же я отпустить Свиридова одного.

Мою любовь к Никите неотрывно сопровождает мазохизм. Я знаю, что наверняка Свиридов у Вовы на даче замутит с какой-нибудь девушкой. Этой девушкой буду, естественно, не я. Мне будет до смерти больно. Но я все равно поеду и буду смотреть на Никиту, целующегося с какой-нибудь барби. А потом провожу их спины, когда они пойдут уединяться в укромное местечко.

«Привет! Приеду»

— Меня тоже сейчас пригласил. Я поеду. Давно не видела Вову.

— Со школьного выпускного?

— Нет, мы виделись после.

Никита прищуривает глаза.

— Это когда?

— Несколько месяцев назад.

— А кто еще с вами был? — удивляется.

— Никто. Мы вдвоём.

Это недосвидание, на котором Вова пытался меня очаровать, а я упорно делала вид, что у нас дружеская встреча, даже вспоминать не хочется. Я так надеялась, что в институте Вова в кого-нибудь влюбится и оставит попытки меня завоевать, но не тут-то было. Он писал мне всю добрую половину первого курса.

— Как интересно. Значит, вы с Вовой видитесь у всех за спиной.

Под «всеми» Никита имеет в виду других наших друзей: Сережу, Ульяну и Соню. Последняя — моя лучшая подруга, с которой Никита встречался полтора года.

— У кого «у всех»? Соня замужем и с ребенком, Ульяна работает, Серёжа учится, — выкручиваюсь. — Тебе тоже все время некогда.

— Ну вы бы меня позвали, и я бы вам сказал, некогда мне или есть когда.

Не понимаю реакцию Никиты. Он недоволен, что я виделась с Вовой, что ли? А ему-то что?

— Никита! — осуждающе восклицает тетя Женя. Я уже и забыла, что она все еще здесь. — Что ты пристал к Лиле? Может, у них с Вовой было свидание. Кстати, Владимир очень положительный молодой человек.

Никита стремительно меняется в лице. Мне становится не по себе от заявления тети Жени, я не хочу, чтобы кто-то думал про меня и Вову, будто мы пара.

— Что вы, теть Жень. Это было не свидание. Мы просто кофе попили. Как бывшие одноклассники.

— Вова очень тебе подходит, Лилечка. Обрати на него внимание.

Мне подходит ваш сын, тетя Женя, отвечаю ей мысленно. Никита внешне выглядит спокойным, но я-то на самом деле знаю его наизусть. Он зол. Дышит медленно и тяжело, плотно сжал челюсть. Так буравит меня глазами, как будто дырку проделать хочет.

— Отвечу Вове, что тоже поеду к нему в субботу, — Никита произносит это голосом, не предвещающим ничего хорошего, и берет в руки телефон.

В груди разыгрывается волнение. Интуиция подсказывает, что из этой поездки ничего дельного не выйдет. Но я же не могу допустить, чтобы Никита поехал один! Я должна вонзить себе в сердце новый осиновый кол, наблюдая за тем, как Никита с кем-то целуется.

— Ладно, — спрыгиваю с высокого стула. — Я пошла домой. Спасибо за лимонад, теть Жень, очень вкусный.

— До субботы, Лиля, — летит мне в спину голос Никиты. — И не забывай, что ведьм сжигали на кострах.

Ну конечно же, Никита так просто не оставит, что я его продинамила.

Глава 7. По его правилам

Лиля

Собираться на дачу к Вове сложно. С одной стороны, хочется взять побольше соблазнительных вещей, чтобы привлекать Никиту. А с другой, не хочется провоцировать Вову. Если бы не Свиридов, я бы никуда не ехала. Настойчивость Вовы порядком надоела, намеков он не понимает, а грубить не хочется.

И все же я беру с собой максимально соблазнительную одежду: короткие шорты, мини-юбку, топы и купальник-бикини. Рядом с дачей Вовы есть озеро, без купания в нем не обходится ни одна встреча у друга.

В субботу утром я еду одна, без Никиты. У него тренировка по футболу. Но даже если бы он предложил поехать вместе, я бы все равно отказалась. Признаться честно, пока побаиваюсь оставаться с ним наедине. Я хорошо запомнила угрозу про то, что ведьм сжигают на кострах.

Когда я переступаю порог Вовиного коттеджа, здесь уже собралась половина класса. Людей даже больше, чем в ночном клубе. Приехали те, кто не смог тогда.

— Лиля, привет! — Вова с широкой улыбкой выходит мне на встречу. — Очень рад тебя видеть.

Без зазрения совести он обнимает меня за талию и поднимает над землей.

— И я тебя, Вов, — сдержанно приобнимаю его за спину.

Как только друг ставит меня на землю, спешу выпутаться из его объятий. На самом деле Вова вполне симпатичный парень. Высокий, подкачанный. Я знаю нескольких девочек в нашей школе, кому он очень нравился. Я могла бы попробовать с Вовой отношения, но знаю, что ничего из этого не выйдет. Я не разлюблю Никиту, а Вове только ложную надежду дам. В итоге счастлив не будет никто.

— Я оставил тебе комнату в доме, в конце коридора на втором этаже. Закрыл ее на ключ, чтобы никто не занял.

Какой Вова заботливый. Переживает, чтобы не спала в гостиной на полу вместе с теми, кто не успел застолбить спальню.

— Спасибо большое! Я поселюсь туда с Ульянкой.

— Да, конечно, — произносит несколько разочарованно.

Уля — моя подруга и гарант того, что Вова не захочет переночевать вместе со мной. Друг отдаёт мне ключ от спальни, я заношу туда сумку с вещами и выхожу обратно на улицу. В беседке в саду девочки нарезают салаты, а мальчики рядом делают мясо на гриле. Не сказать, что у нас был очень дружный класс, но потусить вместе мы любили. Особенно приехать на дачу к Вове. У него большой коттедж рядом с лесом и водоемом.

Никита появляется ближе к вечеру, когда большинство еды съедено, а алкоголя выпито. Девочки тут же воодушевляются. За год после школы Никита стал еще красивее и мужественнее. Я и сама засматриваюсь, когда он входит во двор со спортивной сумкой на плече. Но успеваю вовремя спохватиться и отворачиваюсь. Никто не должен знать о том, что я люблю Никиту.

— Всем привет! — Никита заходит в беседку, жмёт руки нескольким парням и садится на свободное место напротив меня.

Вот теперь мне можно смотреть на Никиту наравне со всеми. Если я умышленно стану

прятать взгляд, то это будет слишком заметно. Поднимаю на Свиридова лицо и сразу встречаюсь с его колючими глазами. Мы не виделись после того разговора на кухне вместе с его мамой. Что там Никита говорил про ведьм? Что их сжигают? Мне секунды хватает, чтобы понять: Никита все еще держит для меня отдельный костёр.

— Привет, Лиль! — первым начинает разговор. — Как дела? Давно не виделись.

— Вы же соседи, — опережает меня с ответом Лера Полежаева, главная шлюшка нашего класса.

Она и сейчас вырядилась. Обтянула сиськи третьего размера и накрасилась, как восьмиклассница.

— Мы редко видимся, хоть и соседи, — отвечаю ей и возвращаю внимание Никите. — Спасибо, все хорошо. А твои как?

— Сильно устаю на тренировках и никак не получается снять напряжение.

Этот абсолютно пошлый ответ вгоняет меня в краску. Хорошо, что под смуглой кожей не видно моих полыхающих щёк.

Никита и дальше будет так меня цеплять, понимаю. Не успокоится, пока не затащит в постель. Я стала для него секс-объектом. Таким же, как все остальные вокруг девушки, которых он трахал, а на следующий день забывал. Неужели он и со мной готов поступить так же? Совсем не думает, как мы будем общаться после одноразового секса, о котором он мечтает? Отношения Никита не предложит, потому что чувств ко мне у него нет. Грустно, но факт.

Мне не хочется быть использованной им. Уж лучше я буду тайно страдать и плакать по ночам, чем дам Никите то, что он хочет, а потом останусь ни с чем. Но подразнить его интересно. Совершенно точно я не могу отказать себе в удовольствии поиграть с Никитой по его же правилам.

— Сочувствую, — произношу с жалостью и слегка склоняюсь над столом. Никита неотрывно пялится на мою грудь, его даже не смущают люди вокруг. — Старайся больше отдыхать. А то, знаешь ли, переутомление чревато проблемами со здоровьем.

Глава 8. Сильнее страха

Никита

Опять дразнит меня. Ведьма.

Я не готов так просто оставить тот факт, что Лиля бросила меня со стояком и умчалась в закат. Я твердо намерен получить свое. Лиля задолжала мне минет, а должников я не прощаю.

— Это какими еще проблемами со здоровьем?

У Лили небольшая грудь, но такая соблазнительная, что у меня чуть ли слюни не текут. Небрежным движением она отбрасывает в сторону волосы, и я залипаю на эту картину. На каждом ее вдохе два круглых полушария вздымаются вверх, будоража во мне кровь.

— Либидо снизится, — ржёт Вова и садится на скамейку рядом с Лилей. Обращается к ней: — Будешь еще что-нибудь пить?

— Белое вино.

Вова тут же бросается пополнить Лиле бокал. Потом заботливо подкладывает ей в тарелку фрукты.

Мне, конечно же, известно о том, что мой лучший друг Вова влюблён в мою лучшую подругу Лилю. В школе Вова даже просил у меня советов по завоеванию Ведьмы. И я ему их давал. Но не сработали, раз Лилька до сих пор воротит от него свой красивый носик.

Сейчас меня немного раздражает мельтешение Вовы. Если он узнает, какие у меня фантазии на Лилин счет, то нашей дружбе с первого класса придёт конец. Еще и драться ко мне полезет. Вова весь такой благородный: цветы, рестораны, свидания. Кстати, любопытно, почему Лиля не повелась на его ухаживания. Впрочем, по фиг. Мне же лучше.

Прости, друг, но у меня свои планы на Лилю.

— С либидо у меня нет проблем. Оно, скорее, снизится у того, кто о спорте даже не слышал.

— Ребят, а пойдёмте на озеро! — предлагает Лера Полежаева.

— Да, пойдёмте, — подхватывает Лиля.

Дерьмово. Лицезреть Ведьму в купальнике — то еще испытание.

Остальные одноклассники тоже охотно соглашаются. Девочки бегут в дом переодеваться, мальчики складывают в пакеты алкоголь.

— Я уже не знаю, как перед Лилей расстелиться, чтобы она обратила на меня внимание, — Вова подсаживается ко мне.

Ему опять нужен совет по ее завоеванию, что ли? С некоторых пор я не готов содействовать Вове в заполучении Лили.

— Может, уже забьешь на нее?

— Не получается.

— Вон сколько девушек вокруг. В сто раз красивее Лили.

— Я вижу, но меня на ней зациклило.

Вот тут я тебя понимаю, друг. Меня тоже на ней зациклило.

— Вов, — кладу руку ему на плечо. — Просто забей на нее и развлекайся с более податливыми. Вон Полежаева, — киваю головой в сторону дома. Лера стоит на крыльце ну в очень откровенном купальнике и сверкает буферами. — И даст тебе, и отсосет, как пылесос.

Вова брезгливо морщится.

— Да ее уже кто только не трахнул.

— Так это же хорошо. Значит, она все знает и умеет. Не надо тратить время на ее обучение. Секс должен приносить удовольствие. А если девушка лежит как бревно, то какое с ней может быть удовольствие? Только пустая трата времени. Так что я бы на твоем месте давно переключился на Полежаеву.

Меня раздражает, что Вова нарезает круги вокруг Лили. Я бы даже сказал, что не раздражает, а подбешивает. Не так чтобы сильно, но на нервы действует.

— Я не люблю общественные туалеты, а такие, как Лера, — это общественный туалет.

— Тебе не по фиг, если она дает и сосет?

— Нет, мне не по фиг. Ну не люблю я шлюх.

— Ну тогда удачи с Лилей.

В этот момент Ведьма выходит из дома и становится на крыльце рядом с Полежаевой. На ней желтый раздельный купальник, поверх которого белая прозрачная накидка. Я невольно засматриваюсь на Лилю, чувствуя, как член наливается кровью. До чего же она стала сексуальной, и я просто до смерти хочу ее.

Миллион раз уже прокрутил в голове произошедшее в машине. Лиля, извивающаяся под моими пальцами, двигающаяся им навстречу, — самая лучшая картина, которую я когда-либо видел. А ее стоны — это самая красивая песня, что я слышал. Какая же у нее обалденная фигура, ноги, шея, грудь. Почему я раньше не замечал? Или раньше этого не было?

Я помню, что Лиля носила брекеты, ходила в мешковатой одежде и упорно замазывала тональником прыщи, а их все равно было видно. Сейчас нет ни брекетов, ни мешковатой одежды, ни прыщей. Сейчас Лиля — это ходячий секс.

Хочу ее.

Из дома выходят другие девчонки, и мы выдвигаемся в сторону озера. Ведьма упорно делает вид, что меня здесь нет. Разговаривает с кем угодно, кроме меня, смотрит на кого угодно, кроме меня. Это распаляет еще больше. Нет, тогда в машине мы не закончили. Я свой десерт не получил.

— Вов, помажь, пожалуйста, мне спину кремом, — просит Лиля, когда все рассаживаются на берегу озера, а кто-то идет купаться.

Я аж чуть не давлюсь газировкой, когда слышу это. Вова, не ожидавший такого счастья, растерянно моргает и не находит слов.

— Д-да-да, конечно, — быстро берет себя в руки и забирает у Лили солнцезащитный крем. Она поворачивается спиной и убирает длинные волосы вперед, чтобы Вова намазал ей спину.

Глядя на это, у меня медленно кровь закипает. Неужели она и правда сдалась под напором Вовы? Да ну не может быть! Не верю! А что тогда? Хз. Почему меня не попросила намазать ей спину? Она ведь текла по мне в машине. Лиля хотела меня так же сильно, как я ее. Ведьма что угодно может говорить, а ее тело красноречивее любых слов.

— А-а-а-а-а, — раздается женский визг со стороны озера, и из воды выскакивают несколько бывших одноклассниц. — Там змея!

Перепуганные, они в прямом смысле трясутся от страха.

— А, это уж, — спокойно поясняет Вова, продолжая тщательно намазывать Лиле спину. — Он не кусается.

— Вова, ты нормальный вообще??? — верещит Полежаева. — То есть, у тебя тут змеи

водятся, а ты даже не сказал???

— Так это же уж! Он безобидный.

— Да иди ты! У меня чуть инфаркт не случился!

— Лера, почитай в интернете про ужей, если мне не веришь.

— Блин, Вов… — настороженно замечает Лиля. — Серьезно, что ли, тут змеи?

Лиля напряглась и, как только Вова закончил мазать ей спину, испуганно отошла на шаг подальше от воды.

— Лиль, ты до сих пор змей боишься? — ухмыляюсь.

Ведьма моментально вспыхивает. Поняла, что я имею в виду. Есть у нас одна забавная история из детства, где Лиля так испугалась безобидного ужа, что начала заикаться. Ее даже к логопеду водили, чтобы это исправить.

— Я не боюсь змей, — отвечает с вызовом.

— Да неужели? А чего тогда от воды отошла?

— Просто отошла.

— Боишься до сих пор.

Есть у Лили одна странная особенность — она не любит, когда кто-то знает о ее слабостях. Боязнь змей — это в представлении Лили слабость. Поэтому она сейчас так ощетинилась. А мне нравится ее злить. Целый час Лиля упорно делает вид, что не замечает меня. Это моя маленькая месть.

— Ты, конечно же, лучше меня знаешь, чего я боюсь, а чего нет, — язвит.

— Блин, там реально змея плавает! — ржёт Серега, стоя по пояс в воде.

Девочки аж подпрыгивают от страха. Лиля держится изо всех сил, но я то вижу, как у нее глаз задергался. Смешно.

— Лиль, спорим, ты теперь не пойдёшь купаться? — говорю со смехом.

Простреливает меня глазами.

— Я и не собиралась.

— Ну конечно. Как узнала про змею в воде, так сразу и не собиралась.

— Я не боюсь, — цедит.

— Ну так залезай в воду.

Стоит молчит. От тяжелого дыхания крылья носа вздымаются.

— Серёг, — громко обращаюсь к другу. — Змея еще там?

— Да, плавает.

Это мой шанс.

— Спорим, что ты не залезешь в воду?

Смыкает плотно челюсть. Весь вид Лили говорит о том, что она меня яро ненавидит.

— Давай, Лиля, спорим, что ты не пойдёшь купаться?

— Никит, отстань от неё, — вмешивается Вова.

— Заткнись, — грубо отшиваю друга. Достал уже.

— На что спорим? — Спрашивает Ведьма.

— На желание, — отвечаю незамедлительно.

— Хорошо. Спорим на желание.

На этих словах Лиля разворачивается к озеру. Да ну не может быть! Она не залезет в воду! Она же боится змей!

Лиля входит одной ногой в озеро и замирает.

— Серёг, змея там? — снова обращаюсь к приятелю.

— Да.

Лиля стоит по щиколотку в воде и, кажется, не дышит. По крайней мере спина не вздымается. Увидела змею и замерла, догадываюсь я.

Встаю с травы и подхожу ближе к озеру. Все одноклассники притихли и таращатся на Лилю, Вова стреляет в меня гневным взглядом. Да иди ты! Сейчас Лиля проспорит мне желание.

Змея действительно плавает. Маленькая такая и худая, одна голова торчит. Нарезает круги в воде, оставляя за собой след. Не очень приятное зрелище, особенно когда выпускает вперед раздвоенный язык. Понятно, почему девчонки испугались.

Нет, Лиля точно, не…

Не успеваю додумать мысль, потому что в следующее мгновение Лиля срывается с точки и забегает на несколько шагов в воду, а затем ныряет с головой. Через несколько секунд всплывает на поверхность в середине озера:

— Ну и кто кому проспорил, Ник?

Ведьма!

Моментально скидываю с себя одежду и тоже запрыгиваю в воду. Доплываю до Лили быстрее, чем бегу по футбольному полю. Она ждёт меня, победоносно улыбаясь. Кладу под водой руки ей на талию и придвигаю к себе.

— Что это за спектакль? Ты же боишься змей.

— Соблазн выиграть у тебя желание оказался сильнее страха.

Вжимаю ведьму в свое тело. Мне по фиг, пускай все видят. Шумно дышим в унисон, боремся взглядами. Оба таким огнём полыхаем, что вода закипает. Чем дольше смотрю в ее ведьминские глаза, тем сильнее меня засасывает в трясину. В трясину по имени Лиля. Умом понимаю, что надо прекращать, а не могу. Мне нравится это. Нравится тонуть в ней.

Скольжу ладонями по тонкой талии, спускаю их вниз к ягодицам и сжимаю.

— Эй, руки не распускай! — возмущается.

— А то что?

Толкаюсь стояком ей между ног. Охает и пытается вырваться, но я крепко держу ее за ягодицы.

— Что это за показуха была с Вовой? — задаю наболевший вопрос.

— Не понимаю, о чем ты.

— Попросила бы меня намазать тебе спину.

— Я хотела, чтобы это сделал Вова.

Я распаляюсь еще сильнее. Рывком тяну Лилю вниз. Уходим под воду. В детстве наши семьи часто ездили вместе отдыхать на море. Там мы с Лилей часами плавали и учились открывать глаза под водой. В какой-то момент у нас это получилось.

Вот и сейчас на глубине в пару метров мы лицом к лицу смотрим друг на друга. Я крепко прижимаю к себе Лилю. Ее длинные шоколадные волосы колышутся над головой в разные стороны. Слегка отросшими ногтями Лиля проводит по моей шее. Меня молнией прошибает. Она не прекращает. Ведет ноготками дальше по груди и ключицам. Срочно нужно сделать вдох, поэтому тащу Лилю обратно на поверхность. Мы выныриваем, одновременно делая громкие глотки воздуха. Отдышавшись, спрашиваю:

— Какое у тебя желание?

Самодовольно поднимает уголки пухлых красивых губ.

— Оргазм. Без применения рук и члена.

— Это как? — не сразу понимаю.
— У тебя слишком острый язык, Никита. Пора найти ему правильное применение.
Она поставила мне шах и мат.
— Однажды я сожгу тебя на костре! — рычу и снова утаскиваю Ведьму под воду.

Глава 9. Приходи

Лиля

Я снова пошла ва-банк, совершила безрассудный поступок, прыгнула в омут с головой. Чем я только думала, когда загадала Никите подобное? Мне же опять будет стыдно! А впрочем, он сам нарвался. Нечего было разводить меня на слабо.

Мы с Никитой определенно привлекаем внимание бывших одноклассников. Они так и пялятся на то, как Ник не выпускает меня из озера. Он утаскивает меня под воду, где без лишних глаз прижимает к себе. Время замирает в эти мгновения. Он обнимает меня за талию, держа вплотную. Я обвиваю ногами его торс, а руками шею. И так мы просто смотрим друг на друга на глубине в пару метров.

Мне кажется, под водой Никита слышит, как сильно бьется мое сердце, чувствует, как шарашит мой пульс. Не могу поверить, что это происходит на самом деле. Никита не проводит время в компании какой-нибудь податливой девушки, которая готова сделать все, о чем он попросит. Он со мной. Смотрит на меня хоть и с похотью, но так, что душу пробирает.

Еще год назад я и подумать не могла о том, что Никита Свиридов будет желать меня как девушку. Это, конечно, не любовь, о которой я мечтаю, но лучше, чем ничего. Лучше, чем когда я была для него просто безликим другом.

Как жаль, что я не умею надолго задерживать дыхание под водой. Как жаль, что нельзя остаться здесь навсегда вот так в обнимку с Никитой. Как же больно отрываться от него и всплывать на поверхность. Мы в полуметре друг от друга, дышим шумно и жадно. Тело еще ощущает на себе объятия Никиты.

— Мы уже думали, вы там утонули! — кричит нам кто-то из бывших одноклассников.

— Надо возвращаться на берег, — говорю Никите.

— Зачем?

— На нас все смотрят.

— Ну и пусть смотрят.

Нет, я так не могу. Мне неудобно перед Вовой. Хотя бы не на его глазах и не на его даче флиртовать с Никитой.

— Я сплю в комнате на втором этаже в конце коридора. Жду тебя там для исполнения моего желания.

Сказав это, разворачиваюсь и плыву в сторону берега. Никита не плывет за мной, остается купаться в озере дальше. Мне нельзя так долго быть со Свиридовым наедине, нервы начинают шалить. Сердце никак не унимается, стучит чуть ли не в ушах. Скоро выпрыгнет из груди.

Змеи, к счастью, уже нет, поэтому на берег выхожу без проблем. С моим появлением бывшие одноклассники чуть притихли и начали переглядываться между собой. Это означает, что только что обсуждали меня. Или нас с Никитой. Скорее, второе. Ложусь на полотенце рядом с Вовой и закрываю глаза под лучами яркого солнца.

— Тёплая вода, — говорю, чтобы хоть что-то сказать.

Молчит. Я сразу начинаю чувствовать себя виноватой во всех грехах. Вот вроде я Вове ничего не должна, а все равно неудобно. Зря я, наверное, попросила его намазать мне спину кремом. Хотела позлить Никиту, а в итоге дала Вове ложную надежду.

— Ты не купаешься? — спрашиваю.

— А ты пойдёшь со мной? Я еще лучше Никиты нырять умею.

Это даже, наверное, правда. Вова долго занимался плаванием.

— Я уже накупалась.

— Так я и думал.

— А чего ты к нам не пришел нырять?

— Не хотел вам мешать.

Ответы Вовы не лишены яда и обиды. Упорно делаю вид, что не замечаю этого. Открываю глаза и смотрю на друга, всеми силами стараясь изобразить изумление.

— Вов, ты чего? Когда это ты нам мешал? Мы же с первого класса всегда везде вместе были.

Не отвечает. Ложится на траву и закрывает рукой глаза от солнца. Мое чувство вины усиливается. Начинает неприятно саднить. Так, Лиля, успокойся. Ты свободная девушка и Вове ничего не обещала.

Никита вылезает из воды через пять минут и совершенно точно никакого чувства вины перед Вовой не испытывает. Но не подходит к нам, присоединяется к Серёже и паре других парней. Удивительно, что он не подошёл к девочкам. В частности, к расфуфыренной Полежаевой и ее подружкам. Неужели не попытается снять на ночь одну из них?

До конца вечера Никита держится преимущественно с парнями. Ну просто не узнать его. Со мной больше не заговаривает, как и я с ним. Моя подруга Ульяна в итоге не приехала, а Вова все еще то ли обижается, то ли просто расстроен, поэтому мне приходится общаться с девочками, с которыми я в школе не дружила. Мне особо не о чем с ними говорить, так что, как только темнеет, я ухожу в выделенную для меня Вовой комнату. На мое счастье, она совмещена с ванной.

При каждой мысли о том, что скоро появится Никита и исполнит мое желание, поджилки трясутся. А в том, что Свиридов явится, сомнений нет. Даже не знаю, чего я хочу больше: чтобы он пришел или чтобы не пришел. Если придёт, то что будет потом? Как мы будем дальше общаться? Нашей дружбе настанет конец? А может, уже настал?

Я хожу по острому лезвию, играю с огнём. Как парня я Никиту никогда не заполучу, а как друга рискую потерять. Как после этого жить, не имею ни малейшего понятия. Если я лишусь общения с Никитой, это будет означать мою смерть. Оно мне нужно как воздух.

Выйдя из ванной, сначала долго сушу волосы, потом зачем-то делаю на ночь макияж. Хотя кого я обманываю? Не «зачем-то», а вполне с конкретной целью и для конкретного человека. Надеваю короткие шорты, топ и сажусь на кресло ждать. Чем больше времени проходит, тем сильнее я нервничаю. На часах двенадцать ночи, еще никто из друзей спать не собирается. На первом этаже громко играет музыка, на улице звучит задорный смех.

Еще через полчаса меня начинает клонить в сон.

Не придёт, думаю. Ну, может, и к лучшему. Снимаю с постели покрывало, как в дверь раздается стук. Замираю. Не дышу.

Стук повторяется. Наверное, это Вова. Пришел спросить, все ли в порядке. Но неприятное предчувствие уже зашевелилось в груди. На непослушных ногах дохожу до двери и открываю.

— Не спишь, Ведьма? Я приготовил для тебя костёр.

Глава 10. Шкаф

Лиля

Внутри все опускается. Он пришел. Стоит с лукавым выражением лица, глаза полны похоти и порока. Не дожидаясь, когда я приглашу, отодвигает дверь в сторону и проходит. Сбрасывает с плеча сумку, с которой приехал, и осматривает комнату.

— Миленько.

Пока в коридоре никто не появился, быстро закрываю дверь и поворачиваю замок.

— Я уже спать собралась, — брякаю от нервов первое, что пришло на ум.

В спальне горит один ночник. Полумрак навевает на меня еще больше страха. Вдруг понимаю, что никогда не оказывалась с Никитой наедине в темной комнате.

Он делает шаг ко мне. Я инстинктивно отступаю назад. Никита снова приближается. Я снова отступаю. И так до тех пор, пока не упираюсь спиной в стену. Свиридова забавляет ситуация. Наверное, чувствует мой страх. Это его веселит.

— Признавайся, Ведьма, — кладёт руки мне на талию. — Что ты со мной сделала? Приворожила?

Никита склоняется еще ближе и слегка кусает зубами шею. Тело тысячами молний простреливает. Внизу живота резко сжимается узел, соски твердеют. Дыхание Никиты разгоняет мурашки по тонкой коже. Он снова целует шею, слегка прикусывая ее. Ведет ладонью вверх по обнаженной талии, переходит на топ и сжимает грудь.

— Без использования рук, — напоминаю свое желание.

— Ар-р-р-р, — обреченно рычит.

Отрывается от шеи и заглядывает мне в лицо. В полумраке помещения его светлые глаза кажутся чёрными как ночь.

— Хочу тебя, Лиль, — хрипит и прижимается ко мне бедрами. Сквозь свои и его джинсовые шорты чувствую каменный член.

— Хотеть не вредно, — язвлю.

Смеется, и этот смех не предвещает для меня ничего хорошего. Возвращается к моей шее, целует ее, задерживаясь губами на коже. Рвано выдыхаю и откидываю голову назад. Не контролируя своих движений, одной рукой обнимаю Никиту за спину, а второй сильнее прижимаю к себе его голову. Чувствую, как между ног становится очень мокро. У меня всегда так рядом с ним, но тогда в машине и сейчас это просто потоп какой-то.

Никита творит какие-то немыслимые вещи. Водит по шее губами и языком, слегка прикусывает, затем целует. От переполняющих меня чувств и ощущений ноги слабеют, и я почти висну на Свиридове. Инстинктивно сжимаю бедра, сладкая патока разливается между ног, но этого мало. Мне хочется ещё и больше.

Никита идет поцелуями ниже. Спускается по грудной клетке, целует через топ полушария груди, медленно садясь на колени. Переходит на живот, ведет горячими губами дорожку из поцелуев к пупку и ниже. Он и правда разжег для меня костёр, потому что я вся пылаю. Жар огненными шарами перекатывается по телу, особенно концентрируясь внизу живота и между ног. Там ноет и пульсирует, возбужденная плоть требует прикосновений.

Никита останавливается у шорт. Смотрю на него сверху вниз и не верю, что он реально это сделает. Да ну, нет, сейчас придумает какую-нибудь отмазку.

— Хочу тебя.

Никита расстегивает пуговицу зубами.

Мамочки! Он это серьезно? О чем я только думала, когда загадала такое желание!

Ворох мыслей в моей голове прерывает неожиданный стук в дверь. Мы с Никитой вздрагиваем одновременно.

— Кто это? — спрашивает меня шепотом.

Растерянно пожимаю плечами.

— Лиль, ты не спишь? — звучит за дверью голос Вовы.

Я аж чуть ли не подпрыгиваю, словно ужаленная. Никита поднимается на ноги и вопросительно глядит на меня. Выгибает бровь. Что он хочет этим сказать? Я и сама не знаю, зачем пришел Вова.

— Кх-м, нет, не сплю, но собираюсь, — отвечаю громко.

— Можешь открыть?

Начинаю паниковать. Вова ни в коем случае не должен увидеть Никиту. Как я ему объясню, что здесь делает Свиридов почти в час ночи? Хотя я и не должна ничего объяснять Вове, потому что ничего ему не обещала, но мне все равно неудобно. Вова мой хороший близкий друг детства, вдобавок я нахожусь на его даче. Он выделил мне лучшую комнату во всем доме не для того, чтобы я тут обжималась со Свиридовым.

— Сейчас, я уже легла. Мне нужно одеться, — говорю громко, а затем шепотом обращаюсь к Никите: — Спрячься.

— Что? — возмущается, но хорошо хоть тоже шепотом. — Куда?

Оглядываю комнату. Тут и спрятаться особо некуда. Под кровать Никита не поместится, за шторой его будет видно. Можно в ванную, но если в нее закрыть дверь, то Вова заподозрит неладное.

Мой взгляд опускается на большой зеркальный шкаф-купе.

— Давай в шкаф, — хватаю Никиту за руку и тащу к нему.

— Ты сдурела? Почему я вообще должен прятаться?

Резонный вопрос.

— Потому что я не хочу, чтобы Вова знал про нас.

— А мне по фиг, пусть знает.

— Он твой лучший друг!

— И что теперь? Я должен у него разрешение спрашивать, чтобы к тебе подойти?

Нет времени спорить со Свиридовым. Открываю дверцу шкафа. Какое счастье, что там почти пусто!

— Давай залезай, — толкаю его.

— Блядь… — ругается. — Какого хрена, Лиль?

— Сиди тут и помалкивай.

Закрываю за Никитой дверцу и перевожу дух. Поправив волосы, иду открывать, но по дороге замечаю сумку Никиты. Закидываю ее под кровать.

— Привет, — встречаю Вову с широкой улыбкой.

Он сразу впивается в мое лицо подозрительным взглядом. Прищуривается, изучает. Надеюсь, Никита не оставил мне засос на шее?

— Привет, разбудил?

— Ну, я уже легла, но еще не уснула. Ты что-то хотел? Проходи.

Вова не отказывается от приглашения. Ступает в комнату и принимается ее оглядывать. Дверь в ванную открыта, он смотрит и туда.

— А ты не видела Никиту?

Так вот зачем он пришел. Все-таки что-то подозревает. Злюсь сама на себя. Ну вот почему я такая мягкотелая и не могу отшить Вову прямым текстом? Даже если мы с Никитой тут чем-то и занимаемся — это только наше личное дело. Мы никому ничего не должны. Я свободная девушка, а Никита свободный парень.

— Когда я уходила спать, он был в саду. А что?

— Он куда-то пропал, на сообщения не отвечает.

Пожимаю плечами.

— Не знаю.

— У тебя его точно нет? — и снова впивается в меня глазами.

— Конечно, Никита у меня, — зло выпаливаю. — Я спрятала его в шкафу.

Вова начинает смеяться, медленно расслабляясь. А я только сейчас осознаю, что именно брякнула.

— Извини, — произносит, отсмеявшись. — Не знаю, что на меня нашло. У тебя все в порядке, всего хватает? Может, что-то нужно? Ты не голодна?

Никогда ни один парень не заботился обо мне так, как Вова. В школе он носил мою тяжёлую сумку с учебниками, в кафе клал мне на тарелку последний кусок пиццы, на улице накидывал на плечи свою куртку.

О том, что однажды ко мне точно так же будет относиться Никита, я даже не смею мечтать. Свиридов, порой, даже не спрашивает, как мое самочувствие, если я болею. Вот она разница между Вовой и Никитой. Вова влюблен в меня как в девушку, а Никита только хочет как сексуальный объект. И то с недавних пор.

— Спасибо, Вов, — отвечаю с искренней благодарностью. — Все в порядке, правда.

— Ну хорошо, тогда я спокоен. Если что-то будет нужно, говори, не стесняйся.

— Конечно.

Вова разворачивается к выходу, делает несколько шагов, но неожиданно останавливается. Снова поворачивается ко мне.

— А какие у тебя планы на следующую неделю?

В груди начинает шевелиться неприятное предчувствие.

— Да никаких, в общем-то. Это последняя неделя августа перед универом. Буду готовиться к учебе.

— Может, в один из дней сходим куда-нибудь?

Вова приглашает меня на свидание. А Никита сидит в шкафу и слышит это. Во мне просыпается настоящая вредная Ведьма. Я не могу отказать себе в удовольствии позлить Никиту, несмотря на то, что мне очень жаль чувства Вовы. Просто, выяснилось, что Свиридов реагирует на поползновения Вовы ко мне. Я не могу не использовать это.

— Да, давай сходим, — соглашаюсь.

Это только чтобы позлить Никиту, говорю сама себе. Когда Вова позвонит мне на следующей неделе, я придумаю какую-нибудь отмазку.

— Куда бы ты хотела?

— Я подумаю и скажу тебе.

— Хорошо. Тогда спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Вов, — тороплюсь выпроводить его.

Облегченно выдыхаю, только когда поворачиваю в двери замок. Но я зря расслабилась. Потому что дверца шкафа открывается и оттуда вылезает злой, как черт, Никита.

Глава 11. Наказание

Лиля

— Ну и что это было? — надвигается на меня как гроза. — Какого хрена ты засунула меня в шкаф?

Я снова испуганно отступаю назад, пока не упираюсь ногами в кровать. Никита останавливается вплотную ко мне. Настолько близко, что я чувствую его разъяренное дыхание.

— Послушай, с Вовой все сложно. Я не хочу его обижать. Ну подумаешь, посидел пять минут в шкафу!

Мои объяснения не пронимают Никиту. Наоборот, распаляют еще больше.

— Я очень зол. И ты будешь за это наказана.

— Чего??? Так, ты пришел исполнять мое желание. Вот исполняй и проваливай восвояси, — указываю пальцем на дверь. — Посмотрите на него, раскомандовался!

Рыча, Никита валит меня на постель и ложится сверху. Это происходит настолько быстро, что не успеваю осознать. Буквально одна секунда — и вот Свиридов уже на мне. Делаю глубокий вдох и задерживаю дыхание. Я чувствую Никиту каждым миллиметром своего тела. Это разгоняет по венам адреналин, учащает пульс.

— Куда ты собралась с ним идти?

От Никиты исходит жар. Он перемешан со злостью и похотью. Пропитываюсь им насквозь, заряжаюсь этой порочной энергией.

— На свидание, — произношу с вызовом.

Глаза Никиты чернеют, челюсть смыкается.

— Я жду исполнения своего желания.

Глядя ровно мне в лицо, Никита приподнимается на одном локте, а второй рукой сжимает мою грудь.

— Без рук! — напоминаю.

В ответ он мнёт грудь сильнее. Охаю. По коже электрические разряды проходят. Никита склоняется к моей шее и ведет по ней вниз языком, оставляя мокрую дорожку. Доходит до ключиц и грудной клетки, рисует на них узоры языком. С каждой секундой я возбуждаюсь все сильнее. Член Ника упирается мне между ног, и я борюсь с диким желанием потереться о него. Мне одновременно и хочется, и стыдно.

Ник снимает с меня топ. Соски моментально твердеют, кожа покрывается мурашками. Меня охватывает смущение. Я еще никогда не оказывалась с голой грудью перед парнем. Закусываю губу и зажмуриваюсь. Хорошо, что Ник пожирает глазами мою грудь, а не смотрит мне в лицо, иначе бы понял, как я стесняюсь.

— Без рук, — напоминаю шепотом, хотя самой до смерти хочется, чтобы Ник нежно провёл пальцами по чувствительной коже.

Он целует грудь. Ласково касается губами соска. Это невесомое прикосновение к плоти, проносит желание по всему телу мощной волной. Ник снова целует, слегка зажимая сосок губами. Выгибаюсь в пояснице, непроизвольно вырывается тихий стон. Никита делает круговое движение языком по ареоле, затем снова целует.

— Ах, — не могу сдержать чувства в себе.

Ник переходит ко второй груди, проделывает с ней то же самое. Я мягко извиваюсь под

ним, тихо постанываю. Как же это хорошо, как же приятно! Между ног мокро, я очень возбуждена. Мне хочется большего, хочется почувствовать Никиту в себе. Я мечтаю заниматься с ним любовью.

Вот только Никита не из тех парней, кто занимается любовью. Он из тех, кто занимается сексом.

Неожиданно Никита отрывается от груди и стаскивает с себя футболку. Непонимающе гляжу на него, но не задаю вопрос. Слышу, как он сбрасывает с ног обувь, а затем снимает джинсовые шорты.

— Зачем ты раздеваешься? — недоуменно спрашиваю.

— Одежда мешает.

Он остается только в боксерах. Я гляжу во все глаза, как из них выпирает член. Свиридов поднимает меня на постели повыше и снова ложится сверху. Теперь я чувствую его каменный агрегат в полной мере, он упирается в меня. Никита оставляет мою грудь и целует ниже, идет по животу мимо пупка. Снова расстёгивает зубами пуговицу на шортах, затем молнию.

Вот он этот момент, после которого точно не будет дороги назад. Мы больше не сможем быть друзьями, как раньше. Может, еще не поздно остановиться? Ну и что с того, что Никита облизал мне сиськи? Это не так страшно, как если он в самом деле сделает мне кунилингус. Это же положит конец нашей дружбе.

Пока в моей голове происходит важный мыслительный процесс, Никита стаскивает с меня шорты. Кажется, он не парится теми же вопросами, что и я. Он совсем не дорожит нашей дружбой?

— Я пиздец как хочу тебя, Лиль, — хрипло произносит, разглядывая мои прозрачные стринги.

Начинаю дрожать. Не то от страха, не то от желания. Я мечтаю об оргазме и в то же время боюсь его больше всего. Пока я терзаюсь сомнениями, Никита целует меня между ног через трусики. Ахаю. Он зубами отодвигает их в сторону и в следующую секунду касается плоти языком и губами.

Ну вот и все. Теперь точно назад дороги нет.

Никита целует меня ТАМ, рисует языком узоры. Я пошире раздвигаю ноги и, не стесняясь, стону. Наслаждение накатывает на меня волнами, внизу живота разливается тягучая патока. Я начинаю медленно двигать бедрами, сжимаю руками грудь.

— Да-а-а, — шепчу, выгибаясь. — Еще.

Это несравнимое удовольствие. Я не знаю, что может быть лучше. За девятнадцать лет своей жизни я не испытывала ничего слаще. И это еще не полноценный секс, а только кунилингус. Что же люди чувствуют, когда занимаются сексом полноценно?

— Какая же ты вкусная, одуреть можно. Блядь, Лиль… Как же я тебя хочу.

Никита начинает возиться, по звукам понимаю, что стягивает с себя боксеры.

— Без рук и без члена, — напоминаю, а у самой глаза закатываются от удовольствия.

Никита разочарованно стонет, но правда не касается меня ни руками, ни членом. Он ускоряет движения языком, моя голова начинает метаться на постели в агонии. Я уже близка к эпицентру наслаждения, к самой вершине, к пику. Быстрее двигаю бёдрами навстречу Никите, и наконец-то происходит долгожданный взрыв. Я сотрясаюсь мелкой дрожью, издаю протяжный стон, высоко выгибаюсь в спине и падаю на кровать, шумно дыша.

Мое сердцебиение громче орущей музыки на первом этаже. Оно заглушает все вокруг.

Меня продолжает трясти, по телу проступает испарина. Не верю в произошедшее. Просто не верю. Это сон. Я сейчас проснусь.

— Да-а-а, — врывается в мозг голос Никиты, и в следующую секунду мне на грудь и лицо прыскает что-то тёплое.

Я резко распахиваю глаза и наблюдаю следующую картину: Никита стоит надо мной на коленях и дрочит член. Вернее, уже подрочил и…

Мамочки!

— Ты зачем на меня кончил!? — яростно возмущаюсь, чувствуя, как в нос проникает доселе незнакомый мне запах мужской спермы. — На лицо!!!

Никита блаженно улыбается и падает рядом на кровать.

— Это твоё наказание за шкаф.

Пока я в шоке осознаю, что несколько капель спермы попали мне на губы, Никита, как ни в чем не бывало, предлагает:

— Пойдём в душ?

Глава 12. Точки над «И»

Лиля

— Фу, мерзость, — брезгливо произношу, не беспокоясь о чувствах Никиты.

Хватаю его футболку, валяющуюся на кровати рядом со мной, и принимаюсь вытираться. Мужская сперма (даже несмотря на то, что это сперма моего самого любимого парня в мире) — настоящая мерзость. Вонючая и противная.

— Эй, это моя любимая футболка! — возмущается.

— Нефиг было на меня кончать, — огрызаюсь и ещё более тщательно вытираюсь майкой Ника.

— Я не брал с собой запасную.

— Постираешь. За ночь высохнет.

Швыряю Никите на лицо футболку в его сперме и направляюсь в душ. Я очень зла. Удаётся расслабиться только под струями горячей воды. Если отбросить дурацкую выходку Никиты в конце, то… это был просто космос. По телу все еще проходят разряды тока, когда вспоминаю, как мне было хорошо.

Как никогда!

Неожиданно дверь ванной открывается. Вздрагиваю. За запотевшими стёклами душевой, не вижу, кто это, но ведь очевидно, что Никита. Через секунду он распахивает дверцу кабины и с невозмутимым видом проходит ко мне.

— Зачем ты пришел? — испуганно спрашиваю и отступаю. Упираюсь спиной в горячую кафельную плитку.

Я полностью обнажена, Никита тоже. Сейчас я рассматриваю его нагое тело при ярком свете. Оно превосходно. Сильное, спортивное, мужественное. Как и полагается настоящему футболисту. Взгляд непроизвольно опускается ниже, на член. И он тоже красивый. Большой и ровный. И снова стоит.

Ну почему в Никите все такое идеальное?

Он тоже пожирает меня глазами. Быть обнаженной при ярком свете не то же самое, что в темноте. Сейчас мне хочется прикрыться руками, хотя я понимаю, как это будет нелепо после всего произошедшего между нами.

— Я предложил тебе пойти в душ, ты промолчала. А молчание — знак согласия.

В и без того маленькой душевой кабине становится совсем тесно. Никита заполняет собой все пространство. Свиридова становится слишком много. Он давит на меня, подчиняет. Возьми себя в руки, тряпка! Нельзя так растекаться.

Никита кладёт ладони мне на талию и становится совсем близко, вжимает меня в стену. Лихорадочно бегает по моему лицу взглядом. Мы стоим словно загипнотизированные. Я не могу отвести от Никиты глаз, он от меня тоже. Отрезвление наступает, только когда Ник упирается в меня членом.

— Убери его от меня, — командую. Стараюсь отодвинуть Никиту назад, но он не двигается с места.

— Только не говори, что он тебе не нравится.

— Ну так, пойдёт.

Хохочет.

— А ты ему больше, чем «пойдёт».

— Я польщена таким комплиментам, но все же убери от меня свой член.

Вместо того, чтобы отойти на шаг, Никита наваливается на меня всем корпусом.

— Лиль, — его голос тонет в шуме воды. — У тебя такое сексуальное тело.

Замираю, хотя еще секунду назад хотела оттолкнуть Никиту. Он водит руками по моей талии и спине, почти обнимает. Мне с одной стороны хочется, чтобы Никита продолжал, потому что я плавлюсь как воск от его рук и горячего шепота. А с другой, я не понимаю, что вообще между нами происходит.

Я первая заварила эту кашу, когда загадала Никите оргазм. Не удержалась. Видела его интерес ко мне и не смогла устоять. Вот только что теперь? Мы зашли слишком далеко? Было бы не плохо расставить точки над «И».

— Никит, что ты от меня хочешь?

— Я хочу тебя.

— В каком смысле?

— Трахать тебя хочу.

— И все?

— Ну и еще, чтобы ты сосала мой член.

Хорошо, что тропический душ льётся прямо мне на голову и лицо, иначе Никита увидел бы, что я заплакала. Трахать и чтобы я сосала его член. Вот и все.

Ну а чего ты ждала, Лиля? Неземной любви? С чего ей вдруг взяться?

Пока я лью слезы, стараясь не дрожать и не всхлипывать, чтобы Никита не догадался, он принимается целовать мою шею и ласкать грудь. Я ненавижу себя за то, что мне это нравится. Но умом понимаю, что продолжать нельзя. Надо остановиться.

— А как же наша дружба? — спрашиваю.

— Да какая нахрен дружба.

Действительно. Какая нахрен дружба.

— Я не хочу заниматься с тобой сексом, — отталкиваю Никиту и отхожу на шаг в сторону. Наконец-то мне удаётся вырваться из его плена. Отошла бы дальше, но душевая кабина слишком маленькая.

— И именно поэтому у тебя каменные соски, — замечает с сарказмом.

— Помимо каменных сосков есть ещё мозги. Мы прикольно повеселились, но заходить дальше мне неинтересно.

Никита недовольно цокает языком и закатывает глаза.

— Лиль, ну что не так? Я хочу тебя, ты хочешь меня. В чем проблема?

Действительно. В чем проблема? В том, что я хочу с Никитой большего, чем секс. А он не хочет.

— Да нет никакой проблемы, Ник. Просто я не понимаю, какой нам смысл заниматься сексом.

— Смысл в удовольствии. Люди занимаются сексом, чтобы сделать друг другу хорошо.

Да ладно? А я не знала.

— Мне неинтересно.

Пока Никита не продолжил спорить, быстро выхожу из душевой кабины. Он все-таки что-то ещё возражает, но из-за шума воды не слышу. Схватив с крючка полотенце, мокрая выбегаю в комнату. Вытрусь тут.

Через пять минут из душа выходит Никита, берет свою футболку в сперме и вновь скрывается в ванной. По звукам понимаю, что стирает ее в раковине. Высушив волосы,

ложусь в кровать. Побыстрее бы Никита ушел. Хочу порыдать в подушку вдоволь.

— Куда тут можно повесить? — выходит недовольный из ванной с мокрой футболкой в руках.

Зачем он собрался вешать ее сушиться в моей комнате? Ну ладно, мне не жалко.

— Повесь на спинку стула.

Я жду, что Никита повесит майку, натянет джинсы и уйдет, но не тут-то было. Он подходит к кровати и залезает ко мне под одеяло.

— Эй, что ты делаешь? — возмущаюсь.

— Лег спать.

— Со мной???

— А в чем проблема?

Я аж теряюсь от такой наглости.

— Вообще-то эта комната только для меня одной!

— Не будь такой жадной. Все остальные комнаты уже заняты. Не прогонишь же ты меня спать на пол в гостиную.

— Вообще-то прогоню, — деловито заявляю.

— Там еще бухают, а я хочу спать.

— Иди тогда спи с Вовой в его комнате.

— Боюсь, Вова задушит меня во сне, — отвечает со смехом.

Я сажусь на постели и изумленно таращусь на развалившегося рядом Свиридова. Он закинул руки за голову, смотрит на меня со смехом в глазах и совершенно точно не собирается никуда уходить.

— Я не буду к тебе приставать. Обещаю.

Он, может, и правда не будет, но я же теперь не усну. Никита в одной постели со мной, под одним одеялом со мной. Разве я смогу сомкнуть глаза?

— Всего одна ночь, Лиль. Завтра я уеду. У меня тренировка, мне надо хорошо отдохнуть. На полу в гостиной я не высплюсь, а мне очень важно быть отдохнувшим на тренировке.

Я искренне переживаю за футбольную карьеру Никиты. Знаю, как много он тренируется, как сильно старается. Футбол — это вся его жизнь. И я сдаюсь.

— Ладно. Но даже не притрагивайся ко мне!

— Хорошо, — так быстро соглашается, что даже немного обидно становится.

Я отползаю на противоположный край постели, выключаю ночник и поворачиваюсь спиной к Никите. Мы молчим, шумно дыша. Он не спит и я тоже не сплю. Так проходит минута, вторая, третья. Интересно, о чем он думает? Наверное, о футболе. Или о какой-нибудь девушке. Не обо мне же. Конечно, не обо мне. Никита Свиридов, думающий обо мне перед сном, — это такая же фантастика, как розовые единороги, разгуливающие по центру Москвы.

— Ты серьезно пойдешь на свидание с Вовой? — вопрос Никиты прерывает поток мыслей в моей голове.

Он настолько неожиданный, что сходу теряюсь.

— Может, и пойду. А что?

— Зачем?

— А почему нет?

Никита ничего не говорит. Мы погружаемся в долгое молчание. Я жду ответа, но через

несколько минут по размеренному дыханию Ника понимаю, что он уснул.

Глава 13. Девственница

Никита

Я уже десять минут, как проснулся, но вместо того, чтобы встать, одеться и уйти, залипаю на спящую рядом Лилю. Ее шоколадные волосы разбросаны по белой подушке, аппетитная грудь вздымается на каждом вдохе. Член нестерпимо ломит.

Что же меня так на ней заклинило? Пора прекращать это. Вокруг полно девчонок, надо замутить с какой-нибудь. Я так реагирую на Лилю, потому что давно не было нормального секса. Ведьма заводит меня и динамит. Неудивительно, что у меня стояк не падает.

Силой заставляю себя оторваться от рассматривания спящей Лили и встаю с кровати. Быстро одеваюсь и выхожу из комнаты. Надо закинуть в себя какую-нибудь еду и ехать на тренировку, а то опоздаю.

На кухне настоящий погром. Перешагиваю через разбросанные на полу бутылки. В холодильнике нахожу какой-то покупной сэндвич. Мне такое есть не рекомендуется, но приехать на тренировку голодным — еще хуже.

— О, а вот и ты! — на кухне появляется Вова.

Блядь! Чего ему не спится в шесть утра? Я так надеялся избежать встречи с ним.

— Привет, я уже ухожу, — отвечаю, откусив сэндвич.

— А куда ты вчера делся? Я тебя искал.

И внимательно так приглядывается к моему лицу. Хренов Шерлок Холмс. Я бы сказал правду и по фиг, что Лиля скрывает. Но тогда у нас с Вовой возникнет скандал, и я опоздаю на тренировку.

— Пошел спать в машину.

Благо, я припарковал свою «Ауди» в конце улицы. Как чувствовал.

— А на сообщения почему не отвечал?

— Спал.

Вова снова впивается в мое лицо цепким взглядом. Ни с того, ни с сего лучший друг начинает меня бесить. Вспоминаю, что они с Лилей собрались на свидание, и в жилах медленно по одному градусу закипает кровь.

— А к чему этот допрос? — спрашиваю резковато.

Вова как будто ждал от меня провокации. Сходу набрасывается со встречным вопросом:

— А что у тебя с Лилей?

— У меня с Лилей все зашибись.

Ну, с «зашибись» я, конечно, немного преувеличил, но пусть Вова позлится. Меня пиздец как бесит, что Лиля согласилась пойти с ним на свидание.

— В каком смысле «зашибись»?

— Угадай с трёх раз.

Я дожевываю сэндвич и выбрасываю упаковку в вонючее помойное ведро.

— Ладно, мне пора на тренировку. Спасибо за приглашение. Я классно провёл время.

Хочу обойти Вову, но не тут-то было. Он останавливает меня за руку.

— Нет, Ник, подожди. Ты так и не ответил на мой вопрос. Что у тебя с Лилей?

Вырываю руку из его захвата.

— Вов, что ты от меня хочешь? С хера ли я вообще должен давать тебе какие-то объяснения?

— Я хочу, чтобы ты перестал флиртовать с Лилей.

Неожиданно Вова произносит это не с претензией или агрессией, а слезно как мольбу. Мне даже жалко его становится.

— Тебе еще не надоело за ней бегать, Вов? Неужели не видишь, что ей на тебя по фиг?

— Лиля согласилась пойти со мной на свидание, — произносит с гордостью.

Блядь… Вот зачем он мне напомнил? Зря.

— Наверное, из жалости.

Мой ответ явно не приходится Вове по душе. Моментально смыкает челюсть. Борется с желанием заехать мне по морде? Я и сам борюсь с таким желанием.

— Никита, я хочу попросить тебя как лучшего друга, — вдруг произносит.

— О чем?

— Не лезь к Лиле.

Хах!

— А то что?

— А то нашей дружбе с первого класса придёт конец.

— Какая досада.

Блядь! Как же меня бесит Вова! Решил давить мне на жалость. Вот только я не Лиля. Жалеть его чувства не буду. Сука, ярость глаза застилает от того, что он пойдет на свидание с Лилей.

— Послушай, Ник, — тоже теряет терпение. — Вокруг полно девушек, ты можешь получить любую. Зачем тебе Лиля?

— Вот именно, Вов. Вокруг полно девушек. Зачем тебе Лиля?

— Я люблю ее.

Охренеть признание. Я сейчас заплачу от умиления.

— Вов, не хочу тебя расстраивать, но мне немножко наплевать на твои чувства. Если я захочу трахнуть Лилю, я ее трахну. Прости, друг, ничего личного.

— Если тебе наплевать на мои чувства, то пожалей хотя бы чувства Лили. Или на нее тебе тоже наплевать? Станешь у нее первым, а потом обойдёшься с ней, как со всеми остальными девушками?

Так, стоп. Стану у нее… кем?

— В смысле стану у Лили первым?

— В прямом.

— Не понял.

— Что непонятного?

— Хочешь сказать, Лиля девственница, что ли? — изумленно восклицаю. Пожалуй, слишком громко, учитывая, что в гостиной за стенкой спят люди.

— Ну вообще-то да.

Оторопело таращусь на Вову, не находя слов.

— У нее никогда ни с кем не было серьезных отношений, — поясняет, пока я перевариваю эту информацию.

— И что? Это не значит, что она девственница. У меня тоже ни с кем не было серьезных отношений, но я же не девственник.

— Ты встречался с Соней Рузмановой.

При упоминании о моей бывшей брезгливо морщусь. Это были самые дебильные отношения на свете, которые я теперь отказываюсь считать отношениями. Я полтора года

ждал, когда Соня мне даст, а она все не давала и не давала. Зато когда в наш класс пришел новенький, быстро переметнулась от меня к нему. Ну и по классике жанра, новенькому Соня, конечно же, дала. Да так «удачно», что сразу забеременела.

Ну, я не в обиде на Соню, хотя когда она от меня ушла, было неприятно. Сейчас у нас нормальные дружеские отношения. Так-то в целом она хорошая девчонка. Ну влюбилась она в этого новенького, а он в нее. С кем не бывает.

— Это было давно и не правда. Вернёмся к Лиле. Откуда инфа, что она девственница?

— Это же и так понятно. Серьёзного парня у нее не было, а просто так с кем попало она спать не будет.

— Хочешь сказать, за весь первый курс института Лиля ни с кем не переспала??

— Я свечку не держал, но уверен, что нет. Лиля не такая.

Рассказал бы я ему, какая Лиля, но впадаю в ступор. Не нахожусь, как реагировать, что говорить. По поведению Лиля на девственницу не похожа. Но с другой стороны, это объясняет, почему она упорно не хочет заниматься сексом. И не берет в руку мой член. И брезгует сперму.

Твою ж мать…

Если Лиля реально девственница, то это самая дерьмовая новость на свете. Потому что я терпеть не могу девственниц. У меня их было несколько, и я зарекся с ними связываться. Секс должен приносить наслаждение, а с девственницей это невозможно. Девственницы то стесняются, то зажимаются, то боятся. Какое тут может быть наслаждение? Одна мука. Лежат под тобой как бревно и дрожат от страха. И это еще хорошо, если не льют слезы. А то была у меня одна девственница, которая от боли заплакала. У меня аж член упал. Я уже молчу про кровищу, которая из них льётся. Тоже не самое приятное зрелище.

В общем, с некоторых пор я предпочитаю заниматься сексом только с опытными раскрепощёнными девушками, которые умеют не только трахаться, но еще и делать минет. Это очень важный навык. Знаю, есть парни, которые наоборот любят девственниц. Им доставляет кайф статус первого. Но, как по мне, это какое-то извращение.

Блядь… Неужели Лиля и вправду девственница? Очень печально, если так.

— Ты же знаешь, девственницы не в моем вкусе, — выдавливаю из себя.

— Поэтому и удивился, что ты стал подкатывать к ней свои яйца. Вон, Лера Полежаева, — кивает головой в сторону гостиной, где она спит. — Больше тебе подходит. И дает, и сосет. Все, как ты любишь. А от Лили отстань.

— Да не нужна мне твоя Лиля, — раздраженно бросаю.

Не хочу больше продолжать разговор, поэтому поскорее ухожу.

Глава 14. Футболист

Никита

— Отрабатываем пенальти! — тренер свистит в свисток.

Выстраиваемся с товарищами по команде в длинный ряд. Это только по телевизору кажется, что забить пенальти — легко. На самом деле это одно из самых сложных в футболе. В первую очередь, сложно психологически, потому что, если не получится, сразу станешь лохом, который не забил пенальти. Все твои достижения до этого никто не вспомнит. Даже если ранее благодаря тебе команда выиграла Лигу чемпионов или Чемпионат мира. Ты все равно навсегда прослывешь лохом, который не забил пенальти.

Как девушки слишком долго помнят неподаренные розы, так болельщики слишком долго помнят незабитые пенальти.

Подходит моя очередь. Становлюсь у мяча. Ворота сразу начинают казаться такими маленькими, а вратарь таким огромным. Он еще специально давит морально, подпрыгивает, поднимает руки вверх. Быть хорошим футболистом — это не только проводить часы на поле, но еще и перед телевизором. А именно, внимательно следить за стилем игры каждого соперника в том числе вратаря. Нужно изучать даже поведение своих товарищей по команде, потому что сегодня вы играете в одном клубе, а завтра кого-то из вас продали конкурентам, и вы стали соперниками.

Я люблю бить в верхние углы ворот. Наш вратарь это знает, поэтому наверняка высоко подпрыгнет, чтобы отбить мяч руками. Я должен его обмануть и ударить низко. Тогда мяч пролетел под ногами вратаря.

Разгоняюсь и со всей силы бью. Вратарь ожидаемо подпрыгивает вверх. Мяч пролетает в сантиметрах пятидесяти над травой и залетает в ворота.

— Твою мать, сука, Свиридов! — ругается вратарь.

Показываю ему фак и смеюсь.

— Ты, идиот, не мог догадаться, что Свиридов ударит низко? — зло орет на вратаря тренер. — Что, блядь, за плоское мышление?

— Я не экстрасенс! — возмущается вратарь.

Ох, зря он это. Тренер категорически не любит, когда ему перечат. А сегодня он вообще не в духе, так что сейчас влетит всем.

— Ты на поле должен быть экстрасенсом, Нострадамусом и Вангой в одном лице, ты понял меня? — тренер грозно наступает. — Ты должен защищать ворота как мать родную! — Поворачивается к нам всем. — Вы слышите меня, идиоты? Вы все должны защищать ворота. Не важно, вратарь вы, или нападающий, или полузащитник. Вы все должны уметь защищать ворота. Защищать их как Родину, как детей своих! — ревет, срывая голосовые связки. — Отойди от ворот! — приказывает вратарю. — Свиридов, давай на его место!

— На место вратаря? — удивляюсь.

— Без вопросов!

Тренер на грани истерики, потому что впереди у нас важный матч. А меня недавно перевели из запасных в основной состав, поэтому я не спорю. Послушно бегу к воротам и занимаю место вратаря.

— Потом по очереди каждый из вас пойдет к воротам на место Свиридова. Продолжаем

отрабатывать пенальти! — свисток.

Безусловно, я внимательно изучаю, как другие футболисты, включая тех, с кем я играю в одной команде, забивают голы. Я знаю наизусть стиль каждого. Любимые движения, любимые точки ворот, в которые бьют. Я в своей голове держу досье на каждого.

Тимур Довлатов любит выебываться. Встречается с какой-то певицей, наделал татуировок на все руки и мнит себя Дэвидом Бэкхемом. Недавно ему еще популярная марка шампуня рекламный контракт предложила, так у него корона взлетела до небес. Вот и сейчас наверняка Тимур захочет выебнуться и как-нибудь так мяч закрутить, чтобы показать всем, какой он крутой.

Я угадал. Он решил провернуть со мной фишку со своего последнего гола. Один в один. Отбиваю мяч. Тимур глядит на меня ошарашенно, не верит, что не забил.

— Долбоеб! — орет на него тренер. — Как можно было не забить!? Даже Свиридов отбил, а он не вратарь! Я тебя, идиота, из основного состава исключу!

Довлатов что-то мямлит в свое оправдание и отходит в сторону, опустив голову. На меня тренер даже не смотрит. Он никогда не хвалит, только ругает. Если тренер никак не комментирует твою игру — это и есть похвала.

Я отбиваю четыре пенальти из десяти. Это почти половина, что считается достаточно много. Остальным товарищам по команде, когда они выходят к воротам, не удаётся отбить ни одного моего мяча. Я доволен собой, но не доволен большинством других игроков. Футбол — это командная игра, и больше половины успеха зависит не от тебя, а от остальных. А когда с тобой играют ленивые зазвездившиеся идиоты, которые не утруждают себя тем, чтобы провести пару вечеров за изучением стиля соперников, это фигово.

В раздевалке на меня смотрят исподлобья и оскалившись. Это отдельное умение — быть дружной командой на футбольном поле. Потому что за его пределами все игроки друг друга если не ненавидят, то, как минимум, завидуют.

— Свиридов! — окликает меня тренер, когда я с сумкой на плече выхожу из раздевалки.

— Слушаю, — вытягиваюсь по струнке.

— Я не просто так перевёл тебя в основной состав главным нападающим, — грозно начинает. — Если обосрешься в следующей игре, вернёшься на скамейку запасных.

— Понял.

— Если станешь таким же ленивым, как все остальные, — кивает головой в сторону раздевалки. — Вернёшься на скамейку запасных.

— Понял.

— Если зазвездишься, как Довлатов, вернёшься на скамейку запасных.

— Понял.

— Если попадёшься на алкоголе или наркоте вылетишь нахрен из команды.

— Понял.

Я как попугай повторяю одно и то же слово. Не в моих интересах вступать с тренером в полемику. Мне нужно закрепиться в основном составе, чтобы у тренера и мысли не возникло вернуть меня в запасные.

— Руководство клуба внимательно за тобой следит, — неожиданно говорит, что заставляет меня напрячься посильнее угроз. — Если облажаешься, можешь забыть о карьере.

По позвоночнику пробегает холодок. Руководство клуба ничего не делает просто так. Если руководство клуба начинает рассматривать под лупой какого-то игрока, то это только для того, чтобы предложить его другому клубу и заработать деньги. Футбол — это бизнес.

Очень крупный бизнес, в котором крутятся огромные деньги.

Но мой агент не говорил, что моей кандидатурой интересуется какой-то клуб. Да я и сам абы куда не пойду. Здесь у меня контракт на ближайшие три года. Разорвать его просто так не могут, несмотря на угрозы тренера. Хотя пункт про алкоголь и наркоту там есть. Ну, мне это не грозит. Я не пил даже у Вовы, наркотики тем более мне не по адресу.

— Мною кто-то интересуется? — осмеливаюсь задать тренеру вопрос.

— Да, футбольный клуб «Зажопинск» в городе Мухосранск! — зло рявкает, брызжа на меня слюной. — Обосрешься — там и окажешься!

— Понял.

Злой как собака тренер удаляется, а я провожаю взглядом его ссутулившуюся спину. Пока не понимаю, как относиться к тому, что руководство клуба скорее всего хочет меня продать. В любом случае мне не остается ничего, кроме как играть на максимуме своих возможностей.

Глава 15. Взамен желания

Никита

С Ведьмой я не вижусь четыре дня после того, как уехал от Вовы. Не то чтобы я сильно скучаю по Лиле и мне не хватает общения с ней, но она так и норовит пробраться в мысли. То вспомню, как резвились в озере, то вспомню, как исполнял ее желание в спальне. Член моментально встает. В конечном счете это уже начинает меня злить. Ну сколько можно? Других девушек нет, что ли? Да полно. Тем более у меня.

Захожу в соцсеть и открываю входящие сообщения. Моя популярность как футболиста стремительно растёт, а вместе с ней и количество поклонниц. Они отправляют мне запросы на добавление в друзья, предлагают познакомиться, а более смелые даже шлют интимные фотки. Очень удобно, можно сразу оценить, стоит ли тратить своё время.

Вот какая-то Юля написала:

«Привет! Ты классно играл в последнем матче. Твой гол — один из самых красивых. Это тебе маленькое вознаграждение за то, что принес команде победу»

И ниже фотка ее сисек. Ничё такие, побольше, чем у Лили. Между ними даже можно просунуть член.

— Никита, ты чего до сих пор лежишь? — в комнату врывается мама. Она почему-то при полном параде.

Мы куда-то собирались?

— А что мне делать? Стоять?

— Одевайся!

— Надо куда-то идти?

— Сегодня у тети Веры день рождения.

Хоспаде. У Лилиной мамы день рождения. Я должен был помнить эту дату?

— Зачем мне туда идти?

— Как это зачем!? Мы же дружим! Одевайся быстрее, мы опаздываем.

Я вообще-то собирался познакомиться с Юлей и сегодня же с ней встретиться. Поход на день рождения Лилькиной матери в мои планы не входил. Тем более там будет Ведьма. А встречаться с ней — это только еще больше себя мучить.

— Я не пойду.

— Никита, что за неуважение? — мать чуть ли ногой от злости не топает. — Вера так хорошо к тебе относится!

— Я тоже хорошо к ней отношусь, передай от меня поздравления.

— Никита, — мама упирает руки в бока. — Не позорь меня перед людьми.

Если моя мать вдолбила что-то себе в голову, то она не отстанет. Обреченно вздохнув, отбрасываю в сторону телефон и направляюсь к шкафу. Достаю первую попавшуюся рубашку и брюки. Мама, обрадовавшись, выходит из комнаты. Мое настроение стремительно ползёт вниз.

Через полчаса, натянув на лицо самую счастливую улыбку, поднимаюсь с родителями на этаж выше. Не успевает отец нажать на звонок, как дверь распахивается. Я аж слепну — настолько Лиля красива.

— Здравствуйте! — радостно нас встречает.

— Лилечка! — мать взмахивает руками. — Какая ты красавица.

Делая шаг в квартиру, я чуть ли не спотыкаюсь. Ведьма не просто хорошо накрасилась и оделась, а, походу, сходила в какой-то крутой салон красоты, где из неё сделали голливудскую актрису.

Порноактрису.

Кожа сияет, волосы как жидкий шёлк. Платье пастельного цвета подчеркивает каждый изгиб тела. Я не могу оторвать глаз. У меня едва не текут слюни.

Выходит мама Лили, я мямлю какие-то невнятные поздравления, а сам так и таращусь на ее дочку. Ведьма же будто специально меня не замечает. Весело щебечет с другими гостями, смеется, принимает комплименты. Она собирается хотя бы посмотреть на меня? Или реально не заметила, что я пришел и сел за стол напротив неё?

Улучив момент, когда Лиля встает из-за стола, тоже поднимаюсь. Пока родители с другими гостями увлечены едой и алкоголем, незаметно выхожу из гостиной вслед за Ведьмой. Она направляется в свою комнату. Плотно закрывает за собой дверь, но меня это не останавливает. Распахиваю ее, не постучав.

Резко оборачивается. Зря она не закрылась на замок. А вот я именно это и делаю, чтобы нам никто не помешал.

— Чего тебе? — спрашивает не очень дружелюбно.

За спиной Лили на письменном столе стоит ваза с огромным букетом алых роз. Как интересно.

— И я очень рад тебя видеть, — медленно наступаю на Ведьму. — От кого цветочки? — указываю головой на букет.

— От Вовы.

— Ходила все-таки с ним на свидание? — выгибаю бровь.

— Ходила.

— И как?

— Мне все понравилось. Вова пригласил меня на еще одно свидание.

Блядь. В башке что-то взрывается. Мозги переклинивает. Лиля скрещивает руки на груди и глядит на меня с вызовом. Еще и губы в противной ухмылке разводит. Становлюсь к ней вплотную.

— Пойдёшь?

— Конечно.

В груди нестерпимо ноет. Представляю Лилю вместе с Вовой и убить его хочется.

— Никит, мы с тобой классно повеселились, но давай сделаем вид, что ничего не было, и будем общаться, как раньше? А? Как тебе такое предложение?

Общаться, как раньше? Она это серьезно? После того, как она кончала от моего языка?

— Ты должна мне два желания.

— Я тебе ничего не должна.

— Сейчас счет два-ноль в твою пользу. Меня такой расклад не устраивает. Я хочу хотя бы ничью.

— Дорогой мой, — кладёт руку мне на плечо. — Мы с тобой не на футбольном поле.

— Мне похрен, — говорю довольно агрессивно. — Я хочу тебя.

— Хотеть не вредно, дружок.

Блядь, ну почему она девственница? Я бы завалил ее прямо здесь и сейчас. Как же я хочу Лилю. С ума схожу.

— Я вернусь к гостям, — Лиля обходит меня, чтобы выйти из комнаты, но я

перехватываю ее за талию и прижимаю спиной к себе

Она дергается и рвано выдыхает.

— Никит, отпусти, — жалобно просит.

— Не-а.

Сам не понимаю, что и зачем творю. Просто хочу трогать Лилю, сжимать, гладить, ласкать, развращать. Трахать. Все с ней хочу. Ее всю хочу.

Может, подождать, пока Лиля переспит с Вовой? Он наверняка поспешит поделиться со мной этой счастливой новостью.

Но от одной мысли, что Вова будет заниматься с Лилей сексом во мне такая ярость пробуждается, что я готов все рушить и убивать. Не хочу, чтобы он прикасался к ней. Блядь… Что со мной происходит? Я как будто помешался на Ведьме.

— Проси, что хочешь, в обмен на одно мое желание, — хриплю ей на ухо и провожу носом по лебединой шее.

Лиля натурально дрожать начинает. Дугой выгибается. Тогда я иду дальше: целую ее нежную кожу. Сука…. Я сейчас умру.

— Что ты хочешь мне загадать? — злится. — Секс? Я не буду заниматься с тобой сексом.

— Я и сам не буду заниматься с тобой сексом, — глухо смеюсь.

Лиля замирает, не понимая мой ответ.

— Твоё желание — секс? — спрашивает.

— Нет.

— Минет?

— Нет.

— Подрочить твой член?

— Нет.

— А что тогда?

— Ты сначала согласись, потом скажу.

Вожу ладонями по ее осиной талии, вдыхаю умопомрачительный аромат волос. С ума схожу. Умираю.

— Но я могу попросить что-то взамен твоего желания? — недоверчиво уточняет.

— Да.

— Тогда я хочу сходить на твой футбольный матч. Сидеть на трибунах в первом ряду и смотреть на тебя.

Блядь! Как же я ненавижу, когда кто-то из знакомых смотрит на мою игру вживую. Это отвлекает меня, не дает сосредоточиться. Я чувствую на себе чужой пристальный взгляд и нервничаю. Я запретил всем родственникам приходить. Сказал, чтобы по телевизору смотрели, а на трибунах сидеть не надо. Лиле прекрасно известно, что я не пускаю никого на свои матчи. Она и раньше просилась.

Зло рычу ей в затылок. Ведьма смеется. На мне сейчас огромная ответственность, я не могу облажаться перед тренером и снова вернуться на скамейку запасных. Я главный нападающий уважаемого московского клуба! На кону в прямом смысле слова моя карьера. А Лиля придёт, сядет в первом ряду и будет меня отвлекать. Это только по телевизору футбольное поле кажется огромным, а на самом деле оно такого же размера, как на заднем дворе в школе. Футболистам прекрасно видно зрителей на трибунах, а в первом ряду так особенно.

— Ладно, — обреченно соглашаюсь. Попробую как-нибудь не замечать Ведьму. В конце концов, она и так может купить билет и прийти. Мое разрешение для этого не нужно.

— Какое у тебя желание?

Наконец-то хоть что-то хорошее. Довольно улыбаюсь ей в шею.

— Я хочу, чтобы ты станцевала мне стриптиз.

Глава 16. Муза

Никита

Звучит громкий свисток судьи, разыгрываем с противником мяч, пасую его товарищу по команде, бегу вперед, снова принимаю мяч на себя, стараюсь продраться через трёх защитников, но получаю от одного из них по ногам и теряю мяч.

Лиля сидит в первом ряду и смотрит. Пришла. Я то и делаю вылавливаю боковым зрением ее красивое лицо. Собрала волосы в высокий хвост, оголив шею и грудную клетку с ключицами. На ряд выше Лили расположились какие-то фанатки с плакатами «Никита Свиридов, ты — лучший», но они волнуют меня куда меньше Ведьмы.

Неожиданно присутствие Лили не нервирует меня. Наоборот, даже сил придаёт. Я бегу быстрее, без проблем отбиваю у противников мяч, пасую его, потом снова принимаю на себя. Злой и черный как грозовая туча тренер расхаживает перед скамейкой запасных. Хоть губы и сжаты в нитку, а он доволен ходом игры. А то бы уже орал матом, в том числе на меня.

Прорываюсь сквозь плотную линию защиты. Отдаю пас Довлатову, потому что он ближе к воротам. Тимур пробегает несколько метров, но его догоняет один из защитников. Довлатов возвращает мяч мне, пасуя его через все поле. Я выбегаю к воротам, оставшись один на один с вратарем.

Есть только этот момент и только эта секунда. Бью со всей силы. Не пытаюсь обмануть вратаря, не делаю никакие пафосные финты, чтоб красиво по телевизору смотрелось. Просто бью по воротам. Вратарь подпрыгивает, ловит руками мяч, но я ударил слишком сильно, поэтому не удерживает его.

Гол. Один — ноль на двадцать третьей минуте первого тайма.

На меня набрасывается с поздравлениями вся команда. Кто-то запрыгивает мне на спину.

— Никитос, красавчик!

Я не спешу радоваться. Всего лишь двадцать третья минута первого тайма. У противников еще есть время закидать нас мячами. Фанатки с плакатами в прямом смысле слова подпрыгивают на пластиковых сиденьях. Но не они меня интересуют, а Лиля. Она сложила руки в замок и поднесла их к лицу. Молится, что ли?

Мы встречаемся с Лилей взглядами, и я улыбаюсь ей. Как все это странно. Я ненавижу, когда родственники и знакомые приходят на мои матчи, потому что отвлекаюсь на них. Но с Лилей на удивление нет такого. Я кожей чувствую ее поддержку. Она дает мне прилив сил и энергии. Нет невроза, раздражения, злости от того, что меня пристально рассматривают. Скорее, меня больше раздражают фанатки, потому что выкрикивают какие-то глупости. Никогда не понимал, что в головах у этих девчонок.

Мы доигрываем первый тайм и добавочное время со счётом один — ноль в нашу пользу. В раздевалке на перерыве тренер все равно орет матом, но слава богу хоть не на меня. В мою сторону не смотрит. Значит, доволен, как я сыграл первый тайм.

Когда до конца перерыва остается несколько минут, решаюсь на наглость в присутствии тренера. Открываю шкафчик и беру в руки телефон. Почему-то в глубине души надеюсь на сообщение от Лили. Не знаю, что хочу от неё получить. Можно какую-нибудь колкость, не важно. Но пусто. От Лили сообщений нет.

Зато есть от Юли, которая раньше присылала мне сиськи. Зачем-то открываю.

«Я вижу, ты просмотрел мои сообщения и фотографию. Неужели не понравилась?)»

Я бы ответил Юле, что мне очень понравилась ее грудь, но пора выходить на поле. Так что снова оставляю ее сообщение просмотренным, но неотвеченным.

Во втором тайме по приказу тренера мы делаем упор на оборону, а не на нападение. Нас устроит счет один — ноль, все равно мы выиграли. Но всего один гол не устраивает меня. Мне нужно больше. Пробиться к воротам противника сложно, они стали злее и агрессивнее. Я несколько раз больно получаю по колену. Желтые карточки не мотивируют соперников играть мягче.

Несмотря на боль в ноге и агрессию соперников, я все равно прорываюсь к их воротам. Присутствие Лили окрыляет, вдохновляет, мотивирует. Я становлюсь лучшей версией самого себя. Когда приближаюсь к воротам слишком близко, защитник, чтобы остановить меня, ставит мне подножку. Я падаю со всей силы на траву, перевернувшись в воздухе. Судья громко свистит в свисток, до меня доносится возмущённый крик тренера.

— Эй, это вообще-то красная карточка и пенальти! — слышу голос товарища по команде, обращённый к судье.

Врачи помогают мне подняться, брызгают жидким холодом на ногу. Конечно, это красная карточка и пенальти. Что тренер и делает. Трибуны взрываются. Тренер вопросительно глядит на меня. Он спрашивает, смогу ли ударить, или травма слишком сильная. Киваю. Конечно, смогу. И не такие травмы у меня были.

Становлюсь напротив вратаря. Мой самый ненавистный момент. Пенальти. Как же я ненавижу эти чертовы пенальти. Мне легче пробить стену из противников, чем ударить, стоя один на один с вратарем.

Кирилл Карташов. Рост один метр девяноста сантиметров. Двадцать семь лет. Запасной вратарь в сборной России по футболу. Пик его успеха был, когда он отбил три пенальти в финале позапрошлогоднего чемпионата страны. Из-за своего роста не подпрыгивает слишком высоко. Предпочитает ловить мяч руками, угадав, в какую сторону ударит футболист.

Он думает, что я обману его. Замахнусь в одну сторону ворот, а ударю в другую. Поэтому прыгать будет в противоположное направление. Значит, мне не следует его обманывать. И замахиваться, и бить надо в верхний правый угол.

Что я и делаю после свистка судьи. Карташов, видя, как я замахиваюсь вправо, прыгает в левую сторону. А я бью, как и планировал. Мяч попадает четко в правый угол. Еще один гол.

Вот теперь можно порадоваться. До конца второго тайма семь минут, добавочного времени будет максимум минуты три. За десять минут они вряд ли забьют нам два мяча, чтобы сравнять счёт.

Я успел заметить, как Лиля радостно подскочила, когда я забил пенальти. Нахожу ее глазами и снова улыбаюсь. Она в ответ шлёт мне воздушный поцелуй и подмигивает. Смеюсь. Это невероятно, но факт. Я рад, что Лиля пришла. Безумно рад. Мне кажется, я забил два гола, только благодаря ей. Лиля вдохновила меня.

Мы доигрываем со счётом два — ноль. Вернувшись в раздевалку, побыстрее достаю из шкафчика телефон и, игнорируя новые сиськи фанаток, пишу Лиле:

«Ты — моя муза».

Глава 17. Свалившееся счастье

Лиля

Окрылённая победой Никиты, я встаю с места и направляюсь к выходу с трибун. Наконец-то могу рассмотреть дурочек, которые сидели у меня за спиной и весь матч вздыхали по Никите. Они одеты, как чирлидерши в американских фильмах, а в руках держат плакаты в поддержку Свиридова. Рассматривая их, даже не знаю, как реагировать. У Никиты что, реально есть влюблённые в него фанатки?

Нет, я, конечно, вижу, что у Никиты в соцсетях каждый день пачками прибавляются подписчицы. Вижу огромное количество лайков и комментариев от девушек. Но что кто-то из них ходит на его матчи и выкрикивает признания в любви — это для меня шок.

Встречаюсь взглядом с одной из них. Мне показалось, она у них главная. Крашенная блондинка с ярким макияжем. Не очень высокая, но стройная. Она одета в короткий белый топ, подчёркивающий грудь, клетчатую мини-юбку, гольфы и кеды. Быстро отворачиваюсь в сторону, а вот она продолжает меня с любопытством разглядывать. Мне это неприятно. Она словно проклинает меня своим ядовитым взглядом. Ускоряю шаг, чтобы поскорее попасть на выход. В коридоре спешу затеряться в толпе, а потом вовсе скрываюсь в женском туалете.

Я уже забываю о неприятной особе, когда выхожу из кабинки и становлюсь мыть руки у зеркала. В другой кабинке за спиной звучит смыв воды в унитазе, а через секунду дверь распахивается и выходит… та самая неприятная особа.

Блин.

Продолжаю мыть руки, не обращая на нее внимания. Девушка становится рядом, подносит руки к крану, затем к дозатору с мылом, а сама продолжает с ехидством рассматривать меня в зеркале.

— Ты тоже поклонница Никиты Свиридова? — первой прерывает накалившееся молчание.

Я вынуждена поднять на нее глаза в зеркале.

— Нет.

Вот уж кем-кем, а его «поклонницей» я никогда не была.

— Мне показалось, ты пришла посмотреть на Свиридова.

Надо же, какая внимательность.

— Мы с ним друзья, — не знаю, зачем посвящаю ее в подробности. — Вместе в школе учились.

— А-а-а-а, понятно, — тянет, продолжая на меня пялиться.

Я уже закончила мыть руки, беру несколько бумажных полотенец и тороплюсь поскорее вытереть ладони.

— А я возглавляю фан-клуб Никиты Свиридова.

Мое первое желание — заржать. Но я себя сдерживаю. Эта девушка кажется мне странноватой. С виду вроде обычная и даже симпатичная, но что-то мне в ней не нравится. А впрочем, кто в здравом уме будет заниматься такой ерундой? Фан-клуб она возглавляет. У нее дел других, что ли, нет?

— Не знала, что у Никиты есть фан-клуб, — произношу, сдерживая смех.

— Хочешь вступить?

Вот тут я уже не выдерживаю и реально начинаю смеяться. Девушка глядит на меня

недоуменно.

— Слишком много чести ему, — произношу сквозь смех и спешу убраться из туалета подальше от этой неадекватной. Другим словом я не могу ее назвать.

На выходе наталкиваюсь на толпу других фанаток, которые были вместе со своей предводительницей. Они резко замолкают и впиваются в меня глазами. Ой мамочки, надо поскорее уносить ноги от этих больных. Продолжая тихо над ними посмеиваться, направляюсь быстрым шагом на выход.

С ума сойти, у Никиты есть фан-клуб! Я не испытываю ни капли ревности, мне смешно. Они ходят с плакатами на каждый его матч? Что вообще в головах у этих девушек?

По дороге к метро достаю из сумки телефон и вижу сообщение от Никиты:

«Ты — моя муза»

У меня аж дыхание сбивается, когда читаю. По лицу растягивается дурацкая счастливая улыбка.

«А ты — мой Чемпион»

Никита читает сообщение почти сразу. Печатает:

«Я рад, что ты пришла»

Останавливаюсь на тротуаре как вкопанная. Никита правда это написал? Мне не показалось?

«И я рада. Мне очень понравилась игра»

«Жду исполнения своего желания)»

Вот тут меня начинает заливать краской. О стриптизе я предпочитаю не думать. Не представляю, как буду его танцевать. Мне кажется, я сгорю со стыда. Пока я борюсь с внутренним смущением, Никита присылает новое сообщение:

«Я уже представляю, как ты раздеваешься для меня под музыку»

Падаю лицом в ладонь. Боже мой, чем я думала, когда согласилась прийти на матч Никиты в обмен на исполнение одного его желания. Подумала, что хуже секса, минета и подрочить его член ничего не может быть. А Никита обещал, что загадает не это. Оказалось, есть кое-что похуже. А именно, раздеваться под музыку для Никиты, пока он будет самодовольно сидеть и смотреть.

«Лиль…», приходит новое сообщение.

«Что?)»

«Хочу тебя»

А следом новое:

«Только не говори, что хотеть не вредно»

Именно это я и намереваюсь ответить, но торможу, закусив губу. Пока я размышляю, Никита опять пишет:

«Когда ты исполнишь мое желание?»

Конечно же, он теперь не отстанет! Слиться под каким-нибудь предлогом у меня точно не получится.

«Когда будет подходящий день и время)»

«Завтра»

Ох…

«Хорошо. Но ты же знаешь, что мужчина не имеет права трогать стриптизершу?) Только смотреть»

«Ар-р-р-р-р-р-р»

Я прямо представляю, как Никита обреченно рычит.

«Без рук и члена»

«Ты хочешь моей смерти»

«Ни в коем случае)»

«Лиль..»

«Что?)»

«А придёшь на мою следующую игру?»

«Снова в обмен на исполнение твоего желания?»

Если цена похода на игры Никиты настолько высока, то я лучше посмотрю по телевизору.

«Нет, просто так. Хочу, чтобы ты была на моем следующем матче»

У меня слезы радости на глазах выступают, когда читаю.

«Ты — моя муза», повторяет.

Чтобы совсем не расплакаться от свалившегося на меня счастья, убираю телефон обратно в сумку. Это все ничего не значит, успокаиваю себя. У Никиты нет ко мне чувств. Только похоть. Он видит во мне лишь сексуальный объект. Такой же сексуальный объект, как и все остальные красивые девушки вокруг него.

Но несмотря на это, дурацкая счастливая улыбка все никак не сходит с лица.

Глава 18. Фальшивая улыбка

Лиля

Через несколько часов после матча я становлюсь звездой всего интернета. Момент, когда я шлю Никите воздушный поцелуй, показали по телевизору в замедленном действии. Спортивные СМИ и паблики разместили фотографию с воздушным поцелуем на главные страницы. В моих соцсетях резко выросла активность, незнакомые люди стали подписываться на мою страницу и отправлять запросы на добавление в друзья.

Как хорошо, что родители не смотрят футбол и не сидят в соцсетях! Иначе я бы сгорела со стыда. Я и так не знаю, куда себя деть. В интернете меня уже окрестили девушкой Свиридова. Боже… И Вова подозрительно затих. А то написывал мне с утра до вечера. Не то чтобы я расстроена, что Вова мне не пишет, просто снова чувствую себя ужасно неудобно. Все же не надо было ходить с ним на свидание и принимать цветы.

— Лиля, отнеси Свиридовым форму для выпечки, — просит мама, отвлекая меня от рассматривания самой себя в интернете.

— Зачем вы с тетей Женей постоянно меняетесь посудой?

— Женя сказала, что хочет испечь пирог, а к ее форме он прилипнет. Отнеси. Все равно сидишь и ничего не делаешь.

Тетя Женя наверняка смотрела игру своего сына и видела меня с воздушным поцелуем. Не знаю, как предстать перед ее глазами. Она же будет задавать вопросы. Что на них отвечать? Сам факт моего присутствия на матче Никиты — уже событие. Он же никого не пускает, даже свою мать.

— Лиля, оторвись от телефона и отнеси Свиридовым форму, — голос мамы приобретает нотки строгости.

Тяжело вздохнув, повинуюсь. Спускаюсь на этаж ниже, несколько секунд набираюсь смелости и нажимаю звонок. Тетя Женя сразу открывает.

— Лилечка! — восклицает, пропуская меня в квартиру. — Проходи, дорогая.

— Мама просила передать вам форму для выпечки, — протягиваю ей в руки. — И я уже пойду.

Только намереваюсь повернуться обратно к двери, как тетя Женя захлопывает ее перед моим носом.

— Лиля, милая, давай попьём кофе.

Интонация тети Жени заставляет меня застыть на месте. В груди начинает шевелиться плохое предчувствие. Она говорит вроде бы ласково и вежливо, но на деле… я чувствую исходящий от Евгении Владимировны колючий холод.

— Дорогая моя, ну куда же ты так быстро, — тетя Женя берет меня под локоть. — Мы так давно не общались.

— Кх-м, д-да, — нервно смеюсь и послушно семеню за ней на кухню.

Залезаю на высокий барный стул, пока Евгения Владимировна колдует над кофемашиной. Судя по всему, Никита ещё не вернулся домой после матча. Меня охватывает нервная дрожь. Я почему-то начинаю бояться тети Жени.

— Никита принёс команде победу, — говорит как будто между прочим. — Два гола забил.

Нет смысла прикидываться дурочкой. Евгения Владимировна знает, что я

присутствовала на матче.

— Я в курсе. Я ходила на игру.

— Я видела тебя на трибунах, — улыбается, ставя передо мной кружку кофе. Вот только улыбается тетя Женя лишь губами. Глаза ее холодны как лед. — Твоё присутствие на игре Никиты стало для меня сюрпризом. Неужели Никита разрешил прийти? Или ты купила билет на матч, не спрашивая его?

Евгения Владимировна изо всех сил старается быть вежливой и тактичной, но я-то знаю, как ей хочется спросить в лоб: «Что ты там делала?».

— Мы с Никитой недавно поспорили об одной ерунде. Он мне проспорил. В качестве приза я пришла на его матч. Иначе Никита никогда бы не пустил меня на свою игру.

— Как интересно. А почему в качестве приза за спор ты выбрала прийти на его матч? — и внимательно так на меня глядит, чтобы отследить, если вдруг решу солгать.

— Потому что знала: это именно то, что Никита ненавидит больше всего. А я из своей вредности очень хотела ему насолить.

Тетя Женя звонко смеется, но в ее смехе нет ни капли искренности. Мне уже конкретно становится не по себе. Всегда добрая ко мне Евгения Владимировна, кажется, готова испепелить меня. И самое главное — я не понимаю, за что.

— Лилечка, спор спором, но ты должна понимать, как футбол важен для Никиты. Это тебе не мяч погонять в школе на физкультуре. Никита — профессиональный футболист. Он главный нападающий статусного московского клуба. У него есть все шансы отобраться в сборную страны. И если Никита просит не приходить на матчи, потому что это его отвлекает, значит, приходить не надо. А ты своим визитом могла помешать ему.

Выдавливаю из себя такую же фальшивую улыбку, как у тети Жени.

— Как видите, я не помешала Никите. Наоборот, вдохновила его забить два гола.

Ох, зря я это сказала. Тетя Женя застыла с каменным лицом.

— Я думаю, дело не во вдохновении от твоего присутствия, а в том, что Никита — талантливый футболист.

— Безусловно.

— А как прошла ваша поездка к Вове? — резко переводит тему и делает глоток кофе.

Следую примеру тети Жени и тоже немного отпиваю из кружки. Надеюсь, она не подмешала мне туда отравы. Я все еще не могу поверить, что отношение тети Жени ко мне резко переменилось. Надеюсь, это пройдёт. Может, она просто обиделась, что мне Никита разрешил прийти, а ей не разрешает? Скорее всего.

— Нормально. Почти все одноклассники собрались. Мы купались в озере и жарили барбекю.

— А кто не приехал?

Задумываюсь, вспоминая.

— Ну, из наших с Никитой близких Ульяна и Соня. Из остальных…

Тетя Женя перебивает меня:

— Соня — это та девочка, с которой Никита встречался в школе?

— Да, моя лучшая подруга.

Евгения Владимировна кивает.

— Помню ее.

— Она вышла замуж и родила ребёнка, — зачем-то говорю.

Тетя Женя слегка удивляется.

— Вот как. Ну передай ей мои поздравления.

— Хорошо.

— Знаешь, я так рада, что Никита расстался с ней в одиннадцатом классе, — неожиданно заявляет.

— Почему? — удивляюсь.

— Никите сейчас ни к чему серьёзные отношения с девушкой. Я рада, что мой сын ни с кем не встречается и может полностью сосредоточиться на футболе. Его ждёт блестящая карьера, а девушка будет только отвлекать Никиту.

Застываю на месте. Я не дура и прекрасно понимаю, зачем тетя Женя говорит мне это. Воздушный поцелуй. Безусловно, она его видела и что-то заподозрила. А сейчас завуалированно подаёт мне сигнал: отвали от моего сына.

В груди разливается горечь обиды. Я быстро опускаю глаза к кружке с кофе, чтобы спрятать как назло выступившие слезы. Такое кардинальное изменение отношения ко мне что стороны тети Жени почему-то воспринимается как предательство. Она же всегда искренне меня любила! Так почему сейчас смотрит на меня как на врага?

— У Никиты нет девушки, — выдавливаю из себя. — Но у него много поклонниц. Целый фан-клуб, — хмыкаю.

— Ты про девочек, которые приходят на его матчи с плакатами? Никите такие не нравятся.

— Ммм, — тяну. — А какие ему нравятся?

— Как эта девочка Соня.

А я такая, как Соня, хочется спросить?

— Не зря же в школе Никита обратил внимание именно на нее, а не на какую-то другую девушку.

Слова тети Жени ощущаются не просто как камень в мой огород, а как булыжник ровно мне на голову. Сказала бы прямо: «Не зря же в школе Никита обратил внимание именно на нее, а не на тебя, Лиля».

Я сижу словно ведром помоев облитая. Мама парня, в которого я влюблена всю свою жизнь, почти прямым текстом заявляет, что не рада мне в качестве возможной девушки ее сына.

Больно. Горько. Неприятно. Обидно.

В горле образовался тугой ком. Он мешает дышать.

— Ладно, теть Жень. Я пойду. Спасибо за кофе, — выдавливаю, едва сдерживая слезы.

— Да, конечно, Лилечка. Спасибо, что заглянула. Рада была тебя увидеть.

— И я вас, — слезаю со стула. — Не провожайте.

Я изо всех сил стараюсь идти по длинному коридору спокойно, потому что знаю: мои шаги слышны ей на кухне. Не хочу, чтобы Евгения Владимировна думала, что я трусливо сбегаю. Хотя именно это я и делаю.

Опускаю дверную ручку, делаю шаг в подъезд и врезаюсь в каменное тело… Никиты.

— А вот и ты, Муза, — тихо произносит с лукавой улыбкой и смыкает руки на моей талии.

Охаю. Никита прижимает меня к себе, обнимая за талию. У него влажные волосы после душа, на плече спортивная сумка с формой и бутсами, глаза сверкают счастьем. Я бы очень хотела обрадоваться ему в ответ, но чувствую себя так, будто по мне стекает грязь, которой тетя Женя только что меня облила.

— Ммм, — мечтательно тянет. — Кто-то скоро исполнит мое желание, — рука Никиты скользит вниз от талии до попы.

Резко сбрасываю ее с себя.

— Поздравляю с победой. Мне пора.

Глава 19. Последнее желание

Лиля

Дома я закрываюсь в своей комнате и не выхожу до самого вечера. Ощущение, что меня облили ведром помоев, не проходит. Как же тетя Женя искусно дала понять, что не рада мне в качестве возможной девушки своего сына! Хотя о серьезных отношениях между мною и Никитой даже речи не идёт. Я всего лишь сходила на его матч — и у нее уже такая реакция.

На следующий день Никита пишет сразу с утра:

«Жду сегодня исполнения своего желания))»

Я вижу пуш на экране телефона, но не захожу в мессенджер, чтобы ответить. Я не знаю, как теперь общаться с Никитой. Лучше свести общение с ним к минимуму, как это было весь год после окончания школы. У него целыми днями тренировки, у меня учёба в институте. Мы просто соседи и бывшие одноклассники. К чему мы вообще затеяли эти игры, если между нами не может быть ничего серьезного? Стриптиз ему и фанатки станцевать могут. Думаю, они будут счастливы.

«Я передумала. Извини»

Все. Хватит. Мы заигрались.

«Что????? Ты издеваешься????»

«Нет, я серьезно. Я не хочу больше это продолжать. Попроси станцевать тебе стриптиз какую-нибудь фанатку»

«Блядь, Лиль! У нас был уговор! Что за кидалово?»

«Я лишь могу ещё раз перед тобой извиниться»

Через пять минут в дверь квартиры раздается настойчивый звонок. Вздрагиваю. Я одна дома, родители ушли на работу. Через десять минут мне тоже выходить, если не хочу опоздать на занятия.

Настойчивая трель повторяется. Потом снова и снова. С легким волнением иду открывать.

— Лиль, что за херня? — Никита без приглашения вваливается в квартиру и громко закрывает за собой дверь.

Он зол. Глаза сверкают огнём ярости, челюсть плотно сцеплена. И все равно он такой красивый, что сердце больно сжимается. Так некстати вспоминаю его руки и губы на своем теле, хриплое «Хочу тебя, Лиль». Слезы наворачиваются, поэтому опускаю лицо в пол.

— Извини, я не могу.

— Что ты не можешь?

— Танцевать стриптиз.

— Ты обещала! Я твои желания честно исполнил!

И я бы исполнила свое, если бы тетя Женя не спустила меня с небес на землю. На самом деле мама Никиты права. Ему не нужна серьезная девушка. Если бы Никита хотел отношений, они бы у него уже были. Тогда для чего все это? В первую очередь мне. Никита-то, понятно, играет со мной, как с остальными. А мне это зачем? Только еще больше страдать и мучиться.

— Мне морально тяжело танцевать стриптиз. Я не умею, — осмелев, поднимаю на Никиту лицо.

— А мне было морально тяжело тебе отлизывать, я тоже не умел. Но такое желание ты

загадала, и я честно его исполнил, — выпаливает.

Я аж дар речи теряю. Я что… была первой девушкой, которой Никита это сделал?

— Слушай, Лиль, — продолжает. — Я такое кидалово не потерплю. Ты должна мне желание.

Я все еще под впечатлением от того, что Никита никому не делал кунилингус, кроме меня.

— Ну исполню я твоё желание, а дальше что? — задаю наболевший вопрос.

Пожимает плечами.

— Ничего.

— Ничего?

— А что должно быть дальше?

Действительно, а что должно быть дальше? Отношения, что ли? С какой еще стати?

Мне становится до глубины души обидно. Я люблю Никиту, а он… А он меня нет. Ну что я страдаю? Так ведь всегда было. Тетя Женя права, Никите нравятся такие, как Соня. Невысокие, худенькие, светловолосые и голубоглазые. А еще тихие и скромные. Я же полная противоположность своей лучшей подруге. Начиная от внешности и заканчивая характером.

— Почему ты плачешь? — испуганно спрашивает.

Слеза, зараза, все-таки сорвалась с ресницы в присутствии Никиты. Как я ни старалась сдержаться, а не получилось.

— Лиль, — делает шаг ко мне. — Ну ты чего? Я тебя обидел?

— Нет, — глухо выдавливаю из себя и тороплюсь смахнуть слезу с щеки. — Все в порядке. Извини. Хорошо, я исполню твоё желание. Но давай договоримся, что на этом все? Я не понимаю, что это за дурацкая игра и зачем она. Я не хочу продолжать ее.

Никита теперь серьёзен, хотя я больше не плачу.

— Да… Хорошо, как скажешь.

— И давай все останется только между нами? Не хочу, чтобы кто-то знал.

— Конечно.

Сглатываю тугой ком в горле. Он так легко соглашается. Боже, Лиля, ну какая же ты наивная дурочка! Все-таки размечталась непонятно о чем. Разве Никита когда-то что-то обещал тебе? Разве говорил, что хочет чего-то большего? Сама придумала себе любовь, а теперь страдаешь. Спустись с небес на землю, ты ему не нужна.

— Никит, пообещай, что ты больше не будешь меня провоцировать? Никаких игр и споров на желание.

— Обещаю, — охотно соглашается, что отзывается во мне новой болью.

В гробовой тишине прихожей слышно только мое тяжелое надрывное дыхание.

— Слушай, — резко прерывает затянувшееся молчание. — Если это все так сложно для тебя, то не надо. А то я себя чувствую каким-то насильником. Ты не хочешь, а я тебя принуждаю.

Ну вот, ему уже даже мой стриптиз не нужен.

— Все в порядке. Я исполню твоё желание. Ты меня не принуждаешь.

— Точно? Ты уверена? А то потом будешь ходить к психологу и жаловаться, что у тебя травма, потому что один подонок принудил тебя танцевать стриптиз, а ты не хотела.

— Нет, — горько смеюсь. — Такого не будет.

— Я не хочу, чтобы ты делала это против своей воли.

— Я не делаю это против своей воли. Просто давай договоримся, что на стриптизе все

закончится? Больше не будет никаких желаний ни у тебя, ни у меня.

— Договорились.

Каждый раз, когда Никита охотно соглашается прекратить, умирает маленькая частичка моей души. А я мечтала вручить ее ему. Глупая. Никита не нужна моя душа. Он и от тела легко отказывается.

— Ты хотел сегодня?

— Да, вечером. Часов в восемь.

— Где?

— У меня дома.

— А твои родители?

— У них какая-то годовщина, их не будет до ночи.

— Хорошо, — нервно сглатываю. — Тогда сегодня в восемь часов.

Никита еще раз внимательно ко мне присматривается, будто пытается прочитать по лицу, точно ли я сама хочу танцевать стриптиз или он меня заставляет. Удовлетворившись тем, что я делаю все по собственной воле, разворачивается и безразлично уходит. А я остаюсь наедине со своей болью.

Глава 20. Yes Boss

Лиля

Чем ближе вечер, тем сильнее мандраж. Понятия не имею, как делать это. Я правда не умею танцевать стриптиз. Мне кажется, я буду выглядеть нелепо, и в конце концов Никита не выдержит и заржёт. Такого позора я точно не переживу.

А под какую песню танцевать? Я не знаю ни одной подходящей. Придя из института домой, пытаюсь посмотреть ролики со стриптизом, чтобы хоть понять, как это делается, но уже через минуту выключаю. Это настолько вульгарно и пошло, что мне становится плохо. В итоге решаю никак не готовиться к танцу. Если Никите что-то не понравится, то, я уверена, его многочисленные фанатки станцуют лучше. Куда мне до них.

Я только надеваю комплект красивого белья, обновляю макияж и завиваю волосы. Этого достаточно. Хотелось бы надеть побольше одежды, чтобы не раздеться слишком быстро, но выглядеть как капуста хочется еще меньше. Так что просто джинсовые шорты с ремнём и рубашка на пуговицах. Без пяти восемь спускаюсь на этаж ниже и ещё пару десятков секунд набираюсь смелости. Нажимаю на звонок.

— Ты вовремя, — довольный Никита открывает дверь.

У него хорошее настроение, чего не скажешь обо мне. Прохожу в квартиру. Ник сразу ведет меня в свою комнату. Она ровно под моей. Иногда я слышу, как Никита громко включает музыку или смотрит фильм. Ему в свою очередь слышно мою собаку, если она решает спать со мной. Иногда перед сном я думаю: чем занят Никита, находясь ровно под моим полом?

Но в спальне Ника я не бываю. Что мне тут делать? Когда прихожу к Свиридовым, тетя Женя ведет меня на кухню или в гостиную. Так что комнату Никиты помню только в детстве, когда мы тут играли. Она изменилась. В начальной школе спальня Ника была обклеена плакатами знаменитых футболистов. Сейчас стены пустые, зато появилась полка с медалями и кубками. Трофеи Свиридова.

— Твои родители точно не вернутся? — спрашиваю. Не хотелось бы опозориться перед тетей Женей ещё больше.

Никита достаёт из кармана джинс телефона быстро бьет по экрану.

— Нет, они ещё в театре, — отвечает и убирает телефон обратно в карман.

— Это тебе твоя мама сказала? — недоверчиво уточняю.

— Нет, я сам посмотрел, где она находится. Я установил на ее телефон программу слежения.

Округляю глаза.

— Зачем?

— Чтобы она невзначай не обломала мне планы своим возвращением раньше времени. Очень удобно.

— И давно ты поставил своей маме эту шпионскую программу?

— Где-то год назад.

Вау. Действительно очень удобно, когда твоя мама категорически против, чтобы у тебя была девушка.

— Под какую песню танцевать? — перехожу к сути нашей встречи. Лучше сразу к делу. Раньше начну, раньше закончу.

— Это был сложный выбор, — серьезно заявляет. — Я полночи провёл в наушниках, выбирая композицию.

— И?

— Узнаешь песню, когда она заиграет. Хочу, чтобы ты импровизировала.

Закатываю глаза. Никита приносит профессиональные колонки и подключает их к ноутбуку.

— А это зачем? Нельзя включить песню на телефоне?

— Хочу, чтобы был хороший звук.

Он как будто издевается, видя мое нервное состояние. На этом все не заканчивается. Никита зашторивает окна, погружая комнату в темноту, а затем включает какие-то огни.

— Вот теперь все готово, — объявляет, плотно закрывая дверь.

Страх подкатывает к горлу. Прогоняю его, стараюсь не думать об ужасе ситуации. Всего-то несколько минут потерпеть. Песни редко длятся больше четырёх минут. Никита опускается на кресло, поудобнее в нем устраивается и скрещивает на груди руки.

— Приступим?

Сердце грохается в пятки. Я как будто пришла на казнь.

«Успокойся, Лиля, — приказываю сама себе, — Если бы он загадал секс или минет, было бы гораздо хуже. А так всего лишь танец».

— Да, — глухо вырывается.

Никита с довольным видом хозяина жизни нажимает кнопку на ноутбуке. Я узнаю песню с ее первых нот. Тело простреливает новой волной ледяного ужаса.

Это самая-самая пошлая композиция, которую только можно было выбрать…

— Ну? — Никита торопит меня. — Время идет.

Облизываю пересохшие губы. Глубокий вдох, медленный выдох. Прикрываю веки и начинаю соблазнительно двигаться под песню «Yes Boss». Пока проигрывает мелодия без слов, кручу бедрами, слегка приседая. Когда мужской голос начинает говорить текст, открываю глаза и, глядя на расслабленного в кресле Никиту, принимаюсь медленно расстегивать на рубашке одну пуговицу за другой, продолжая двигать попой.

С каждым моим движением глаза Никиты наливаются похотью. В полумраке комнаты замечаю, как его дыхание становится тяжелее, грудь вздымается медленнее. Отдельное внимание обращаю на область паха. Ширинка сильно поднялась. Это начинает забавлять. Мне нравится осознавать, что Никита меня хочет. Настроение поднимается, страх медленно уходит. Я расслабляюсь.

На припеве снимаю рубашку и бросаю ее в Никиту, оставаясь в прозрачном лифчике, отделанного белым кружевом. Смеюсь, когда у Никиты дергается кадык. До чего же пошлая песня! Но сейчас мне это нравится.

Yes boss… I'm on the mic…

Да, босс… Я у микрофона

I'll try to give you what you like…

Я попробую сделать так, как тебе нравится

I can be soft… I can be hard…

Я могу быть нежной, я могу быть грубой

Let me do the B-part…

Позволь мне перейти к части «Б»

Please… please…

Пожалуйста, пожалуйста

Под микрофоном в песне имеется в виду член, а под частью «Б» минет. Пока же по сюжету песни девушка дрочит член «боссу». Только Никита мог выбрать такую пошлятину!

Sugar sugar,

Ах, сладкая, сладкая,

So close and yet so far,

Так близко — и так далеко,

I would love to get you to the B-part,

Я с радостью позволил бы тебе перейти к части "Б",

But I'm afraid we're not quite there yet,

Но думаю, мы пока не дошли до него,

So darling, grab that mike again and give your best shot…

Так что, милая, возьми-ка микрофон и покажи своё лучшее выступление

Лучшее — так лучшее. На припеве приближаюсь к Никите и обвиваю его шею ремнём. Склоняюсь над лицом и, едва касаясь, провожу губами по щеке. Затем откидываю Никиту обратно на спинку кресла и нависаю сверху. Веду руками по своей груди, животу, талии, дразня Никиту. Ему ведь трогать меня нельзя.

Oohh yeahh… that's what I call sweet music,

О-да, это то, что я называю сладкой музыкой,

I really like what you're doing here,

Мне правда нравится, что ты делаешь,

Yet I think you'll have to work a little harder baby, just a little harder…

Но, я думаю, тебе следует поработать чуть жестче, детка, чуть жестче…

Жёстче? Ну хорошо. Будет жёстче. Возвращаюсь в центр комнаты.

Расстегиваю пуговицу на шортах, но не спешу снимать их с себя. Кручусь, приседаю, взмахиваю волосами. Никита полон порока и желания. Голубые глаза стали чёрными, светлое лицо тоже потемнело. Мне кажется, я никогда не видела Никиту таким… мрачным и даже устрашающим. Он пожирает меня голодным взглядом. Ох хочет меня.

Мамочки! Как же Никита меня хочет!

На припеве шорты соскальзывают к ногам. Я переступаю через них и поворачиваюсь к Никите спиной. Вот сейчас меня заливает жар смущения, хорошо, что Никита не видит лица. Хотя Ник уже созерцал меня полностью обнаженной, демонстрировать ему свою задницу в стрингах-ниточках волнительно.

Расстегиваю застежку на лифчике. Лямки спадают с плеч. Снимаю бюстгальтер и с глубоким вдохом поворачиваюсь обратно к Никите. Он наблюдает за мной из-под полуопущенных век. Внимателен, сосредоточен. Медленно шагаю к нему. Грудь покалывает от того, как Никита ее пристально разглядывает — словно руками трогает, ласкает. Вспоминаю, как целовал мои соски, обводил их языком. Они моментально твердеют, выдавая Никите мое возбуждение.

Ooollaaalaaaa… I think you've got me there, baby,

У-ла-ла… кажется, ты добилась своего, детка,

Come along, come along, baby,

Пойдем… пойдем со мной, детка…

Here comes the B-part…

Начинается часть "Б"…

Песня заканчивается, и я сажусь верхом на Никиту, соприкасаясь с ним лбом. Ловлю губами его горячее дыхание и сама дышу часто-часто. В комнате воцаряется гробовая тишина. Никита слышит, как громко бьется мое сердце? Неожиданно понимаю, что мне жарко. Я разделась до стрингов, а чувствую себя так, будто нахожусь под палящим солнцем.

Ладонь Никиты ложится мне на ягодицу. Вздрагиваю. Аккуратно убираю ее и чуть отстраняюсь от его лица. Никита как будто пьяный. Продолжаю сидеть на нем верхом, с ужасом понимая, что это все, конец. Не будет больше игр. Я сама об этом попросила, а Никита охотно согласился.

— Я исполнила твоё желание, — первой прерываю молчание. В звенящей тишине комнаты мой голос кажется очень громким, хотя я произнесла фразу почти шепотом.

— Это пиздец, Лиль, — хрипло отвечает.

Пугаюсь. Ему не понравилось?

— Я первый раз в жизни кончил, не снимая штанов и не прикасаясь к члену.

Сглатываю. Меня бросает в еще больший жар. Пока судорожно соображаю, что ответить, Никита кладёт руки мне на талию и медленно ведет их вверх. Разглядывает мое тело, изучает, любуется им. Нику все понравилось, облегченно выдыхаю. Иначе он бы кончил, не снимая штанов и не касаясь члена? Определенно нет.

Никита накрывает одной ладонью мою грудь. Первый порыв — сбросить ее. Останавливаю себя. Больше ничего этого не будет, мы вернёмся на месяц назад, когда изредка встречались в подъезде. Возможно, я совершаю ошибку и буду потом жалеть, но я хочу напитаться Никитой напоследок как губка. Запомнить его нежные прикосновения, его возбужденный взгляд, его шумное сбившееся дыхание.

Ник и вторую ладонь перемещает мне на грудь. Сжимает ее несколько раз, затем возвращается к талии и ведет руки вниз. У меня складывается ощущение, что Никита наслаждается прикосновениями ко мне. И я наслаждаюсь. Тону в пучине блаженства. Между ног становится мокро и горячо. Я снова возбуждена. Это для меня обычное явление в присутствии Никиты, но сейчас возбуждение сильное как никогда.

Голова кругом, комната плывет. Никита отрывает взор от груди и поднимает его на мое лицо. Наши взгляды встречаются. Глаза Ника по-прежнему чёрные и пьяные. По-прежнему полны порока и похоти. А я вдруг понимаю, что мы не целовались в губы. Ни разу. В машине после ночного клуба Никита только мастурбировал мне. У Вовы на даче он целовал меня куда угодно, но только не в губы.

А сейчас уста Никиты так близко и так манят. Что если я его поцелую? Он ведь не оттолкнёт меня?

Жгучее желание слиться с Никитой в поцелуе переполняет меня. В данную секунду я не могу думать ни о чем другом. Движимая невидимой силой, склоняюсь к Никите ещё ближе. Замираю в нескольких миллиметрах от его губ, ожидая, что Никита отпрянет, но он этого не делает. Как будто тоже ждёт. Набираюсь больше смелости и преодолеваю оставшееся ничтожное расстояние. Наши губы встречаются. Никита сразу отвечает на поцелуй, параллельно беря меня в кольцо рук и крепко прижимая к себе.

Глава 21. Хочу

Никита

Ее губы — шоколад.

Ее кожа — бархат.

Ее волосы — шёлк.

Я целую Лилю, а как будто пью из самого вкусного источника в мире. Наслаждаюсь ее вкусом, смакую его. Тепло ее губ проникает внутрь меня, согревает душу и сердце. По венам вместо крови бегут вперемешку чистый кайф, экстаз и восторг. Каждая клетка тела взрывается фейерверком блаженства, вознося меня на седьмое небо.

Сильнее вжимаю Лилю в свое тело. Мне мало просто обнимать ее. Я хочу слиться с Лилей в едином неразрывном целом, стать элементами одного механизма. Веду ладонью по ее спине, с упоением наслаждаясь бархатом кожи. Другую просовываю между нами и накрываю нежную девичью грудь. Возбуждение снова приливает к паху. Член моментально становится каменным. Лиля трется о него и обнимает меня за шею. Хочет меня, догадываюсь. От осознания этого мозг замыкает и плавится.

Не разрывая поцелуя, встаю с кресла вместе с Лилей. Она обвивает меня ногами и руками, а я, поддерживая ее за ягодицы, несу к кровати. Падаем на постель, продолжая целоваться. Прижимаю Лилю своим телом, заношу руки за голову и переплетаю наши пальцы. Невозможно быть ближе друг к другу, чем мы сейчас, но мне и этого мало. Хочу Лилю ещё больше, ещё сильнее. Всю без остатка хочу.

— Никита, — сбивчиво бормочет мне в губы. — Я не могу дышать.

Прерываемся на глоток кислорода. Он немного отрезвляет, но не прогоняет наваждения. Лиля пьяна, и я тоже пьян. Даю ей отдышаться, а сам набрасываюсь с новой порцией поцелуев. Осыпаю ими лицо, шею, грудь. Трогаю Лилю, глажу, ласкаю. Наслаждаюсь тем, что могу к ней прикасаться. Захватываю губами сосок, обвожу его языком. Лиля тихо стонет и выгибается в пояснице. Мне крышу сносит от ее стонов.

— Ещё, — тихо просит и снова выгибается мне навстречу. Запускает руки мне под футболку и ведет их по спине, слегка царапая отросшими ноготками.

Играю с ее грудью, доставляя удовольствие нам обоим. Наконец-то я могу целовать и трогать Лилю в любых местах, каких хочу, не имея ограничений. Мне снилось ее тело — вот до какой паранойи я себя довёл.

— Да…

Голова Лили мечется по подушке. Дыхание тяжелое и частое.

— Хочешь кончить? — спрашиваю.

— Да.

Запускаю ладонь в ее тонкие прозрачные трусики. Там горячо и мокро. Я так сильно хочу Лилю, что в висках пульсирует, но сейчас для меня важнее доставить удовольствие ей. Снова накрываю поцелуем ее губы, продолжая пальцами гладить между ног. Лиля сжимает бедра и стонет мне в рот, ещё крепче прижимает к себе за шею и спину.

— Ах, да… Еще, Никит, ещё…

Я готов кончить от одного осознания, что Лиле так хорошо именно со мной. Что это подо мной она так извивается, что это мое имя она сбивчиво шепчет.

Обожаю, как звучит мое имя из ее уст.

Опять спускаюсь к груди. Целую, играю с ней. Чувствую, что Лиля уже на пике. Еще чуть-чуть — и взорвется. Немного ослабеваю движения, чтобы подразнить ее.

— Не останавливайся, — жалобно просит.

Смеюсь. Снова ускоряю движения, и через несколько секунд с громкими стонами Лиля бурно кончает. Ее грудь вздымается быстро-быстро, дыхание частое-частое, как будто Лиля вынырнула со дна океана. Она медленно обмякает в моих руках и блаженно прикрывает глаза. Падаю на подушку рядом с Лилей и осторожно перекладываю ее голову себе на грудь. Член и яйца ломит до боли, но я свой оргазм уже получил во время стриптиза, сейчас все было для Лили. Не хочу доставать из джинс член и пугать ее.

Наше дыхание медленно успокаивается и тонет в тишине комнаты. Мне нравится ощущать Лилю в своих объятиях, нравится чувствовать тепло ее тела. Оно дарит покой, что ли. Возвращается и связное мышление. Кажется, вчера Лиля говорила, что на этом все закончится, не будет больше игр на желание.

А что же тогда будет? Как раньше точно быть не может. И вдруг такая тоска внутри разливается от того, что Лиля намерена прекратить наше сладкое безумие. А готов ли прекратить я? При этой мысли все холодеет от ужаса.

— Мне пора домой, — произносит шепотом, перебивая мои мысли.

— Побудь еще со мной, — прошу.

Не хочу, чтобы Лиля уходила. Крепче обнимаю ее одной рукой, а пальцы второй запускаю в шелковистые волосы. Это действие умиротворяет и успокаивает разыгравшиеся нервы от того, что Лиля намерена положить конец…

Конец чему? Не знаю, каким словом назвать то, что между нами происходит. Но что бы это ни было, а ставить точку я определённо не хочу. Не представляю, как после этого встречаться с ней в подъезде, ездить в одном лифте, а на семейных праздниках сидеть за одним столом.

Лиля целует меня в щеку. Ее почти невесомый поцелуй меня такой мощной молнией простреливает, что дергаюсь. Лиля, привстав на локте, разглядывает мое лицо. Слегка поворачиваю голову к ней и тоже смотрю. В комнате темно, лишь продолжают гореть огни, которые я включил для танца. В полумраке шоколадные глаза Лили блестят. Любуюсь ими.

— Ты красивая, — говорю и провожу пальцами по ее щеке.

Лиля замирает. А я чувствую, как меня переполняет нежность. Это новое для меня ощущение. Обычно я испытываю к девушкам похоть и сексуальное влечение. По отношению к Лиле эти чувства тоже есть, но к ним добавилось ещё одно — нечто слезливо-щемящее, что выворачивает наизнанку душу.

— Ты часто говоришь это девушкам?

— Нет. А тебе часто парни это говорят?

— Периодически.

Неожиданный ответ. Сходу даже не нахожусь, как реагировать.

— Когда в последний раз?

— Неделю назад.

Ответы Лили прилетают мне как кирпичи по голове.

— Кто говорил!? — недовольно уточняю, повысив голос.

— Вова.

Блядь… От шока и возмущения теряю дар речи. В груди вспыхивает доселе неизвестное чувство. Что-то такое собственническое, когда все нутро кричит о том, что, сука, прикончу

Вову, если ещё хоть на шаг подойдёт к Лиле. Дышать тяжело становится, из глаз искры летят. А Лиля как ни в чем не бывало невинно хлопает ресничками. Блым-блым.

Резким движением переворачиваю Лилю на спину и нависаю сверху. Злость подкатывает к горлу и затуманивает сознание.

— Кончала с ним? — строго спрашиваю.

Впиваюсь в ее лицо в надежде прочитать ответ. Херовый из меня экстрасенс, ни фига непонятно. Но если Лиля скажет, что да, клянусь, я прямо сейчас отправлюсь к Вове и надаю ему по морде.

— Нет. Оргазмы у меня только с тобой были.

Облегченно выдыхаю. Вот парадокс. Я не люблю девственниц и меня ни чуть не прельщает девственность Лили, но как подумаю, что она с кем-то сексом занималась, так убивать хочется. И не только сексом. Даже если вот так, как мы. Сразу ярость глаза застилает. Не хочу, чтобы у Лили кто-то был, кроме меня. Уж лучше пускай остается девственницей. Придумаю, что с этим сделать.

— А вообще какая тебе разница, Никит? Даже если и кончала с кем-то, кроме тебя.

— Я хочу, чтобы ты только со мной кончала, — категорично заявляю и сам удивляюсь сказанному. — Хочу, чтобы только для меня стриптиз танцевала. Хочу, чтобы только подо мной голой лежала.

Издаёт саркастичный смешок. А я в шоке от того, что произнёс вслух. Это признания не столько Лиле, сколько себе.

— Что еще хочешь? — спрашивает иронично. — Звездолёт? На Луну?

Вот только мне не до смеха. Я сам не понимаю, что со мной происходит. Но меня теперь не остановить. Признания вылетают, как из пулемета:

— Хочу, чтобы послала на хрен Вову и чтобы он к тебе больше не подходил. Хочу каждый день заниматься с тобой сексом. Хочу, чтобы ты приходила на каждую мою игру. Тебя хочу, Лиль. Всю тебя хочу и только себе.

Лиля шокировано на меня глядит. Я и сам в шоке от того, что сказал вслух. Но эти слова кажутся чуть ли не самым правильным из всего, что я когда-либо говорил. На языке крутится ещё одно признание. Пожалуй, самое важное.

— Хочу, чтобы ты была моей девушкой.

Вот теперь я все сказал. Душу обнажил. Свое сердце ей вручил. Жду от Лили хоть какого-то ответа как смертного приговора. А она молчит. Смотрит на меня и молчит.

Секунды тянутся мучительно долго и кажутся бесконечными. Я уже принимаю Лилино молчание за отказ, как вдруг ее глаза наливаются слезами и она принимается рыдать в голос.

Глава 22. Твоя Ведьма

Лиля

Я как будто попала в параллельную реальность, где сбылась моя самая заветная мечта. Я загадывала быть с Никитой Свиридовым на каждый день рождения, на каждый Новый год. Девятнадцать лет моей жизни у меня было только одно желание — ОН.

— Хочу, чтобы ты была моей девушкой.

Кровь стучит в ушах, сердце ходуном заходится. Слезы счастья начинают жечь глаза. В итоге не выдерживаю и срываюсь на плач.

— Лиля, что с тобой? — испуганно спрашивает Никита. — Лиль… — берет в ладони мое лицо и принимается вытирать слёзы.

Я не могу остановиться, плачу и плачу. Никита прижимает мою голову к своей груди, гладит по волосам.

— Я тебя обидел? Прости, пожалуйста, я не хотел.

— Поцелуй меня, — сбивчиво прошу.

Никита на секунду теряется, а затем приникает к моим губам. Обнимаю его, что есть силы, и наслаждаюсь поцелуем. Как же я его люблю, больше всего на свете люблю. Неужели Никита мой? Мне это не снится? Глажу его лицо, волосы, спину. Мой, мой, мой.

— Лиля, ну что с тобой? Почему ты плачешь? — прерывает наш божественный поцелуй. Заботливо стирает с щек слезинки, снова прижимает голову к своей груди.

— Все в порядке. Просто… — не нахожусь, что говорить дальше. Не признаваться же Никите, что я люблю его всю жизнь и не верю своему счастью.

— Я тебя обидел?

— Нет.

— Тогда в чем дело?

Отстраняюсь от его груди, вытираю оставшиеся на щеках дорожки слез.

— Все в порядке.

Я все еще в одних прозрачных стрингах и начинаю чувствовать себя неловко. Никита-то одет. Оглядываю комнату в поисках одежды. Нахожу ее и слезаю с кровати. Под недоуменный взгляд Никиты быстро одеваюсь. А то ещё вернутся его родители, а я тут голая. Тетя Женя уничтожит меня.

При воспоминании о маме Никиты в груди разливается горечь разочарования. Вот уж кто точно не будет рад нашим с Никитой отношениям. Не представляю, как теперь общаться с тетей Женей. Она же возненавидит меня.

— Лиль, — я уже застегиваю на джинсовых шортах ремень, когда Никита подходит сзади. — Ты мне не ответила.

Поворачиваюсь к нему. В полумраке комнаты не очень понятно, но, кажется, Никита выглядит испуганным. Вглядывается в мое лицо с немым вопросом.

— Что не ответила? — не понимаю.

Молчит. Только губы как-то недовольно поджимает. И тут до меня доходит! Боже…

Мне становится смешно. Обвиваю Никиту за шею и чуть притягиваю к себе.

— Ну даже не знаю… — наигранно вздыхаю. — Вова предложил мне стать его девушкой раньше тебя. Что-то ты припозднился.

Глаза Никиты вспыхивают злым огоньком. Смыкает руки на моей талии и рывком

впечатывает в свое тело.

— Ты самая настоящая Ведьма.

Трусь щекой о его щеку. Я не могу передать словами, насколько сейчас счастлива. Абсолютное безграничное счастье переполняет меня с головой. Я тону в нем.

— Твоя Ведьма, — шепчу ему на ухо.

Чувствую, как Никита улыбается. Крепче меня обнимает, зарывается лицом в мои волосы, глубоко вдыхает и шумно выдыхает. Отрывает меня от пола и кружит по комнате. Заливисто смеюсь. Чудеса существуют! Мечта всей моей жизни сбылась. Это просто сумасшествие.

Никита ставит меня на пол, мы соприкасаемся лбами. Дышим друг другом. Я подаюсь на один сантиметр вперед и целую Никиту. Сколько раз я мечтала о поцелуе с ним? Сотни миллионов раз. Какова была вероятность, что моя мечта сбудется? Ноль шансов. Я прошла путь от полного безразличия Никиты ко мне до слов «Хочу, чтобы ты была моей девушкой». Я смотрела, как он встречается с моей лучшей подругой. Я смотрела, как он развлекается с другими девушками.

Я теряла надежду тысячу раз… И вот теперь Никита Свиридов целует меня в губы жадно и страстно, обнимает, прижимает к себе, называет своей. С ума сойти. Я не верю.

— Твои родители не вернутся? — спохватившись, отрываюсь от губ Никиты.

— Мой телефон запищит, когда мама будет в трёх километрах от дома.

Шпионская программа — это, конечно, хорошо, но я бы не доверяла ей на сто процентов. Меньше всего мне сейчас хочется встречаться с тетей Женей и чувствовать на себе ее негатив. Сегодня самый счастливый день в моей жизни. Я не собираюсь его портить.

— Никит, я пойду к себе, хорошо? — ещё раз чмокаю его в губы.

— Так быстро?

— Не хочу сейчас встречаться с твоей мамой. И вообще, давай не будем говорить ей про нас?

— Почему?

Резонный вопрос.

— Наша личная жизнь не касается наших родителей.

Никита пожимает плечами.

— Она все равно узнает, ты же будешь приходить на мои матчи.

Об этом я не подумала. Но мне же необязательно сидеть в первом ряду перед камерами?

— Но не надо узнавать в первый день, как мы начали встречаться.

Никита выпускает меня из рук и подходит к столу. Берет телефон, быстро бьет по экрану.

— Они еще в театре, после спектакля собирались в ресторан, — кладёт телефон обратно на стол и возвращается ко мне. Снова обнимает меня за талию. — Останься, — просит.

Это «останься» звучит с легкой хрипотцой, и у меня мигом выступают мурашки на коже. Никита ведет меня к кровати. Мы падаем на нее, но не набрасываемся друг на друга со страстными поцелуями. Молча лежим в обнимку, Никита прижимает меня к себе. На глазах выступают слезы счастья. Боюсь, что происходящее — сон. Боюсь, что проснусь и снова будет непроглядная тьма без малейшей надежды.

— Лиль, — тихо зовет.

— Что?

— А ты больше не будешь встречаться с Вовой?

Кто о чем, а Никита о Вове. Даже немного смешно становится.

— Я с ним и не встречалась.

— Ты ходила с ним на какое-то свидание, — недовольно замечает.

— Это не значит, что я с ним встречалась. Просто посидели в кафе. Больше по-дружески.

— Я не хочу, чтобы ты ходила с ним даже на дружеские встречи, — снова недовольный тон.

— Ревнуешь? — смеюсь.

— Просто пообещай, что больше не будешь с ним никуда ходить.

Снова смеюсь.

— Пообещаю, если признаешься, что ревнуешь.

Дыхание Никиты становится таким шумным, как будто пыхтит от недовольства. А меня это забавляет.

— Ревную, — наконец, изрекает. В интонации слышатся нотки злости. — Я пиздец, как ревную тебя, Лиль. Если ещё хоть раз увижу его рядом с тобой… Блядь… Лучше до этого не доводить.

В голосе Никиты такая сталь, что мне быстро становится не до смеха. Понимаю: он не шутит. Вот только драки с Вовой ещё не хватало.

— Обещаю.

Конечно, не буду больше встречаться с Вовой. Я и раньше не горела желанием.

Чувствую, как тело Никиты расслабляется. Он отрывает мою голову от своей груди и льнет к губам.

Глава 23. Клубы

Никита

«Тобой интересуются несколько клубов. Не облажайся сегодня»

Такое сообщение я получаю от своего агента перед началом матча. Бесит, что он не может сказать по-человечески: тебя хотят купить те-то и те-то. К чему эти загадки? «Несколько клубов». Я должен обрадоваться каким-то анонимным покупателям? Начнём с того, что мне и в нынешнем клубе офигенно хорошо и куда-либо продаваться я желанием не горю.

Матч проходит очень нервно. Мы играем против сильного клуба, противники буквально давят нас. У них очень агрессивная игра, из-за которой я несколько раз получаю по и без того больному колену. Судья не спешит раздавать желтые карточки. Тогда к концу первого тайма я тоже наглею и несколько раз заезжаю по ногам тем, кто слишком мешает пробраться к воротам.

Лиля здесь. Я чувствую ее присутствие кожей, хоть и не вижу на трибунах. Почему она не взяла билет в первый ряд? Я же просил. Но даже так, не видя Лилю, ее присутствие окрыляет и дарит дополнительную энергию. В добавочное время первого тайма мне удаётся пробиться к воротам соперника и забить гол. Я уверен: это только благодаря Лиле. Вот так неожиданно для меня самого Лиля стала моим талисманом на поле.

Несмотря на забитый мяч, во время перерыва получаю от тренера пизды. Я не передал товарищу по команде пас, который мог стать голевым. Стойко выдерживаю тираду тренера. Я давно научился не реагировать на его крики и мат. Пропускаю мимо ушей. Я сам знаю свои минусы и над чем мне нужно работать.

Когда выходим на поле после перерыва, снова пробую найти глазами Лилю. Людей в этот раз довольно много, в основном это болельщики наших противников. Они пришли в одежде с символикой клуба, что-то кричат в поддержку. Но все равно этим мужикам не перекричать моих фанаток. Даже у Тимура Довлатова поклонницы не такие шумные. Стараюсь не реагировать на выкрики девушек, а пока мяч не у меня, высматриваю Лилю.

И наконец-то нахожу ее. Сидит где-то посередине, чуть выше моих поклонниц. С души аж камень падает. Хоть и чувствовал, что Лиля здесь, а увидеть ее было чем-то архиважным. Теперь я бегу по полю ещё быстрее, бью по мячу ещё сильнее. Но только моих усилий недостаточно. К сожалению, товарищи по команде, несмотря на разгон от тренера, бегают так, будто им к ногам кирпичи привязали. В итоге мы пропускаем мяч. Один-один.

В принципе, ничья нас тоже устроит, поэтому некоторые товарищи продолжают бегать с кирпичами. Хотя тренер зол. Но вот когда мы пропускаем второй мяч, тогда наконец-то активизируются даже самые ленивые. Проиграть нам никак нельзя.

Когда выдаётся возможность, смотрю на Лилю. Видеть ее — придаёт мне сил. Она воистину моя муза. Раньше я добивался успехов в футболе, только благодаря труду и упорству. Сейчас к этим двум качествам прибавилось вдохновение, которое я получаю от Лили.

Мы только в самом начале наших отношений. Ничего глобального между нами ещё не произошло. Видимся поздними вечерами, когда я освобождаюсь после тренировок. Или гуляем по району, или сидим в моей машине. Надо уже нормальное свидание организовать. Через пару недель закончатся все важные матчи, я стану посвободнее и займусь этим.

То, что тогда произошло в моей комнате после стриптиза, стало неожиданностью для меня самого. Предложить Лиле стать моей девушкой было необдуманным душевным порывом. Но я не жалею. Мне кайфово с Лилей.

Мне охуеть, как кайфово с ней. Как ни с кем.

У меня полный доступ к ее телу. Я могу трогать Лилю, сколько хочу и где хочу. Обожаю, как она извивается и стонет. Обожаю, как кончает. Классического секса у нас ещё не было, обходимся пока подростковыми методами. Но даже так мне крышу сносит, а что будет, когда потрахаемся нормально? Мне уже даже безразлично, что Лиля девственница. После ее первого раза, думаю, у нас все нормально сложится. Лиля и сейчас — ураган. А что будет, когда я лишу ее девственности? Отвал башки, не меньше.

На шестидесятой минуте тренер начинает нервничать ещё сильнее, орет матом так, что, наверное, слышно болельщикам. Активизируемся, становимся злее, играем жёстче. Время уходит, а мы проигрываем. Я выжимаю из себя максимум. Противники переключились из нападения на оборону, стало в разы сложнее пробиться к их воротам. На восьмидесятой минуте мне это удаётся. Добегаю с мячом до их ворот, но напарываюсь на двух защитников. В последнюю секунду успеваю передать пас товарищу по команде, Саше Мелихову. Он в свою очередь пасует на Довлатова и тот забивает гол. Два-два.

Оставшееся до конца время нам главное не пропустить новый мяч в свои ворота. Противник наседает, мы усиливаем оборону. Начинаем понемногу тянуть время, когда владеем мячом. Судья замечает это и дает товарищу по команде желтую карточку. Значит, когда противники били нас по ногам, он желтые карточки не доставал. А как мы начали тянуть время, так пошли в ход предупреждения. Ну да ладно, предвзятость со стороны судей — явление нередкое.

Мы так и доигрываем со счётом два-два. В раздевалке тренер все равно покрывает нас матом, указывая на ошибки. Их было не мало, признаться честно, так что тренер справедлив. Радует, что он вставляет пизды в двойном размере тем, кто большую часть игры бегал с кирпичами на ногах.

Приняв душ и переодевшись, сажусь на скамейку с телефоном. Хочу открыть сообщение от Лили, но случаю тыкаю на фанатку Юлю. Там новая порция сисек и поздравлений. Грудь Лили мне нравится больше, так что прелести Юли снова остаются без моего ответа. Не очень понимаю, что в голове у этой девчонки, но ладно. Фанатки есть почти у каждого футболиста, и обязательно находятся несколько сумасшедших, которые присылают интимные фото.

Закрываю Юлю и открываю переписку с Лилей:

«Ты — мой Чемпион! ❤□❤□❤□*»*

Улыбаюсь как дурак. Мне нравится, когда Лиля называет меня «Мой Чемпион».

«А я получу вознаграждение за забитый гол?)»

«Хм…. Надо подумать»

Лиля, хоть и раскрепощена со мной, но до сих пор боится брать в руки член. Это один из недостатков девственности девушки. Ладно… Думаю, все поправимо.

«Хочу вознаграждение от своей Музы»

«А Муза получит вознаграждение за то, что она — Муза?»

«Конечно»

Я не могу отпустить Лилю домой после свидания без оргазма. Это обязательная часть программы.

После переписки с Лилей открываю сообщение от агента:

«Ты отлично играл!»

С раздражением печатаю ответ:

«Какие клубы мною интересуются?»

«Один питерский, один московский и один европейский»

Несколько секунд загипнотизировано пялюсь на слово «европейский». Питерский и московский меня в данный момент не интересуют от слова совсем.

«А европейский — это какой?»

В крови разыгралось волнение и участилось дыхание.

«Приличный. Но они не только тобой интересуются. Еще смотрят на Довлатова и на трёх человек из других клубов. Не могу обещать, что их конечный выбор падет на тебя. Все в твоих руках»

«Скажи какой клуб!», печатаю со злостью.

«Ты должен играть на максимуме своих возможностей, независимо ни от чего»

Блядь! Ну что за человек? Почему нельзя сказать? С раздражением отбрасываю телефон в сторону и натыкаюсь глазами на Довлатова. Тоже сидит с кем-то переписывается. У нас один агент, и ему по сути по хрен, кого продать и на ком заработать: меня, Тимура или кого-то из другого клуба. Интересно, а Довлатову он сказал, какой европейский клуб нами интересуется?

— Ты общался со Славой? — задаю Тимуру вопрос через всю раздевалку и по хрен, что слышат остальные.

Поднимает на меня лицо.

— Да, нам с тобой придётся потолкаться локтями, — ухмыляется.

— Что за клуб?

Молчит несколько секунд.

— Немецкий, — наконец отвечает. — Название Слава не сказал. Но в принципе и так известно, какие немецкие клубы собираются обновлять состав в следующее трансферное окно.

Только от слова «немецкий» у меня кровь холодеет. Можно не говорить название. Играть за любой немецкий клуб — это колоссальный успех. Денег там платят немерено, рекламные контракты сыпятся как из рога изобилия. Но дело даже не в деньгах. Это другой уровень футбола, это наивысший уровень. То, что у нас тут в России, при всей моей любви к родной стране, и близко не сравнится с немецким футболом. Играть в Германии — это значит совершенно точно иметь шанс если не на победу, то хотя бы на нормальное место в Лиге Чемпионов. Плюс если меня купит немецкий клуб, то сто процентов возьмут в сборную России.

С ума сойти… Я не могу упустить такую возможность.

— Да, — отвечаю Довлатову с вызовом. — Потолкаемся локтями.

Глава 24. Люблю. Люблю. Люблю

Лиля

Футболисты уходят с поля, спина Никиты скрывается, и я поднимаюсь с места. Глаз цепляется за толпу фанаток. В их компании появились новые лица. Но предводительница все та же: выкрашенная пергидролем и с ярким макияжем. Она что-то бурно говорит подружкам, а потом они дружно смеются. Я стараюсь протолкнуться к выходу, оставшись для них незамеченной. В прошлый раз я над поклонницами Никиты смеялась, но тогда мы с ним не встречались. Сейчас наличие у Никиты фан-клуба, скорее, коробит меня.

Но остаться незамеченной не получается. Предводительница фанаток замечает меня. Смотрит не то с удивлением, не то с недоумением. Мне хочется поёжиться от ее взгляда и побыстрее скрыться, а потом я думаю: какого фига? Я девушка Никиты Свиридова, а кто она? Почему я должна от неё прятаться?

Вздёрнув повыше подбородок, сбавляю шаг. Иду к выходу медленно. Жду, что пергидрольная меня догонит и что-нибудь скажет, но нет. Только прожигает мне затылок ядовитым взором.

Когда выхожу со стадиона, сразу забываю о фанатках, потому что звонит Никита и предлагает вечером встретиться. Иногда я до сих пор не верю своему счастью. Просыпаюсь по утрам, прокручиваю минувшие свидания и думаю: мне это не приснилось? Но потом Ник пишет какое-нибудь пошлое сообщение, и я расплываюсь в дурацкой счастливой улыбке. Нет, не приснилось. Никита мой. И радуюсь, как маленькая девочка радуется новогоднему подарку с шоколадными конфетами.

Родители начали что-то подозревать. Не про меня и Никиту, а в целом, что у меня появился парень. Каждый день ухожу из дома часов в семь и возвращаюсь около часа ночи с горящими глазами и щеками. Мама пытается зайти издалека, задает вопросы, но я не отвечаю. Пытаюсь максимально оттянуть момент, когда тетя Женя узнает про меня и ее сына.

Еле дождавшись вечера, собираюсь на встречу с Никитой. Уже холодно по ночам, но я все равно стараюсь одеваться максимально соблазнительно. Мне нравится, когда Никита любуется мною, жадно обводит глазами фигуру, попу, грудь. Сегодня я надеваю плотные колготки и обтягивающее платье-водолазку чуть выше колен.

— Лиля, ты куда? — спрашивает в прихожей мама, когда я набрасываю на плечи кожаную куртку и обуваю ботильоны.

— Погуляю немного.

— С кем?

Вот опять она за свое.

— С одним знакомым. Все, я пошла, — и быстро выбегаю из квартиры.

Папа ещё не вернулся с работы, а то бы и он устроил допрос.

Направляюсь к машине Никиты, которая припаркована за домом. К счастью, окна нашей квартиры сюда не выходят. Останавливаюсь у серебристой «Ауди» и перевожу дыхание. Наверное, я никогда не перестану нервничать перед свиданиями с Никитой. Каждый раз, как в первый. Руки подрагивают, ноги тоже. А когда я вижу, как из-за дома выходит Никита, так и вовсе сердце стремится вырваться из груди.

Ник одет в кроссовки, синие джинсы и серую толстовку. Это его обычный внешний вид,

но у меня все равно весь воздух из легких выбивает. Он такой красивый и уверенный в себе. Не могу наглядеться.

— Привет, — подходит с улыбкой и сразу прижимает меня к себе за талию.

Наши губы встречаются. Я обнимаю Никиту за шею и тону в поцелуе. По венам вместо крови течёт чистое наслаждение. Оно проникает в клетки и наполняет их до краев. Я зажмуриваюсь от удовольствия и чувствую, как под ногами плывет земля. Не существует в мире более сладких поцелуев, чем наши с Никитой. Не существует в мире более страстных поцелуев, чем наши с Никитой.

Он вжимает меня в переднюю дверь автомобиля, целует лицо и шею, параллельно водит руками по телу. Обожаю, когда Никита меня трогает, гладит, ласкает. Я таю словно воск. К низу живота моментально приливает тепло, хочется сжать бедра. Рядом с Никитой я возбуждаюсь с полуоборота. Он действует на меня, как афродизиак. Судя по упирающемуся мне в живот члену, я на Никиту действую так же.

— От тебя невозможно оторваться, — сбивчиво шепчет и крепче обнимает.

— От тебя тоже.

Вожу ладонями по его лицу, волосам, шее. Пальцы покалывает — такое это наслаждение.

Соприкасаемся лбами. Шумно дышим, будто вынырнули со дна моря. Ловлю губами дыхание Никиты, дышу им.

— Весь матч думал о тебе. Искал тебя на трибунах. Почему ты не взяла билет в первый ряд?

Потому что не хочу, чтобы твоя мама снова увидела меня по телевизору.

— На самом деле с первого ряда плоховато видно.

В общем-то я говорю правду. Это как сидеть в первом ряду в театре или кино.

— Ну и ещё я боюсь, что мне прилетит мячом по голове, — добавляю.

И это тоже правда. Не редкость, когда мяч залетает на трибуны к болельщикам.

— В следующий раз говори мне, в каком секторе, в каком ряду и на каком месте сидишь, хорошо?

— Хорошо.

Никита смотрит на меня и нежно гладит по щеке. Его взгляд проникает в душу и греет изнутри.

— Куда ты сейчас хочешь?

— Не знаю, мне все равно, — а мысленно добавляю: «Лишь бы с тобой». На самом деле я вообще никуда не хочу. Я хочу прижаться к Никите и всю жизнь оставаться в его руках.

Боже мой, как же я его люблю! Мне кажется, с тех пор, как начали встречаться, моя любовь к Никите увеличилась в геометрической прогрессии. Потому что он теперь реален. Я могу трогать Никиту и целовать, сколько хочу. Я могу нежиться в его руках. Могу любоваться им без стеснения. Раньше мне приходилось прятать взгляд, чтобы никто не заподозрил мои к нему чувства.

Снова льну к его губам.

Люблю. Люблю. Люблю.

Больше всего на свете люблю. Больше жизни люблю.

Мой. Мой. Мой. Только мой. Никому не отдам. Никаким фанаткам. Пошли они в задницу. Никита — мой парень.

— Давай на смотровую возле МГУ? — спрашивает мне в губы.

— Давай.

Мне совсем не важно, куда ехать с Никитой. Главное, что с ним.

Через полчаса мы уже там. Здесь полно студентов, наших ровесников. Никита обнимает меня за талию, и мы вливаемся в поток людей. Стоим какое-то время на смотровой, потом идём гулять к главному зданию МГУ. Я хотела тут учиться, но выбрала другой университет спортивной направленности, чтобы быть ближе к Никите. После окончания вуза стану спортивным маркетологом.

Никита учится там же. Ну как учится. Формально числится и получает зачёты автоматом за то, что стал успешным футболистом. На занятиях ни разу не появлялся. Профессиональным спортсменам не до учебы.

— Ты не замёрзла? — Никита трогает мои ладони. Они прохладные.

— Немного.

— Пойдём в машину?

— Давай, — охотно соглашаюсь.

По дороге мы останавливаемся у ларька, и Никита покупает нам по стаканчику кофе. Но на заднем сиденье нам не до горячих напитков. Мы греемся друг о друга. Я просовываю ладонь Никите под толстовку и веду по кубикам пресса. Чувствую, как его кожа покрывается мурашками от моей холодной руки.

— Лиль, — шепчет и кусает мочку уха.

— А?

— Хочу тебя.

Обожаю, когда Никита говорит мне это. Внизу живота моментально взрывается фейерверк желания.

— И я тебя хочу, — признаюсь.

Никита пробирается мне под колготки и гладит между ног. Охаю.

— Лиль, — снова зовёт.

— А?

— А поедешь в Питер на мой следующий матч?

Слегка отстраняюсь от Никиты и заглядываю в его лицо. В темноте салона отчетливо видны только блестящие глаза.

— В Питер? — удивляюсь.

— Да, мы против питерского клуба играть будем.

— Это надолго?

— Несколько дней.

Я правильно понимаю, что Никита предлагает мне провести с ним в Питере все эти дни?

— Конечно, поеду, — сразу соглашаюсь. — Ты ещё спрашиваешь?

Что сочинить родителям, придумаю потом. Прогулы в институте в данную секунду тоже волнуют меня меньше всего.

— Моя любимая Муза, — ладонь Никиты ныряет мне в трусики. — Хочу тебя.

Глава 25. Питер

Лиля

Мне приходится сочинить родителям целую легенду, почему я должна поехать в Питер на три дня. И все равно, кажется, мама не поверила. Но примечательно, что выдавать меня папе не стала, а наоборот при нем поддержала мою маленькую ложь об экскурсии от института. Правда, когда мы остались с родительницей вдвоём, она все же попыталась выбить из меня правду, но я осталась непреклонна.

Никита летит в Питер на самолёте со своей командой. Я еду на «Сапсане» в тот же день. Сказать, что я волнуюсь, — это ничего не сказать. Я буду жить в одном номере с Никитой. И хоть я давно мечтаю полноценно заняться с Никитой любовью, лишиться с ним девственности, а как подумаю о том, что это произойдёт уже сегодня ночью, так поджилки трясутся.

Мы с Никитой не обсуждали, что наш первый секс случится в Питере. Но, мне кажется, это само собой разумеется. Впервые после начала отношений мы останемся вдвоём на всю ночь в одной комнате. Не фильм же мы смотреть будем. Никита же знает, что я девственница? Ну, как минимум, догадывается, думаю.

Когда «Сапсан» приезжает на Московский вокзал Санкт-Петербурга, беру такси и еду в гостиницу. На ресепшене мне дают ключ от номера, зарегистрированного на Никиту Свиридова. Не знаю, как он договорился, чтобы меня пустили жить к нему. Клуб ведь бронировал номер только на Никиту.

Свиридова сейчас нет, он на тренировке с командой. Написал сообщение, что вернётся поздно вечером. Номер просторный, есть большой балкон. Но первое, что привлекает мое внимание, — это огромная кровать. Она как будто специально для нас двоих. И сразу щеки заливает румянцем, потому что думаю про нас с Никитой на этой постели. Я готовилась. Привезла несколько комплектов нового соблазнительного белья.

Боже мой, неужели это случится сегодня? Падаю лицом в ладони.

До возвращения Никиты с тренировки несколько часов. Чтобы не изводить себя томительным ожиданием, иду гулять, хотя погода ужасная: дождь и ветер. У меня произошли кардинальные перемены, и мне так хочется поделиться ими с Соней, моей лучшей подругой. И по совместительству бывшей девушкой Никиты. Но у нее чуть больше полугода назад родился ребёнок, и теперь даже поговорить с Соней по телефону стало почти невозможно. Мальчика нужно постоянно носить на руках и развлекать. Кажется, во время нашего последнего общения Соня говорила, что у Владика лезут зубы, и это превратило ее жизнь в окончательный ад.

И все же я пишу подруге:

«Привет! Давно не общались. Как твои дела?»

С тех пор, как у Сони родился малыш, она стала отвечать в лучшем случае раз в час, так что я не жду от неё скорого сообщения. И действительно, смс от лучшей подруги приходит через полтора часа.

«Привет! Да все так же, у Владика лезут зубы, он постоянно хнычет и не слезает с рук. Как у тебя дела? Что нового?»

Пока Соня онлайн, быстро печатаю. Есть надежда, что она ответит быстро.

«А у меня жизнь изменилась на 180 градусов. Мы с Никитой встречаемся!»

Соня не вышла из онлайна и читает сообщение сразу:

«Ого! Вот это да! Поздравляю тебя, Лиля!!!! Я очень рада!!!!»

Улыбаюсь. Я знаю, что радость Сони за меня искренняя. Они с Никитой встречались в школе, но больших чувств между ними не было. Когда в 11 классе к нам пришёл новенький Дима Соболев, Соня влюбилась в него и рассталась с Никитой. Свиридов погрустил наверное, неделю, а потом открыл для себя других девушек нашего класса и параллели. Соня стала встречаться с Димой. Забеременела от него после школы, а Соболев трагически погиб. Соня родила ребёнка и вышла замуж за хорошего мужчину, который помог ей в трудный период. Видно, что Соня не любит Игоря, но все же с ним ей лучше, чем с родной матерью.

«Я и сама иногда не верю)))) я сейчас в Питере, у Никиты завтра тут матч»

«Я хочу знать все подробности!»

Смеюсь.

«Оставляй Владика с кем-нибудь и пойдём пить кофе)»

«Лучше ты приезжай к нам на дачу на следующие выходные. Можешь приехать с Никитой)»

Не успеваю ответить, как Соня присылает новое сообщение:

«А давайте все соберёмся? Нашей школьной компанией? Я позову Ульяну и других ребят»

«Отличная идея! Мы недавно собирались с классом, но Ульяна не смогла»

«Тогда напишу всем нашим. Тебе адрес дачи Игоря позднее скину. Владик проснулся, мне пора бежать)»

«Давай)))»

После короткой переписки с Соней аж на душе легче стало. Оставшееся до возвращения Никиты время гуляю с улыбкой на лице. Когда прихожу в номер, шагомер показывает, что я прошла несколько километров. Без сил падаю на кровать и смотрю в белый потолок.

Никита появляется через полчаса. Когда он заходит, от неожиданности подпрыгиваю на постели.

— Привет! — закрывает дверь и сбрасывает с плеча спортивную сумку.

Иду ему навстречу. Ник заключает меня в объятия и жадно целует. Хоть и виделись вчера вечером, а ужасно друг по другу соскучились. Он отрывает меня от пола и несёт на кровать. Ложимся, продолжая целоваться.

— Как я рад, что ты приехала, — шепчет.

— И я рада.

Кладу голову Никите на грудь и обнимаю его. Он гладит меня по волосам и спине. Как же хорошо! Я ждала этого целый день!

— Чем занималась, пока меня не было?

— Гуляла и переписывалась с Соней. Она пригласила нас к себе на дачу в следующие выходные. Поедем?

— Думаю, да. Вроде не было никаких планов.

— Как прошёл твой день? Как тренировка?

Никита тяжело вздыхает, по чему я делаю вывод, что день был тяжелым.

— Устал, — произносит обреченно. — Мы завтра играем против сильного клуба.

— Все будет хорошо, — подбадриваю. — Ты один из лучших игроков своей команды.

Никита закрывает глаза и ничего не отвечает. Видно, что он вымотан. Еще бы. Помимо изнурительных тренировок на нем как на главном нападающем колоссальная

ответственность. Вот только футбол — это командная игра, и не все зависит от тебя. Ты можешь выкладываться по полной, но если с тобой в команде играют ленивые идиоты, то ничего не получится. Но у Никиты хороший клуб. Не лучший в России, но все же очень сильный.

— Что для тебя самое сложное в футболе? — задаю давно интересующий вопрос.

Я знаю об этом виде спорта абсолютно все, но мне хочется посмотреть на футбол глазами Никиты. Как он его видит, как чувствует. Никита всегда держал свою «футбольную» жизнь в тайне ото всех: не пускал на матчи, не делился успехами, не рассказывал о планах. Я могла что-то узнать только от тети Жени. Сейчас у меня появилась возможность прикоснуться к частичке самого важного у Никиты — к его футбольной жизни.

— Пенальти.

— Пенальти? — удивляюсь. — Почему? Их же легко забивать.

— Это тебе так по телевизору кажется.

— А что там сложного? — не понимаю.

— В первую очередь, то, что если промажешь, навсегда останешься лохом, который не забил пенальти.

— Да ну, ты преувеличиваешь. Ты столько голов забил, столько раз помог команде победить.

— Это сразу все забудут, если я не забью пенальти. Болельщики помнят только незабитые голы. Тренер и администрация клуба тоже.

— Никто не застрахован от ошибки.

— Это не волнует тренера, администрацию и болельщиков.

Ох, как все сложно. Но и правда ведь, когда какой-то футболист не забивает пенальти, его потом в соцсетях чуть ли не на кол сажают. Так что да, страшновато не попасть в ворота, стоя один на один с вратарем.

— Уже поздно, — гляжу на часы. — Я пойду в душ.

Не успеваю подняться с кровати, как Никита валит меня обратно и перекатывается сверху.

— Пойдём вместе. Я ужасно соскучился по тебе.

Глава 26. Как ни с кем

Лиля

Вот он этот пугающий момент. Я же так его ждала, так мечтала. Тогда почему мне так страшно? Это ведь Никита. Мой любимый Никита. Парень, без которого моя жизнь потеряет смысл.

Он целует меня. Сначала нежно, потом нетерпеливо. Сминает губы, подчиняет себе. Как же я люблю Никиту. До безумия. До потери сознания. И да, я хочу, чтобы это случилось сегодня. Хочу, чтобы Никита стал моим первым мужчиной. И остался единственным.

— Пойдём, — соглашаюсь.

Никита улыбается, как Чеширский кот.

Вылезаю из-под него и направляюсь в ванную. Здесь просторная душевая кабина и джакузи. Раздеваюсь и захожу в душевую. Вода льётся сверху, смывая все страхи и сомнения. Я жду Никиту. Он заходит через несколько минут. Открывает дверцу душевой и сразу прижимается ко мне сзади.

Его возбужденный член упирается в мои ягодицы. Ахаю. Между ног стремительно закручивается желание. Рядом с Никитой мне много не надо. Один поцелуй, одно прикосновение — и я уже хочу его.

Ник разворачивает меня к себе лицом и впивается в губы. От происходящего закружилась голова, поэтому я буквально висну у Никиты на шее. Он вжимает меня в стенку душевой, блуждает руками по телу. Мнёт грудь, попу, трогает между ног.

Я тоже хочу трогать Никиту. До этого стеснялась, могла позволить себе только водить ладонью по прессу или спине. А сейчас сама спускаю руку по животу к паху. Замираю нерешительно в нескольких сантиметрах от члена. А через мгновение Никита сам берет мою руку и кладет на него.

Резко прерываем поцелуй, смотрим друг другу в глаза.

— Сожми его, — хрипло просит.

Опускаю взгляд вниз. Моя рука на его члене. Набираюсь смелости и сжимаю, как просил Никита.

— Теперь медленно води вверх-вниз.

Повинуюсь. Никита глухо стонет. Не очень понимаю, что нужно делать, я никогда раньше не держала в руке и не сжимала мужской член. Действую интуитивно.

— Умничка, — сбивчиво произносит. — Теперь можно чуть-чуть быстрее.

Мне нравится. Несмотря на то, что член большой и твердый, головка очень нежная, даже мягкая. Тихие стоны Никиты придают мне уверенности. Я смелею, начинаю водить рукой ещё быстрее.

— Умираю, как хочу тебя, Лиль, — Никита снова вгрызается мне в губы.

Желание настолько сильно сконцентрировалось между ног, что требует немедленной разрядки. Нетерпеливо хнычу Никите в рот. Он понимает меня без слов. Забирает из моей руки член и направляет его мне между ног, водит по клитору. Громкий стон срывается с губ. Я прерываю поцелуй и падаю лбом Никите на плечо. Он продолжает ласкать меня между ног головкой члена, даря незабываемые ощущения. Потом берет с полки флакончик отельного геля для душа, выливает себе на ладонь и принимается меня намыливать. Снова разворачивает к себе спиной и ныряет рукой между ног.

Откидываюсь головой назад и прикрываю глаза. Ничего лучше в жизни не испытывала. И это ведь ещё не полноценный секс. А какие ощущения там? Когда Никита будет полностью во мне, когда буду чувствовать его внутри себя. С ума сойти.

Я тоже выдавливаю на ладонь гель для душа. Возвращаюсь лицом к Никите и опускаю руку на член. Пока вожу по нему мыльной ладонью, Никита целует мою шею.

— Я все правильно делаю?

— Да, ты умничка.

Громкий стон из уст Никиты тому подтверждение. Мне нравится ласкать его, нравится, как он стонет, нравится, что ему так хорошо именно со мной. Я хочу, чтобы Никите нравилось заниматься со мной любовью, хочу, чтобы, находясь со мной, не вспоминал других девушек.

— Я сейчас кончу.

— Кончай.

Я хочу, чтобы Никита это сделал. Хочу довести его до оргазма, как он почти каждый день доводит меня. Несколько быстрых движений рукой — и Никита с громким стоном извергает мне на живот сперму. Ее запах наполняет душевую кабину, переплетается с ароматом геля для душа. Сейчас сперма не кажется мне такой мерзкой, как тогда на даче у Вовы. Даже приятно ощущать ее капельки на своей коже.

— Обожаю тебя, малыш, — снова целует меня в губы.

— Продолжим в спальне? — робко интересуюсь. Между ног продолжает пульсировать. Никита раздразнил меня, но до разрядки не довёл.

— Обязательно. Сегодня будет ночь открытий.

«Ночь открытий» — звучит многообещающе.

Смыв с себя остатки мыльной пены, первой выхожу из душевой. Заворачиваюсь в полотенце и сушу волосы феном, пока Никита ещё стоит под струями воды. Закончив с волосами, иду в спальню. Вот теперь нервы снова охватывают меня. Когда Никита появляется из ванной, с одним полотенцем на бёдрах, сердце подскакивает к горлу. Я сижу на краю кровати ни жива ни мертва, он подходит вплотную и нависает сверху. Одним движением опрокидывает меня спиной на постель и ложится сверху.

Целуемся. Медленно, томно, тягуче. Никита не спешит, не срывает с меня и с себя полотенца, а как будто растягивает удовольствие. Я заставляю себя откинуть прочь сомнения и страхи. Хочу наслаждаться этим моментом — когда самый любимый мужчина в мире делает меня по-настоящему своей. Только своей.

Никита отрывается от губ, переходит к шее, спускается ниже. Раскрывает полотенце, только когда приближается устами к его краю. Секунду глядит на меня, полностью обнаженную, и продолжает целовать. Ласкает грудь, играет с сосками. От наслаждения выгибаясь ему навстречу, прикрыв глаза. Шумно дышу, втягиваю глубоко кислород. Того и гляди — закончится. Стоны становятся громче, голова мечется по подушке быстрее. Я словно в агонии. В сладкой безумной агонии.

— Хочу тебя. Хочу в тебя, — шепчет на ухо. — Лиль… — шумно выдыхает. — Пиздец, как хочу тебя.

У меня между ног водопад и бешеная пульсация. Если в самое ближайшее время Никита не окажется внутри меня, я умру.

— Никит, — зову. Поднимает на мое лицо пьяные от похоти глаза. — Я ещё не…

Испуганно замолкаю. Не знаю, как сказать, что я ещё не занималась сексом.

— Я никогда…

— Я знаю, — мягко целует меня в губы. — Не бойся.

Медленно выдыхаю.

— Первый раз всегда не очень, но зато потом с ума сходить будешь.

— Я уже схожу с ума. С тобой, Никит.

— И я с тобой схожу, — нежно гладит меня по щеке. — Мне с тобой, как ни с кем.

От последнего признания мурашки по коже и голова кругом. Никита слезает с меня, чтобы достать из рюкзака, что валяется у кровати, пачку презервативов. Завороженно гляжу, как достаёт один из упаковки, рвёт фольгу и раскатывает прозрачный латекс по члену. Не могу поверить, что все произойдет сейчас.

Это точно не сон?

Надев презерватив, Никита возвращается ко мне. Раздвигает мои ноги и устраивается между ними. Опять целует в губы. Параллельно просовывает ладонь мне под поясницу. Я инстинктивно напрягаюсь. Не знаю, чего ждать. Вроде говорят, что первый раз очень больно? И кровь идёт? Такие рассказы я слышала от подруг.

Никита входит в меня. Сердце замирает. Сначала он делает это медленно, давая привыкнуть к себе. Потом также медленно выходит. И так несколько раз. От этого приятные ощущения усиливаются, желание нарастает. Становится невозможно терпеть, и я принимаюсь ерзать под Никитой.

— Нетерпеливая, — смеется. — Сейчас все будет.

— И мне с тобой, как ни с кем, — признаюсь в ответ. — Ах, Никита…

У меня нет слов, чтобы выразить все, что я чувствую в этот момент. В моей жизни не было мгновения счастливее, чем это.

— Поцелуй меня, — только и прошу.

Накрывает мои уста. Я крепко обнимаю Никиту за шею, когда он одним резким толчком врывается в меня. Яркая вспышка боли мгновенно ослепляет. Как будто вонзилась тысяча ножей. Крик вырывается из недр груди, слезы брызжут из глаз.

— Расслабься, малыш, сейчас все пройдёт.

Никита не вышел из меня. Он глубоко во мне. Целует мое лицо, собирает слезинки, гладит по волосам. Успокаивает.

Набираю в грудь побольше воздуха.

— Продолжай, — прошу.

И Никита продолжает. Медленно, неторопливо, потому что я ещё испытываю боль, хоть и вперемешку с наслаждением. Прикрываю глаза и полностью доверяю себя Никите. Он стал моим первым мужчиной. И как же я мечтаю, чтобы остался единственным.

Глава 27. Фанатка

Лиля

В день матча футболистам дают поспать подольше. Я рада провести с Никитой утро. После случившегося ночью меня переполняют эмоции и чувства. Ликование так и прет из меня. Я просыпаюсь раньше Никиты и просто смотрю на него спящего, чувствуя себя самой счастливой девушкой на земле. Вожу кончиками пальцев по его обнаженной груди, мышцам, рукам. Перехожу на лицо и рисую узоры на щеках.

Резким движением Никита хватает мою ладонь и подносит ее тыльную сторону к губам. Целует, улыбаясь сквозь сон.

— Я тебя разбудила?

Ох, не надо было трогать Никиту. У него сегодня важный матч, нужно выспаться, как следует.

— Нет, все в порядке.

Никита перекидывает руку мне на талию и придвигает к себе. Все еще не открывает глаз, находясь в сонном состоянии. Чувствую жар его груди через шелковую сорочку. Никита опускается лицом мне в макушку и целует волосы.

Это лучшее утро в моей жизни. Я проснулась в одной кровати с Никитой, он меня обнимает и целует. Хочу остановить это мгновение, запечатлеть его в памяти навсегда: наше первое совместное пробуждение.

Рука Никиты ныряет мне под сорочку и гладит ягодицы. Кожа моментально мурашками покрывается, соски твердеют. Я стремительно возбуждаюсь, но заниматься сейчас сексом не рискну. Между ног все еще больно.

Никита начинает стягивать с меня трусики, но я останавливаю его.

— Давай вечером?

— Почему не сейчас?

— Мне ещё немного больно.

Никита разочарованно стонет. Мне в ногу упирается его каменный стояк. Я в замешательстве, что делать. Но Никита принимает решение за меня. Берет мою руку и кладёт себе на член. Я смелею и иду дальше: спускаю вниз тугую резину боксеров.

В общем, этим утром у Никиты есть оргазм, а у меня нет. Ну ничего. Это ему от меня заряд бодрости перед важным матчем.

Никита уходит из номера раньше меня. Перед игрой они собираются с командой и тренером, чтобы обсудить стратегию поведения на поле. Я неспешно одеваюсь и еду на стадион. Здесь собрались преимущественно болельщики питерского клуба. Оно и неудивительно, учитывая, что матч проходит в Санкт-Петербурге. Никита просил не покупать билет на слишком дальнее место. Хочет видеть меня во время игры.

Я хоть и не горю желанием снова засветиться в телевизоре перед тетей Женей, а не смогла отказать Никите. «Хочу видеть тебя во время игры». Да это для меня сродни признанию в любви.

Лениво разглядываю болельщиков питерского клуба, как вдруг глаз цепляется за знакомую фигуру и пергидрольные волосы. Предводительница фанаток. Она тут. Ошарашенно гляжу, как крашенная блондинка садится на четвёртой ряд чуть ниже меня.

Она что, поехала смотреть на Никиту в другой город???

Нет, ну я ещё могу понять, если она живет в Москве, и ей не составляет труда сходить на матч. Билеты не такие уж и дорогие. Но ехать в другой город? Только ради того, чтобы посмотреть на Никиту? Даже я не делала ничего подобного, хотя люблю Свиридова всю свою жизнь.

Не знаю, как к этому относиться, как реагировать. По-моему, это ненормально. У нее точно все в порядке с головой? На долю секунды мне даже становится страшно за Никиту. Нет, ну а что. Солиста группы «Биттлз» Джона Леннона убил фанат.

Сглатываю. Меня одолевают жуткие мысли. Люди с психическими отклонениями могут быть очень опасны. От них не знаешь, чего ждать. А то, что у этой пергидрольной какое-то шизо, я не сомневаюсь. Ну можно лет в тринадцать влюбиться в какого-нибудь певца, актера, футболиста. Но этой на вид лет двадцать. И она в двадцать лет на полном серьезе организовывает фан-клуб Никиты и всюду за ним следует. Других дел у этой девушки нет.

Будто чувствуя мой взгляд, фанатка оборачивается. На ее лице мелькает удивление. Не ожидала меня здесь увидеть. Удивление моментально сменяется не то злостью, не то агрессией. Поджимает губы, кривится. Не знаю, сколько бы она ещё на меня таращилась, если бы не объявили начало матча. Фанатка отворачивается ровно тогда, когда футболисты начинают выходить на поле.

Как только начинается игра, я забываю про пергидрольную и не свожу глаз с Никиты. Смотрю только на него. Как же он красиво играет в футбол! Не просто бежит и бьет по мячу, а делает это так искусно, что нет сомнений: играть в футбол — это прирожденный талант Никиты. Кто-то рождён, чтобы рисовать. Кто-то рождён, чтобы петь. Кто-то рождён, чтобы танцевать. А Никита рождён, чтобы играть в футбол. То, что он вытворяет на поле, — это произведение искусства. Я уверена: Никиту ждет большое будущее в футболе. Он будет играть в лучших клубах и будет выступать за сборную России. Это лишь вопрос времени.

Никита забивает гол в конце первого тайма. От радости я подпрыгиваю на пластиковом сиденье и визжу. Я радуюсь каждому голу Никиты так, будто это моя собственная победа. Но мое ликование омрачает фанатка. Сквозь рёв трибун до меня доносится ее крик: «Никита, обожаю тебя! Ты лучший!».

Возмущение вспыхивает яркой вспышкой. Может, она ещё в любви ему признается? Предложит встречаться? Разденется перед ним? Отсосет ему? Медленно-медленно по одному градусу в венах закипает злость. Я слишком долго ждала, когда Никита обратит на меня внимание, чтобы потом какая-то чокнутая лезла к нему. Я достаточно насмотрелась на Никиту с другими девушками, включая свою лучшую подругу, так что видеть рядом с ним каких-то тупых фанаток точно не хочу.

Надо поговорить с Никитой. Без претензий и скандала, а спокойно донести до него, что мне не нравится эта больная сталкерша. Я не хочу, чтобы она выкрикивала подобные вещи МОЕМУ парню.

К концу игры я накручиваю себя ещё сильнее. Пергидрольная голова мельтешит перед глазами, заставляя меня беситься. Матч заканчивается со счётом два-два. Кажется, Никита говорил, что ничья для его команды нежелательна. Никита уходит с поля грустный. Второй гол от его команды забил Тимур Довлатов.

Когда болельщики поднимаются с мест, пергидрольная тут же на меня оборачивается. Ехидно так пялится. Мне хоть и неприятен ее взгляд, а не спешу быстрее уйти. Пусть смотрит на меня. А возможно, нам даже следует поговорить.

Она первой ко мне обращается. Я ждала этого. Догоняет на выходе из трибун.

— Привет! Не ожидала увидеть тебя в другом городе, — и скалится. Наверное, пытается улыбнуться, но получается волчий оскал.

— Я тебя тоже.

— Ты точно не хочешь вступить в наш фан-клуб. Мы общаемся с Никитой лично.

Что!? Общаются с Никитой лично!? То есть, Никита с этой сумасшедшей разговаривает? Знает ее в жизни?

— Я тоже общаюсь с Никитой лично, — рявкаю. — Я его девушка.

Пергидрольная резко останавливается, из-за чего в неё врезается толстый мужик, идущий сзади.

— Эй, чего встала в проходе?

Фанатка не реагирует на грубость. Таращится на меня глазами, как пятирублевые монеты.

— Девушка? — переспрашивает, не веря. — Никита говорил в интервью «Спортивному экспрессу», что у него нет девушки.

— Когда давал интервью, не было. Теперь есть.

В пергидрольную ещё кто-то врезается. Она как будто не замечает этого, продолжает стоять на одной точке.

— Как тебя зовут? — спрашиваю.

— Юля.

— Послушай, Юля, а тебе заняться больше нечем, кроме как преследовать Никиту?

— Я его не преследую, — тут же щетинится.

— Да? А зачем ты тогда поехала за ним в другой город?

— Футбольные болельщики ездят болеть за любимую команду не только в другой город, но и в другую страну! — гордо вздергивает нос, но в этот момент в нее снова врезается какой-то мужик, и получается смешно и нелепо.

— Но ты ведь приехала болеть не за команду, а именно за Никиту.

— Он главный нападающий.

— Послушай, — вздыхаю. — Лучше найди себе какое-нибудь нормальное занятие, чем преследовать МОЕГО парня, — на слове «моего» я делаю особенный акцент.

Бледно-голубые глаза фанатки из пятирублевых монет сужаются до щелочек. Пухлые губы превращаются в нитку.

— Сегодня есть девушка, а завтра нет.

— Что? — не сразу понимаю сказанное ею.

Ухмыляется.

— Ты так кичишься тем, что встречаешься с Никитой, как будто он уже на тебе женился. Сколько он с тобой пробудет? Пару месяцев? Я даю тебе максимум полгода.

Пока я стою с открытым от шока и возмущения ртом, пергидрольная обходит меня и устремляется на выход, теряясь в толпе болельщиков.

Глава 28. Она — никто

Лиля

Вечером после матча мы с Никитой планировали пойти в ресторан. Он забронировал столик в каком-то крутом заведении Питера. К возвращению Свиридова в отель я должна была быть готова.

Но я совсем не готова. Сижу в джинсах вместо коктейльного платья и едва сдерживаю слезы. Даже не знаю, что меня расстроило больше: колкое пророчество фанатки о том, что Никита бросит меня через пару месяцев, или факт его общения с ней. Насколько далеко зашло их общение? Никита знает, что она в него влюблена? Ну конечно, знает. Чокнутая ведь выкрикивает ему признания в любви с трибун.

Дверь в номер распахивается, и заходит Никита со спортивной сумкой на плече. Одного взгляда достаточно, чтобы понять: он без настроения. Недоволен, что сыграли вничью.

Я грустная, Никита без настроения. Попахивает испорченным вечером.

— Ты готова? — оглядывает меня.

Ни «привет», ни «как дела». Сходу: «Ты готова?».

— Нет.

— Одевайся быстрее, нам через двадцать минут надо быть там, а то бронь слетит.

Никита небрежно бросает спортивную сумку с формой и бутсами, шагает мимо меня и падает на кровать. Просто смотрит в потолок. Не поцеловал, не обнял, а прошёл мимо и лег.

— Так ты будешь собираться в ресторан или нет? — спрашивает через несколько минут.

— Нет.

— Так поедешь? Ну поехали, — достаёт из кармана джинс телефон. Видимо, чтобы вызвать такси.

— Я не хочу в ресторан.

Эти слова наконец-то заставляют Никиту посмотреть на меня.

— Почему?

— Нет настроения.

— Почему?

Несколько секунд молчу, не зная, что сказать. Но решаю произнести правду:

— Мне испортила настроение твоя больная фанатка.

Прищуривается.

— Какая ещё фанатка?

— Пергидрольная блондинка, что ходит на каждый твой матч.

— А, эта. А что она?

— Ты общаешься с ней?

— Нет.

— А она сказала, что да.

Никита как-то непонятно морщит лицо.

— Я не общаюсь с ней.

— Тогда почему она сказала, что общаешься?

— Не знаю.

Внутри закипает злость. Мне едва удаётся сдерживать эмоции. Хочется одновременно закричать на Никиту, обвинить его в измене и расплакаться.

— Ну, она мне что-то пишет, но я ей не отвечаю.

Ах вот как! Из «не общаюсь» мы пришли к «она мне что-то пишет».

— Что она тебе пишет? — внимательно вглядываюсь в лицо Никиты.

Мне кажется, или он мнётся? Как будто сомневается, говорить ли.

— Не знаю, я не читаю. Мне много кто пишет, некогда смотреть сообщения от незнакомых людей.

В это я, допустим, верю. С каждым днём количество подписчиков у Никиты в соцсетях растёт в геометрической прогрессии. Лайки и комментарии к фотографиям сыплются, как из рога изобилия. Физически не хватит времени все их просматривать.

Но я просматриваю.

— Она мне не нравится! — выпаливаю после паузы.

— Чем?

— Всем! Она какая-то больная. Таких людей надо остерегаться.

— Ну, я тоже не понимаю, что в голове у этих девчонок. Не только у меня же есть такие поклонницы, много у кого из футболистов. Мне как-то по фиг на них. Ну ходят с плакатами на мои матчи. Ну выкрикивают какие-то глупости. Я не обращаю внимания.

— Я не хочу, чтобы она ходила на твои матчи, — бурчу себе под нос.

— Я не могу ей запретить. Не я же продаю билеты.

Все, что говорит Никита, резонно. Вот только мое настроение лучше не стало. На душе все равно гадко от сказанных фанаткой слов.

Никита поднимается с кровати и подходит ко мне. Ставит рядом второй стул и садится. Не поднимаю на него глаз, рассматриваю маникюр на руках. Тогда Никита берет в ладони мое лицо и поднимает на себя.

— Мы опоздали в ресторан. Бронь слетела.

Сглатываю. Чувствую себя виноватой. У нас должно было быть красивое свидание, а я все испортила.

— Извини.

— Не надо извиняться. Просто объясни, что случилось.

Глаза предательски начинают жечь слезы. Нет-нет-нет! Только не это. Я не хочу плакать при Никите.

— Твоя фанатка наговорила мне гадостей, — признаюсь. — Я расстроилась.

— Зачем ты вообще с ней разговаривала?

Хороший вопрос. А ведь и правда: зачем? Молчу, не зная, что ответить.

— Лиль, ты — моя девушка. А она — никто.

От этих слов сердце начинает биться с утроенной силой. Настроение разворачивается в обратном направлении и начинает расти.

— Пообещай мне, что не будешь обращать внимания на всяких сумасшедших.

Быстро киваю головой как болванчик.

— Иди ко мне.

Никита пересаживает меня со стула к себе на колени. Обнимает за талию, я его за шею. Опускаюсь лбом ему на плечо и улыбаюсь дурацкой счастливой улыбкой.

«Ты — моя девушка. А она — никто»

Да, именно так. Я — девушка Никиты. А эта дура — никто.

— Ты расстроился, что вы сыграли вничью? — перевожу тему.

— Да.

— Это плохо для твоей команды?

— Да, потому что предыдущий матч у нас тоже получился вничью. Две ничьи подряд для нас плохо.

— Что говорит тренер?

— Что мы все ебланы, не умеем играть и что если следующий матч не выиграем, то клуб продаст нас в какой-нибудь Мухосранск.

Не знаю, почему, но мне становится очень смешно. Понимаю, что Никита расстроен, но не могу удержаться. Тихо смеюсь ему в плечо.

— Не смешно! — щипает меня за бок.

— Ты великолепно играл, — целую его в щеку. — Я любовалась тобой весь матч.

Фанатка исчезла из моей головы, больше ничего не омрачает настроения. Меня переполняют любовь и нежность к Никите. Глажу его, обнимаю, целую. И сама плавлюсь в его руках.

— Хочу тебя, Лиль. Так сильно хочу, — шепчет сквозь поцелуи. Никита поднимается со стула вместе со мной на руках и несёт к кровати.

И я хочу, думаю про себя, но вслух не говорю, потому что слишком занята поцелуями с самым любимым парнем в мире.

Глава 29. Правда

Лиля

В Москву мы возвращаемся так же, как ехали в Питер: по отдельности. Дома начинается все то же, что и было. У Никиты изнурительные тренировки, а у меня учёба в институте и ожидание наших встреч. В субботу перед поездкой к Соне я иду домой к Никите. На подобного рода мероприятия мы обычно ездим вместе. Соседи же. А у Свиридова своя машина, так что ему не сложно взять меня с собой. Так что, надеюсь, его мама ничего не заподозрит.

Но когда тетя Женя открывает входную дверь, мне одного взгляда достаточно, чтобы понять: она знает про нас с Никитой. По позвоночнику пробегает неприятный холодок, в душе шевелится плохое предчувствие.

— Здрасьте, теть Жень, — нервно хихикаю и прохожу в квартиру. — А Никита согласился подвезти меня к Соне. Ну, чтоб я на электричке в Подмосковье не ехала.

Что я несу? Ей же все известно. Вот только откуда?

— Проходи, — улыбается губами, но не глазами. — Никита ещё собирается.

Тетя Женя ведет меня на кухню.

— Хочешь чай или кофе?

На самом деле я хочу сбежать, не оглядываясь.

— Кофе.

Тетя Женя принимается колдовать над приготовлением напитка. Тишина между нами давит на меня. Ерзаю на барном стуле, не знаю, куда деться. Чувствую себя виноватой. Не знаю, в чем. В том, что посмела полюбить ее сына? Так разве это плохо?

— Держи, — ставит передо мной фарфоровую кружку.

Тетя Женя забирается на высокий стул напротив и, пока я делаю глоток кофе, сканирует меня взглядом.

— И давно вы с Никитой вместе?

Я хоть и поняла с первой минуты, что она в курсе, а все равно вопрос звучит настолько неожиданно, что я давлюсь горячим напитком и обжигаю язык с горлом.

Откашлявшись, поднимаю на неё лицо. Что мне ответить? Солгать? А что это даст, если она уже знает?

— Меньше месяца.

— Неожиданно.

— Что неожиданно?

— Что вы начали встречаться.

— Почему?

— Потому что ты никогда не была интересна Никите.

Это звучит, как хлёсткая пощечина. На мгновение замираю в замешательстве.

— Интересы имеют свойство меняться, — выдавливаю из себя.

Я чувствую себя униженной и облитой грязью. Вдвойне неприятно, что это исходит от тети Жени — лучшей подруги моей мамы, которую я искренне любила.

Да что с ней такое? Тетю Женю как будто подменили! Она же всегда хорошо ко мне относилась. Откуда такая агрессия в мой адрес? Что я плохого сделала?

— Лиля, но ты же понимаешь, что футбол все равно останется для Никиты на первом

месте. Мой сын не просто мяч пинает, он настоящий футболист, главный нападающий статусного московского клуба. И Никита только в самом начале своей карьеры, его ещё многое ждёт. У Никиты есть все шансы попасть в сборную России.

— Я не конкурирую с футболом за внимание Никиты, — тетя Женя продолжала бы и дальше, но я ее перебила. — Футбол — это работа Никиты. А я — его личная жизнь. Две эти линии идут параллельно и друг с другом не соперничают.

— Футбол — это не просто работа для Никиты, как офис или завод, — поправляет меня. — Футбол — это его жизнь.

От возмущения и злости руки начинают подрагивать, поэтому я прячу их под стол.

— Вы думаете, я буду мешать Никите заниматься футболом? — спрашиваю в лоб.

Тетя Женя теряется от такой моей прямолинейности.

— Я этого не говорила.

— Тогда я вас не понимаю.

— Просто я хочу, чтобы ты знала, как футбол важен для Никиты.

— Я знаю.

— У Никиты сейчас очень важный период в карьере. К нему присматриваются несколько клубов…

Тетя Женя не успевает договорить, потому что на кухню заходит Никита.

— Привет, — говорю ему.

— Привет. — Не стесняясь своей мамы, он подходит ко мне и целует в губы. — Поехали? — спрашивает как ни в чем не бывало, пока у тети Жени чуть ли не отвисает челюсть до стола, а у меня появляется острое желание провалиться сквозь землю.

Глава 30. Вопросы

Лиля

— Откуда твоя мать узнала про нас? — спрашиваю сразу, как только садимся с Никитой в машину.

— Твоя мама рассказала ей, что ты уехала в Питер на экскурсию от института. Ну а так как даты твоей экскурсии подозрительно совпали с датами моего матча, то она догадалась. Когда я вернулся, она задала мне вопрос, встречаемся ли мы. Я ответил, что да.

— Понятно.

Никита выезжает со двора и поворачивает ко мне голову.

— А что? Не надо было говорить?

Неопределённо веду плечами. Что толку это обсуждать? Раз сказал, то сказал.

— Нет, все в порядке.

Никита возвращает внимание дороге и как ни в чем не бывало смотрит перед собой в лобовое стекло. Ну да, чего Нику переживать. Не ему же его мама говорит все это.

— Как дела у Сони? — спрашивает после паузы. — Сто лет ее не видел.

— Ну вот спросишь, как у нее дела, когда приедем, — бурчу под нос.

Никита будто не замечает моего плохого настроения.

— Она замуж вышла, да? За того врача?

— Да.

Кивает.

— Помню его.

Когда Соня лежала на сохранении, мы с Никитой, Ульяной и Вовой иногда ее навещали. Там мы познакомились с лечащим врачом Сони, Игорем. За него она и вышла полгода назад замуж.

— Жаль, что у них с новеньким так получилось, — в голосе Никиты слышатся грусть и сочувствие.

Внимательно на него гляжу.

— Ты больше не ненавидишь Соболева за то, что он увёл у тебя девушку?

Никита смеется.

— За то, что увёл у меня Соню, точно не ненавижу. Но вот что я не могу ему простить, так это то, что он, гад, сломал мне руку. Это чуть не стоило мне карьеры.

В первый же день, когда новенький Дима Соболев пришел в наш класс, они с Никитой подрались из-за Сони. Свиридов поставил Диме фингал, жирный синяк на скуле и разбил губу, а тот сломал Никите руку.

— Ты так легко говоришь про расставание с Соней, — замечаю.

На самом деле мне давно интересно расспросить Никиту про их отношения с Соней. Мне известны подробности только со слов подруги. Но как все это видел Никита, я могу только догадываться.

— А должен говорить тяжело?

У Никиты прекрасное расположение духа. В отличие от меня.

— У тебя отбили девушку! — восклицаю. — Тебе совсем по фиг?

— Не, ну, когда Соболев пришел в наш класс и увёл у меня Соню, конечно, мне было неприятно. Вдвойне неприятно, что я полтора года ждал, когда Соня мне даст, а она так и не

дала. Зато Соболеву дала сразу. Вот это, конечно, было самое обидное.

У меня чуть ли не отвисает челюсть от такого откровения. Значит, все дело только в сексе? Никита хотел лишь переспать с Соней и все?

— Если бы я знал, что Соня мне так и не даст, то не тратил бы на неё столько своего времени, — добавляет, продолжая смотреть на дорогу.

— То есть, ты не любил Соню?

Признаться честно, я в шоке.

— Нет.

— А зачем ты тогда с ней встречался?

— Она мне нравилась.

— А сейчас?

— Что сейчас?

— Сейчас нравится?

Спрашиваю и затаиваю дыхание.

— В каком смысле нравится?

— В прямом.

— Если ты имеешь в виду, перестала ли Соня быть красивой после нашего расставания, то нет, не перестала. Соня — красивая девушка. Но испытываю ли я к ней сейчас какое-либо влечение? Нет, не испытываю.

— А к кому ты испытываешь влечение?

— К тебе.

По коже ползут мурашки. Облизываю губы и смущенно прячу лицо за волосами. Мне не дают покоя слова тети Жени: «Ты никогда не была интересна Никите». Да, не была. Что же изменилось? Почему я вдруг стала нравиться ему?

— Почему в школе ты выбрал Соню, а не меня?

Самый наболевший вопрос вырывается почти неосознанно. Все-таки я бы не хотела задавать его, потому что он слишком выдаёт мои чувства к Никите. Я люблю его со школы. Я любила его, когда он встречался с моей лучшей подругой.

Никита долго не отвечает. Задумчиво смотрит в лобовое.

— Я не знаю, Лиль. В школе Соня мне нравилась, а ты нет. Извини, что так.

Ну да. В общем-то, логичный ответ.

— Что изменилось после школы?

— Не знаю. Ты изменилась. Или я изменился. Или мы оба изменились. В какой-то момент я посмотрел на тебя и не узнал. Я уже давно не хочу никого, кроме тебя.

Пока стоим на светофоре, Никита берет меня за руку и переплетает наши пальцы. В этом жесте столько нежности. Любовь затапливает меня. Никита мой. Тогда почему я так нервничаю? Почему боюсь больной фанатки, боюсь его мамы? Разве они могут нас разлучить, если мы с Никитой хотим быть вместе?

Нет, не могут.

Мы будем вместе до тех пор, пока оба этого хотим.

Я успокаиваю себя и медленно расслабляюсь. Остаток пути мы много разговариваем на разные темы и смеёмся. Потом у Никиты глючит навигатор в телефоне, и мы долго ищем нужный дом. Когда находим, время уже близится к вечеру. Я нажимаю на звонок у калитки, почти сразу нам открывает Соня. Улыбчивая, на первый взгляд счастливая, а глаза грустные. Скоро будет полтора года, как погиб Дима Соболев. Соня родила от него ребёнка и вышла

замуж за другого.

— Как я рада вас видеть! — Соня крепко обнимает меня, затем слегка приобнимает Никиту. — Проходите, ребят. Только вас ждём.

Соня ведёт нас в дом. Еще должна быть Ульяна. Тоже наша близкая школьная подруга.

— Пойдемте на кухню.

Мы с Никитой идём в указанном направлении, но как только переступаем порог кухни, я резко прирастаю к одной точке.

О Господи, тут Вова! Стоит у окна и говорит по телефону.

— Ты пригласила Вову? — в ужасе спрашиваю у Сони.

— Да, а что? Не надо было? Я подумала, будет не плохо, если мы соберёмся нашей полной компанией: я, ты, Никита, Ульяна, Серёжа и Вова.

Ох…

Глава 31. Друзья

Лиля

Вова слышит, что мы зашли, прощается по телефону и поворачивается к нам. Смеряет взглядом и меня, и Никиту.

— Всем здорова! — весело начинает Никита.

— Всем привет, — вторю ему.

Ребята нас приветствуют. И правда все собрались. Ульяна, Серёжа, Вова и Сонин муж Игорь. Где-то за стенкой слышится детский лепет. Соня говорила, что с ребенком ей помогает свекровь.

Мы проходим за стол и опускаемся на соседние стулья. Я бы предпочла сесть отдельно от Никиты, но для нас оставили два места рядом друг с другом. Вова сидит напротив. Вроде общается с Серёжей, а то и дело поглядывает на нас.

За столом течет непринужденная беседа. Все расслаблены, кроме меня. Я не была готова так скоро встретиться с Вовой. Боюсь, что он подумает, если узнает про нас с Никитой. Ощущаю себя так, будто предала его. Хотя я никогда ничего не обещала Вове. Да, я не отшивала его прямым текстом, но и быть его девушкой не соглашалась. Ну сходила с ним несколько раз в кафе. Ну приняла от него цветы. Это же не значит, что я дала ему надежду.

Где-то через час застолья происходит страшное: Никита небрежным движением закидывает руку на спинку моего стула, будто обнимает меня. Сам при этом бурно обсуждает футбол с Сониным мужем. Это замечают абсолютно все! Я вытягиваюсь как струна, опускаю глаза в тарелку. Никогда не отличавшаяся скромностью Ульяна спрашивает в лоб:

— Ой, ребят, а вы что? Вместе?

Мои щёки моментально вспыхивают. Хорошо, что у меня загорелая кожа, и этого не видно.

— Да, а вы не знали? — отвечает Никита.

— Вообще-то не знали! — восклицает Ульяна. — Ну ничего себе! Никита и Лиля встречаются! Обалдеть!

— Предлагаю выпить за новую пару! — радостная Соня поднимает бокал с шампанским.

Ее муж принимается разливать всем остальным. Я чувствую тяжёлый свинцовый взгляд Вовы. Какой ужас… Чокаемся, пьём. А Вова не пьет. Серёжа, как специально, подливает масла в огонь:

— Горько! — кричит.

— Да-да, горько! — поддерживает его Ульяна.

И вот уже все, кроме Вовы, кричат нам «Горько». Никита разворачивает меня к себе лицом и без лишней скромности целует в губы. Я ожидаю, что просто чмокнет, но нет. Целует долго, протяжно, с языком. Еще и не дает сразу отстраниться. Целует так, как будто мы с ним наедине, а не на всеобщем обозрении. Когда мы наконец-то отрываемся друг от друга, ребята взрываются аплодисментами. Все, кроме Вовы. Но это замечаю только я.

— Как здорово, что вы вместе! — Соня в восторге хлопает в ладоши. — Я очень за вас рада, ребят!

— И давно вы? — уточняет Ульяна.

— Скоро месяц, — отвечает Никита.

В груди зарождается чувство радости. Оно потихоньку вытесняет неловкость перед Вовой. Никита публично заявляет, что я его девушка, целует меня при всех — разве не об этом я мечтала всю жизнь? Тогда почему я омрачаю свое счастье мыслями о ком-то третьем?

Позволяю себе улыбнуться. Ладонь Никиты соскальзывает со спинки моего стула мне на плечо. Он слегка водит пальцами по коже, рисует узоры. При этом продолжает разговаривать о футболе с Сониным мужем. Никита делает это так… естественно, что ли. Как будто так и должно быть. Расслабляюсь. Я счастлива. Я абсолютно счастлива.

После ужина Соня идёт проверить ребенка. Он подозрительно затих где-то час назад.

— Уснул, — поясняет свекровь Сони, когда мы заходим в комнату. Женщина тактично выходит, оставляя нас с подругой.

Ребенка лучшей подруги я видела, когда он только родился. Тогда Владик был похож на маленького червячка. Сейчас это крепкий карапуз, которого долго на руках не удержишь.

— Как ты все время таскаешь его на руках? — спрашиваю шепотом, рассматривая мальчика в кроватке.

— У меня отваливаются руки.

Еще бы. У мальчика очень милые складочки по всему телу, но эти складочки весят ого-го.

— Он похож на Диму, — вырывается.

Может, зря я это сказала. Только Соне рану разбередила.

— Да… очень похож, — отвечает, и на глазах подруги выступают слезы.

Сжимаю крепко ее ладонь.

— У тебя осталась его частичка. Ваш сын.

— Только ради Влада я и живу.

Обнимаю Соню. Не так давно я проходила недалеко от нашей школы и видела парня, очень похожего на Диму. Если бы не знала, что Соболев умер, подумала бы, что это он. Но Соне не говорю об этом. Не надо.

— Лиль, ты прости меня за то, что я встречалась в школе с Никитой.

— Все в порядке.

— Если бы я знала, что ты его любишь, ни за что не стала бы с ним встречаться.

— Я знаю.

Как мне не хватает Сони! Раньше мы могли часами сидеть в кафе и болтать, а потом ещё перед сном созваниваться и говорить, пока не уснём с трубкой в руках. А сейчас у Сони семья, ребёнок, и хорошо если раз в месяц мы спишемся.

Подруга оставляет ребенку гореть маленький ночник, и мы выходим в гостиную. Никита расслаблен, отдыхает. Мне нравится видеть его таким. А то в последнее время он слишком напряжен из-за футбола. Направляюсь на кухню, чтобы сделать чай, а там Вова. Резко замираю в дверях. Блин. Как же я не обратила внимания, что его нет в гостиной со всеми остальными.

— Привет, — произношу первое, что приходит на ум.

— Привет, — делает глоток виски из стакана.

Развернуться и уйти будет ещё глупее, поэтому прохожу к чайнику и нажимаю кнопку.

— Вот, значит, как, — летит мне в спину с усмешкой.

— Ты о чем?

— Про вас с Никитой.

Зажмуриваюсь и делаю глубокий вдох. Я ненавижу себя за то, что испытываю чувство вины, хотя ни в чем ни перед кем не виновата. Ни перед Вовой, ни перед тетей Женей. Я была свободной девушкой. Я никому ничего не обещала. Никита предложил мне отношения, так почему я должна была отказываться, если люблю его всем сердцем? Чтобы не обидеть Вову? Чтобы потешить самолюбие тети Жени? Я хочу жить для себя, а не для других!

Поворачиваюсь лицом к Вове.

— Да, мы с Никитой вместе. А что? Нам нельзя?

Пожимает плечами.

— Тебя устраивает, как Никита к тебе относится? — делает глоток из стакана.

— Вполне. Никита прекрасно ко мне относится.

— Как и к любой другой девушке, которую он хочет просто трахнуть.

На секунду теряю дар речи. Мне кажется, я впервые в жизни услышала из его уст слово «трахнуть». Супер-интеллигентный и воспитанный Вова обычно не произносит таких слов.

— Никита был моим лучшим другом с первого класса. Я знаю его, как никто другой, — залпом допивает виски и встает с места. — Так что скажу тебе прямо, Лиль: Никита будет с тобой до тех пор, пока он тебя хочет. Как только ему надоест ваш секс, приестся, да элементарно встанет член на другую девушку, он тебя бросит. Никита относится к той категории парней, которые способны только хотеть девушку, а не любить. Неужели ты не видишь, что ему только секс от тебя нужен? И самое главное, — поднимает вверх указательный палец. — Запомни: сначала футбол, потом все остальное. Если ему когда-то придется выбирать между тобой и футболом, то выбор будет не в твою пользу. Ну а так, удачи тебе с ним. Даю вам максимум полгода. Вспомнишь потом мои слова.

Пошатываясь, Вова выходит из кухни, а я словно приросла к одной точке. Уже второй человек дает нам с Никитой максимум полгода. Первой была больная фанатка. Чувствую себя гадко. Как будто меня грязью облили. Не хочу верить словам Вовы. Они все нам завидуют! Фанатка хочет получить Никиту, Вова хочет получить меня. Вот и говорят гадости.

— Все в порядке? — на кухне появляется Никита.

Отмираю.

— Да, все хорошо.

Подходит вплотную. Опускает руки на талию и вжимает меня в столешницу.

— О чем ты с ним говорила? — смотрит в глаза.

— Да ни о чем особо.

Прищуривается. Не верит.

— Я не хочу, чтобы ты с ним разговаривала.

— Почему?

Никита склоняется к моей шее. Целует, отчего по телу электрический разряд проходит. Жадно глотаю кислород.

— Потому что я знаю, как он к тебе относится. А ты только моя девочка.

Снова целует, на этот раз слегка прикусывая тонкую кожу зубами. Вздрагиваю. Ноги слабеют, становятся ватными, поэтому хватаюсь за Никиту.

— Мне с тобой так хорошо, Лиль. Как ни с кем.

— И мне с тобой, как ни с кем, — шепчу.

Пошли они все в задницу со своими тупыми пророчествами о том, что Никита меня

бросит! Я никого из них не буду слушать!

Есть я, есть Никита. Мы вместе.

— Нам тут вроде выделили какую-то комнату, — говорит, продолжая меня целовать.

— Да, — выдыхаю. — На втором этаже.

— А пойдём посмотрим ее?

Я уже буквально повисла на Никите. От его поцелуев теряю связь с реальностью, улетаю куда-то в параллельную вселенную. Мозг плавится и отключается. Сил хватает только на то, чтобы кивнуть.

Глава 32. Сопливый Ромео

Никита

Как только входим в комнату, сразу прижимаю к себе Лилю. Я ужасно соскучился по ее телу. Блуждаю по нему руками, трогаю. Хочу ее до исступления, но не тороплюсь. С Лилей мне нравится растягивать удовольствие. Сначала долго целую в губы. Потом усаживаю Лилю на стол и принимаюсь посыпать поцелуями ее шею, медленно спускаясь вниз.

Мне нравится, как Лиля хватается за мои плечи — будто потеряет равновесие и упадёт. Мне нравится, как с ее губ срываются тихие стоны. Мне нравится, как ее кожа покрывается мурашками.

Хочу ее. Всю. Полностью. Без остатка.

Моя. Только моя.

С ней охуенно. С ней крышесносно. С ней как ни с кем.

Тяну вверх ее мягкий свитер. Спускаю вниз лямки лифчика. Целую грудь. Лиля выгибается назад, давая мне больше пространства. Обожаю, когда она возбуждена. Соски твёрдые, будто ждут моих губ.

Несу Лилю на кровать. Как же я люблю чувствовать ее под собой. Расстегиваю ее джинсы, продолжая целовать грудь. Лиля снимает с меня джемпер. Жадно водит ладонями по торсу. Член начинает ломить с удвоенной силой. Достаю из кармана заранее заготовленный презерватив и быстрее избавляю себя и Лилю от остатков одежды.

Когда вхожу в неё, стонем одновременно. Я мечтал об этом с тех пор, как мы вернулись из Питера. Замираю на несколько секунд, чтобы лучше почувствовать Лилю. Какая же она узкая, мокрая и горячая. От наслаждения мозг замыкает.

Лиля сама начинает двигать бёдрами, лёжа подо мной. Нетерпеливая. Она страстная девушка. И не скажешь, что вчерашняя девственница. Никогда не думал, что скажу это, но мне нравится, что я стал у нее первым. Нравится, что ни с кем до меня она так не стонала и не кончала. Нравится, что ни перед кем не раздевалась. Нравится, что никому не позволяла трогать себя там, где трогаю ее я.

Хотя, безусловно, ещё есть над чем работать. Минет от Лили продолжает оставаться моей мечтой. Думаю, скоро она решится. Не хочу давить на неё в этом вопросе. Хочу, чтобы Лиля сама захотела мне его сделать. Так кайфа будет больше.

Наши движения становятся быстрее, стоны чаще. Лиля зажмуривает глаза и запрокидывает голову назад. Хочет кончить. Но ещё рано. Выхожу из неё, поворачиваю на бок и вхожу сзади. Двигаюсь медленно, постепенно наращивая темп. Опускаюсь носом в ее затылок и, словно наркоман, глубоко вдыхаю запах. Дышать Лилей — это отдельный вид оргазма.

— С тобой, как ни с кем, малыш, — шепчу. — Как ни с кем. Хочу только тебя.

Никогда бы не подумал, что лучший секс в моей жизни будет со вчерашней девственницей. Поразительно, но это так. У меня много девушек было. Разных. Очень опытных. Но с Лилей самые мощные ощущения, самые бурные оргазмы. С ней не только физическая связь, но еще и эмоциональная. Даже секс превращается из физического акта в духовное единение.

Блядь… Я превратился в какого-то сопливого Ромео.

Сжимаю ее тело крепко-крепко. Вхожу глубоко, до самого конца. Лиля протяжно

стонет. Она уже на грани. Я бы мог ещё, но хочу подарить ей долгожданное наслаждение. Ускоряю движения. Дыхание Лили становится более частым, более шумным. Закрываю ей рот ладонью, а то нас услышат даже на первом этаже. Ещё несколько резких толчков — и чувствую, как сокращаются мышцы ее влагалища. Следом и сам кончаю.

Это как прыжок с парашютом. Как полёт над пропастью. Крышу сносит. Тело на атомы разлетается.

Падаю на спину и глубоко дышу. Ощущение, будто в комнате весь кислород закончился. Лиля поворачивается ко мне, кладет голову на грудь и обнимает за пояс. Я тоже беру ее в кольцо своих рук. Так и лежим в обнимку. Просто молча, каждый думая о своём. Ни с кем мне не было так хорошо, как с Лилей. Ни с кем.

Минут через пять или больше Лиля отрывается от моей груди и нежно целует меня в щеку. В ее поцелуе нет ни капли пошлости или намёка на секс, но меня так сильно молнией прошибает. Лиля возвращает голову мне на грудь, поуютнее устраивается, крепче прижимается, а я так и остаюсь, словно пришибленный. Еще минут через десять по размеренному дыхание Лили понимаю, что она заснула.

Аккуратно снимаю ее с себя и накрываю сверху покрывалом. Наши вещи остались внизу, надо за ними сходить. Одеваюсь и спускаюсь на первый этаж. Свет горит, а никого нет. Беру в прихожей свой рюкзак и сумку Лили. Проходя мимо кухни, замечаю Вову. Притормаживаю. Хотя лучше бы пошёл дальше. Он наливает в стакан остатки виски и ставит на пол бутылку.

— О, Никитос, мой лучший друг! — тоже замечает меня. — Проходи, выпьем.

— Я не пью крепкий алкоголь, ты же знаешь.

— Ах да, у тебя же здоровый образ жизни. Ты ж наше светило футбола. Скажи, Ник, а почему русские не умеют играть в футбол? Опять на чемпионат мира не отобрались, — издаёт смешок.

— Вов, иди поспи.

Собираюсь уйти, но бывший одноклассник останавливает меня голосом.

— Ну ты куда? Подожди, — поднимается с места.

Впервые я вижу Вову таким пьяным. Он еле на ногах стоит.

— Вов, иди спать.

— А где Лиля? — спрашивает.

Ну кто бы сомневался, что он захочет поговорить о Лиле.

— Спит.

— В твоей кровати?

— Ну не в твоей же.

И хоть Лиля полностью и без остатка моя, а до сих пор меня бесит, что она ходила на свидания с Вовой. Просто до трясучки бесит. Кровь в венах закипает, когда представляю их свидания. Знаю, что там все было невинно, максимум за руки держались, но, блядь, сука, бесит. Была б моя воля, я бы запретил Вове приближаться к Лиле ближе, чем на километр.

— Я не ожидал от тебя такой подставы, Ник. Ты реально был моим лучшим другом, — произносит с укором.

— Что ты хочешь от меня услышать? — начинаю злиться. — Извинения? Их не будет.

— Просто скажи: почему именно Лиля?

— Потому что я ее хочу. Еще вопросы?

— Ты кроме как «хотеть», — делает акцент на этом слове. — Больше ни на что не

способен. Сегодня ты хочешь Лилю, завтра Машу, послезавтра Катю. Ты же каждый день хочешь новую девушку.

— Моя личная жизнь — не твое дело.

— И как тебе с Лилей? — не унимается.

— Охуенно! Как ни с кем!

— Слушай, а ты же не любишь девственниц! Тебе же только опытных подавай.

— А Лиля больше не девственница. Я очень быстро решил эту проблему.

Вова аж багровеет от злости. У меня тоже кулаки начинают сжиматься. Умом понимаю, что лучше уйти и не провоцировать скандал с пьяным человеком, но, блядь, не могу. Никогда бы не подумал, что лучший друг будет так меня бесить.

Хотя вопрос: а остается ли Вова до сих пор моим лучшим другом?

Скорее нет, чем да.

— Я сейчас скажу один раз и больше повторять не буду, — цежу сквозь плотно сжатую челюсть. — К Лиле на пушечный выстрел не приближайся, понял? Если я узнаю, что ты ей пишешь или звонишь, куда-то ее приглашаешь… Сука, не доводи меня до края.

Вова громко смеется пьяным смехом.

— Не буду. Я подожду, когда ты ее бросишь ради новой хотелки, и тогда Лиля сама ко мне придёт.

Желание уебать Вове с ноги растёт в геометрической прогрессии. Останавливает только то, что нахожусь в гостях в чужом доме и где-то тут спит младенец.

— Я тебя предупредил. Подойдёшь к Лиле — и я тебе все зубы выбью.

Ярость бушует в груди. Взбегаю вверх по ступенькам, захожу в комнату, бросаю наши сумки у двери. Лиля просыпается. Отрывает голову от подушки, приглядывается ко мне.

— Что-то случилось?

Сажусь на кровать и нависаю над Лилей.

— Ты общаешься с Вовой? — требовательно спрашиваю.

— Нет.

Лиля сонная, растрепанная. Не понимает, что происходит. Я тоже не понимаю, что со мной происходит. Но меня накрыло.

— Я запрещаю тебе с ним общаться. Вообще.

— Хорошо, не буду. Я и так не общаюсь с ним.

Ложусь на неё сверху, завожу руки вверх и смыкаю своей ладонью.

— Никит, давай спать?

Качаю головой.

— Мы не будем спать. Хочу тебя, — впиваюсь в ее рот.

Глава 33. Тренировки

Никита

Мой агент назначает мне встречу в ближайший понедельник. Это важно. Надеюсь, он расскажет мне побольше о моих потенциальных покупателях. Для себя я решил, что в Питер точно продаваться не буду. Не хочу переезжать в другой город. Слава говорил, что мною интересуется ещё один московский клуб. Это можно обсудить. Если клуб статусом выше моего, то почему бы и не продаться. Но если такого же уровня, то нет. Даже если больше денег предложат.

Ну и самое главное, о чем я и думать, мечтать боюсь, — немецкий клуб. Слава говорил, что помимо меня они смотрят ещё на Тимура Довлатова из моей команды и на несколько человек из других клубов. Вероятность того, что немцы выберут меня, близка к нулю. По крайней мере я запрещаю себе слишком сильно обольщаться. Чтоб потом не было больно разочаровываться.

А вообще все зависит от позиции руководства моего текущего клуба. Если они намерены избавиться от меня любой ценой, то, боюсь, придётся и в Питер ехать. Но если я ценен для них как игрок, надеюсь, все же смогу выбирать, где мне играть.

— Твой коктейль готов, — мама выливает из блендера в большой прозрачный стакан кашеобразную жидкость.

Делаю глоток и морщусь. Не люблю эту гадость. Но мне нужно ее пить. У меня специальное спортивное питание. Мама знает мою диету и готовит все, что мне необходимо. Поэтому я все ещё живу с родителями, хотя давным-давно могу купить себе собственную квартиру в центре Москвы. Зарплата главного нападающего хорошего московского клуба позволяет мне это.

— Слава не говорил, что хочет с тобой обсудить?

— Нет. Но я надеюсь, мы поговорим о клубах, которые хотят меня купить.

— А что ты сам об этом думаешь?

— В Питер не хочу. Московский клуб, смотря какой. В Германию однозначно хочу.

Мама согласно кивает.

— Очень надеюсь, что с Германией срастется.

— Лучше не обольщаться, — делаю ещё несколько глотков коктейля.

— После встречи со Славой ты поедешь в зал?

— Нет, мы с Лилей договорились встретиться.

Мама моментально меняется в лице.

— То есть, из-за свидания с Лилей ты пропустишь спортзал!? — ужасается.

— Пойду в другой день.

— Никита! — восклицает мама и упирает руки в бока. — Ты себя слышишь? Это не шутки. Ты не должен пропускать тренировки в спортзале!

— Я не пропускаю тренировку, а переношу ее на другой день. Все равно у меня ещё болит колено. Не смогу качать ноги.

Аргумент про колено не пронимает маму.

— Так я и знала, что ты будешь забивать на тренировки из-за Лили!

— Я не забиваю, — устало произношу и залпом допиваю коктейль.

— Но ты уже стал не серьезно относиться к своим обязанностям!

— Мам, у меня колено болит, — повышаю голос. — Я не смогу качать ноги.

— Значит, качай руки, качай пресс, подтягивайся. Тебе есть чем заняться в спортзале помимо ног.

Мама разошлась не на шутку. Кажется, сейчас из ее ноздрей повалит дым. Раскраснелась от негодования, тяжело дышит. Я бы с ней поругался и поставил ее на место в строгой форме, если бы в глубине души не понимал, что на самом деле родительница права. Мне действительно есть, что качать в зале помимо ног, а я пропускаю тренировку из-за Лили. У нее заканчиваются занятия в институте примерно тогда же, когда у меня закончится встреча с агентом. Мы договорились, что я за ней заеду, и мы проведём вместе остаток дня. Сегодня месяц, как мы встречаемся. Наша первая дата.

— Я пойду в зал после встречи с Лилей. Он круглосуточный.

— Это во сколько?

— Не знаю. Но скорее всего поздно. Часов в одиннадцать вечера, не раньше.

— А как же сон!? — взвизгивает. — Ты должен высыпаться!

Мне надоел этот разговор. Спрыгиваю с высокого стула, вешаю на плечо рюкзак и подхожу к родительнице.

— Мам, я обещаю тебе, что грамотно распределю свое время между Лилей и тренировками, — примирительно целую ее в щеку. — А если ты продолжишь выносить мне мозг, то я куплю квартиру и перееду.

Последние слова имеют волшебное действие. Мама сразу осекается. Самый большой страх моих родителей — что я от них съеду. Ну просто я единственный сын и им без меня грустно. Но это не относится к моему потенциальному переезду в другой город или страну для игры в футбол.

Глава 34. Агент

Никита

Слава уже ждёт меня в ресторане, когда я приезжаю. Жму ему руку и сажусь за стол напротив. Он одет в деловой костюм и сверкает дорогими часами на запястье. Слава — футбольный агент. Его работа заключается в том, чтобы договариваться о переходе футболистов из одного клуба в другой. Он ведёт переговоры с клубом-покупателем, клубом-продавцом и самим футболистом. В частности, Слава обсуждает все пункты нового контракта футболиста: на какой он будет срок, какая будет зарплата и так далее.

Купить футболиста — это когда какой-то клуб хочет получить к себе игрока, у которого есть действующий контракт с другим клубом. Вот как я. У меня с моим клубом контракт на три года. Я не могу просто так уйти раньше этого срока, также клуб не может просто так меня уволить. Если какой-то другой клуб очень хочет, чтобы я у него играл, то он должен заплатить моему нынешнему клубу определенную сумму за мой переход до окончания контракта. Это и есть покупка футболиста.

— Привет, — Слава протягивает мне руку.

Жму ее и сажусь напротив.

— Рад встрече. О чем ты хотел поговорить?

— О твоем будущем.

Звучит многообещающе и в то же время устрашающе.

— Слушаю.

— Ситуация следующая. На тебя есть несколько серьезных покупателей, но твой клуб не хочет тебя продавать. Так что все зависит от тебя: насколько сильно ты хочешь играть только за свой клуб и ни за какой другой? Решающее слово сейчас за тобой.

Отрадно слышать, что клуб не хочет меня продавать. Значит, и правда довольны моей игрой, несмотря на то, что тренер периодически кроет меня матом.

— Смотря кто хочет меня купить. В целом, меня устраивает мой клуб.

— Тебя очень хочет Питер. Они готовы предложить тебе много денег.

— Нет, — сразу отвергаю это предложение. — В России я буду играть только в Москве.

— Ты интересен московскому клубу.

— Какому?

— Спарте.

Задумываюсь. Хороший клуб. Лучше моего, но не на много. В общем и целом получится, что я меняю шило на мыло. Хотя если дадут много денег….

— Не знаю, — честно признаюсь. — Не вижу особого смысла туда переходить. А денег сколько?

— На двадцать процентов больше, чем у тебя сейчас.

— Нет, — сразу отказываюсь. — Двадцать процентов — это не та сумма, из-за которой я буду менять клуб. Неудобств больше, чем пользы.

— Тогда остается немецкий. Они выбирают между тобой, Довлатовым и игроком другого клуба. Сначала смотрели пять человек, сейчас выбирают между вами тремя.

Вау, да я попал в шорт-лист. И все равно запрещаю себе раскатывать губу. Хотя сердце забилось чаще.

— Ты можешь сказать, что за клуб?

Затаиваю дыхание в ожидании ответа.

— Клуб Мюнхена.

В крови происходит резкий выброс адреналина. Первые несколько секунд даже не верю своим ушам. В Мюнхене один из самых статусных европейских клубов. Несколько игроков этого клуба — это действующие чемпионы мира и чемпионы Европы. Оказаться с ними в одной команде — это уже счастье.

— Помимо того, что ты хорошо играешь, ты им интересен ещё потому, что тебе девятнадцать лет, — Слава продолжает, не замечая моей шоковой реакции. — Им нужен очень молодой игрок, которого они, так сказать, воспитают под себя и который отыграет у них не меньше десяти лет.

— Они предлагают контракт сразу на десять лет? — изумляюсь.

— Первый контракт будет на стандартные три года. Если по истечении этого времени все стороны останутся довольны, то второй контракт будет уже на больший срок. Они хотят вырастить свою собственную звезду. Ну, типа, как у Барселоны был Месси.

В потоке шокирующей информации у меня только один вопрос:

— А почему они рассматривают игрока из России? Ну, объективно, какой-нибудь бразилец, который пинает мяч во дворе своего дома, играет лучше меня и Довлатова вместе взятых.

— Вы дешевые по их меркам, — заявляет, не боясь обидеть. — Они не хотят много тратить, учитывая, что придётся выращивать игрока почти с нуля.

Я не обижаюсь на прямолинейность Славы. Ведь правда так и есть. Это у себя в России я главный нападающий статусного московского клуба и много стою по меркам своей страны. А для высококлассного европейского клуба я никто. Мой возможный переход в их клуб обойдётся им в сущую копейку.

— В общем, сейчас они пока только смотрят на вас. Но нет гарантии, что в итоге они выберут кого-то из вас троих. Вполне возможно, что и вправду захотят раскошелиться на какого-нибудь бразильца.

— Скорее всего, так и будет.

— И тем не менее я общаюсь с немцами по твоей кандидатуре. У тебя есть какие-нибудь особенные требования, которые хочешь прописать в контракте?

— Да. Я хочу, чтобы в контракте было прописано, что я главный нападающий основного состава. Мне не нужна Германия, если я буду там сидеть на скамейке запасных.

— Я им передам.

По итогу разговора со Славой я скорее всего останусь в своём клубе. В Питер я не поеду, другой московский клуб меня не заинтересовал, а немцы меня не выберут. Так что буду у себя, что очень даже не плохо, учитывая, что клуб мною доволен и не хочет меня продавать. Хотя в памяти ещё свежи слова тренера о том, что руководство клуба за мной пристально следит. А они не следят за игроками просто так. Они делают это, только когда на игрока есть определенные планы.

Когда сажусь в машину, от Лили приходит сообщение:

«У меня закончились занятия»

Тяжело вздыхаю. Сегодня месяц нашим отношениям. Мы собирались это отметить. По плану у нас кино, потом ресторан, а на ночь я снял номер в отеле с видом на Красную площадь. Но реальность такова, что из-за свидания с Лилей я забиваю на тренировку в спортзале. Один раз оно, может, и ничего, но если это станет системой, то я просто вылечу

из клуба, несмотря на то, что он не хочет меня подавать и у меня контракт ещё на несколько лет.

«Скоро буду»

Глава 35. Браслет

Лиля

— Привет, — говорю Никите, когда сажусь в его машину.

Сразу тянусь за поцелуем. С ума сойти. Мы вместе уже месяц. Самый счастливый месяц в моей жизни. Обвиваю Никиту за шею, льну к нему. Прижалась бы вплотную, да мешает коробка передач.

— Привет, — отвечает, прервавшись на глоток воздуха.

— Поздравляю с нашим днём.

— И я тебя, малыш.

Когда Никита отстраняется, мне одного взгляда на него хватает, чтобы понять: чем-то сильно загружен, если не омрачён. Нет на его лице привычной легкости. Задумчиво глядит перед собой, трёт подбородок.

— Все хорошо? — обеспокоенно спрашиваю.

— Да, все нормально.

— Ты какой-то не такой.

— Такой.

Замолкаю, больше вопросов не задаю. От ответа Никиты остался осадочек. Мой телефон в сумке издаёт звук входящего сообщения. Даже не хочу смотреть, потому что знаю, кто там: дебильный фан-клуб Никиты. Больные на голову поклонницы Свиридова обрушили на меня свой хейт. Мне пришлось закрыть комментарии во всех социальных сетях, потому что мне сыпались гадости под фотографиями. После того, как я закрыла комменты, фанатки не остановились: они стали писать оскорбления в личные сообщения. Наверное, придётся закрывать и их.

— Меня осаждает твой фан-клуб, — недовольно бурчу.

— Как осаждает?

— Пишут гадости под фотографиями и в личку.

— Не реагируй. У них не все в порядке с головой.

Сложно не реагировать, когда тебе пишут, что ты похожа на лошадь.

— Они обливают меня грязью.

— Не обращай внимания.

— Пишут, что я страшная.

— Ты красивая.

— Правда? — цепляюсь за это, как утопающий за соломинку.

— Да, — Никита кладёт ладонь мне на колено. — Самая красивая, самая сексуальная.

Он ведёт руку вверх и заходит мне под платье. По скользким капроновым колготкам направляется выше. Рвано выдыхаю, инстинктивно сжимаю бедра.

— Никит, не отвлекайся от дороги.

— А я от дороги не отвлекаюсь.

И это чистая правда. Неотрывно глядит в лобовое, второй рукой крутит руль.

— Никита, в аварию попадём, — силой убираю его ладонь.

Рычит, а я смеюсь. В кино Никита покупает билеты в вип-зал, и мы оказываемся там совершенно одни! Не ходят люди в два часа дня в кино в вип-залы. Пока я пытаюсь сконцентрироваться на фильме, Никита всячески меня искушает. То опять засовывает руки

мне под платье, то целует шею, то гладит грудь, то кусает мочку уха. Его тяжелое горячее дыхание разгоняет мурашки по коже. Я держусь из последних сил. Только правила приличия, на которые Никите совершенно наплевать, не позволяют мне дать ему зелёный свет.

Я не буду заниматься сексом в кинотеатре! Я не такая!

— Отстань, — шиплю, когда Никита в очередной раз пытается пробраться к моим трусикам.

— Так сильно хочу тебя.

— Потерпи.

— Скучный фильм, давай уйдём отсюда?

— Ты даже не смотришь на экран, откуда ты знаешь, что он скучный?

— Ты интереснее.

Отрадно слышать. Мне все же удаётся отстоять свою честь. Все-таки не до конца я теряю голову в присутствии Никиты.

После кино мы едем в ресторан. У нас столик на двоих в красивом уютном месте с панорамными окнами. Никита садится не на стул напротив, а рядом со мной на диван. Снова обнимает меня и целует. Я пьяна от счастья. Разве могла моя мечта о Никите сбыться? Я не верила, что это реально.

— У меня для тебя кое-что есть.

Удивленно смотрю на Никиту. Он тянется к рюкзаку и достаёт из него маленькую коробочку в красивой бумаге.

— Что это?

— Открой.

Мы с Никитой не договаривались дарить друг другу подарки. Я ему ничего не приготовила. Кручу коробочку несколько раз, а потом с волнением открываю. Под красной бумагой скрывается такая же красная бархатная шкатулка. Неуверенно гляжу на Никиту.

— Открывай, — поторапливает меня.

Мне и любопытно, и страшно. Поднимаю крышку вверх.

— Ого, — выдыхаю.

Это золотой браслет с цветками в виде лилий. А на каждом цветке по одной букве, образующей надпись: «С тобой, как ни с кем».

Не могу поверить своим глазам. Хлопаю ресницами изумленно. Слезы счастья встают комом в горле, пытаюсь его сглотнуть.

— Никита… — выдыхаю.

Беру браслет в руки, рассматриваю эту красоту ближе.

— Нравится?

Быстро-быстро киваю.

— Поможешь мне надеть?

Никита застегивает браслет на моем запястье. Любуюсь им.

— Мне очень нравится, — шепчу.

Он довольно улыбается, как Чеширский кот. Целую Никиту в губы, крепко обнимаю и чуть ли не висну на нем.

— Поехали уже отсюда, а? — нетерпеливо спрашивает.

— Поехали, — соглашаюсь.

Сделаю Никите подарок в постели.

— Ты не обидишься, если я попозже оставлю тебя и потренируюсь в зале? А потом вернусь в отель. Но поздно, — говорит, когда мы садимся в машину.

На секунду напрягаюсь.

— Э, ну ладно.

— Я где-то в девять уеду.

Смотрю на часы. Сейчас шесть.

— А вернёшься во сколько?

— После двенадцати.

— Три часа будешь тренироваться?

— Ну, пока доеду до дома за вещами, потом пока доеду до зала, потом пока вернусь в отель…

— Ну ладно, — соглашаюсь, маскируя свое недовольство.

А какие у меня варианты? Разве я могу потребовать от Никиты, чтобы он не ехал в зал? Хотя осадочек все равно остаётся. Мы договаривались провести вместе весь день, а в итоге Никита оставит меня одну минимум на три часа.

Опускаю взгляд на браслет на руке. Пятнадцать лилий и пятнадцать букв:

«С тобой, как ни с кем»

Улыбаюсь. Ну подумаешь, уедет всего на три часа. Зато всю ночь проведём вместе.

Глава 36. Сказка

Лиля

Один день на календаре сменяет другой. У меня ощущение, что я живу в сказке. Мы с Никитой вместе, у нас все хорошо. Видимся каждый день. Если он сильно устаёт после тренировок, то наши свидания короткие. Но хоть на пятнадцать минут, да встретимся.

Уже все знают, что я девушка футболиста Никиты Свиридова. Он давал интервью спортивной газете, и в конце журналисты традиционно задали вопрос про личную жизнь. Никита ответил:

— Да, у меня есть девушка. Ее зовут Лилия. Мы очень давно знакомы, но встречаться начали недавно. У нас все хорошо, мы счастливы.

После заявления Никиты моя жизнь переворачивается с ног на голову. Меня и раньше в соцсетях осаждали незнакомые люди, а теперь это какой-то неконтролируемый поток хейта и неадеквата. Господи, я и подумать не могла, что вокруг нас так много больных неуравновешенных людей! Меня как только не полощут. Приписывают мне то, чего нет и никогда не было.

«Да видно же, что у нее губы накаченные»

«Грудь у нее не натуральная. Силикон»

«У нее зубы, как у хорька»

«Из-за тонны автозагара она похожа на негра»

«Что Свиридов в ней нашел? Она же страшная»

И все в таком духе. Никита запрещает мне это читать, а я не могу остановиться. Контекстная реклама в интернете постоянно подсовывает мне желтые публикации про нас с Никитой. А под этими желтыми публикациями есть комментарии, где люди не стесняются в выражениях в мой адрес.

Это не то чтобы бьет по самооценке, но конкретно портит настроение. Порой до слез. Люди недоумевают, что такой красивый перспективный футболист нашел во мне — замухрышке ни о чем. Я держусь только на том, что Никита каждый день говорит, какая я красивая и сексуальная. Я вижу, как его тянет ко мне, как он меня хочет. Только желание в его глазах не дает мне провалиться в бездну самокопания и выискивания у себя изъянов.

Из них всех Никита выбрал именно меня. Я для него самая красивая. Он меня хочет. Меня, а не их.

Повторяю это себе каждый день, как мантру.

В институте тоже стали на меня косо поглядывать и перешептываться за спиной. Есть такие, кто теперь хочет специально со мной подружиться. Так смешно. То не замечали меня в упор, даже не здоровались, а теперь набиваются в друзья.

Я хожу на каждый матч Никиты. Если они проходят в других городах, то еду с ним. Сидя на трибунах, искренне болею за возлюбленного, радуюсь его голам, как своим собственным победам. Никита почти в каждом матче забивает. Нередко ему приходится бить пенальти. Зная, что это для него самое сложное и ненавистное, мысленно читаю молитву.

Я не единственная, кто не пропускает ни одной игры Никиты. Глава его фан-клуба Юля тоже таскается по другим городам. Как и велел Свиридов, я игнорирую дурочку, хотя это невероятно сложно. Она постоянно на меня пялится. Не удивлюсь, если мысленно шлёт мне

проклятья. Я окончательно убеждаюсь, что у фанатки не все в порядке с головой, а то и вовсе психические отклонения. Это не нормально — настолько сходить с ума по незнакомому человеку.

Я люблю Никиту с детства, но я его знала, общалась с ним, дружила. А Юля сс Свиридовым и словом не обмолвилась ни разу. При этом на каждой его игре сидит с плакатами, на которых написаны признания в любви. У меня даже не получается к ней ревновать, потому что я понимаю: она нездорова ментально.

Но любопытно, откуда у этой девчонки деньги и время летать повсюду за Никитой. Вряд ли она работает. С работы бы ее так часто не отпускали. Скорее всего, учится, но тогда откуда деньги на недешевые авиабилеты и гостиницы?

Ещё один человек, который мне кажется нездоровым ментально, — это мама Никиты. Я не узнаю тетю Женю. Неужели та добрая ласковая женщина, которую я знала всю свою жизнь, способна быть такой мегерой? Нет, она не озвучивает недовольство нашими с Никитой отношениями вслух, но я кожей чувствую, как она меня презирает.

Это просто не укладывается в голове! Почему? За что?

При каждом удобном случае тетя Женя подчеркивает: футбол очень важен для Никиты. Как будто я этого не знаю! Она неустанно повторяет, что Никита должен быть максимально сконцентрирован на матчах, что первым делом тренировки, а потом все остальное. Ещё постоянно капает на мозги, что присутствие знакомых и близких на играх мешает Никите концентрироваться. Вот тут, мне кажется, она просто завидует, что мне Никита разрешает приходить на его матчи, а ей нет.

Я терплю. Не спорю с тетей Женей, не грублю, стараюсь быть максимально вежливой, как раньше. Все-таки какой бы она ни была, а это мать моего любимого парня. Я не хочу намеренно портить с ней отношения и вступать в открытый конфликт. Даже Никите не рассказываю о том, что его мать реально думает про наш союз.

Неожиданным для меня становится желание Никиты купить квартиру и съехать от родителей.

Глава 37. Квартира

Лиля

Откровенно говоря, меня это пугает. Получается, мы с Никитой больше не будем видеться каждый день? Сейчас даже если он сильно устаёт на тренировках, мы все равно вечером встречаемся не на долго. Гуляем возле дома или сидим у него в машине. Я уже не представляю своего дня без встречи с Никитой.

— Почему ты решил съехать от родителей? — спрашиваю, не скрывая недовольства.

Сегодня как раз тот день, когда Никите некогда идти со мной на полноценное свидание, поэтому в половине двенадцатого ночи мы просто сидим на заднем сиденье его машины, припаркованной у нас во дворе.

— Потому что у меня на счету накопилось много денег, надо на что-нибудь их потратить.

Странный ответ.

— Ну окей, вложи в недвижимость, но зачем переезжать?

— Ну раз уж я куплю квартиру, то надо в ней жить.

Все равно не понимаю. Никита будто читает недовольство по моему лицу.

— Лиль, ну согласись, странно, что я до сих пор живу с родителями, когда столько зарабатываю.

Зарабатывает Никита и правда очень много. Невообразимо много. У футболистов огромные зарплаты. И все же я не понимаю.

— Не вижу ничего странного в том, чтобы жить с родителями.

Никита смеется. Забрасывает руку мне на плечи и притягивает к себе.

— Малыш, ну ты чего злишься? — тихо спрашивает на ухо и целует в висок.

— Потому что мы перестанем видеться каждый день, — честно озвучиваю то, что меня беспокоит.

— Зато ты иногда сможешь оставаться у меня.

Застываю, не дыша. Об этом я не подумала. А ведь и вправду я смогу оставаться у Никиты на ночь. Не знаю, как Никите, но лично мне катастрофически мало совместных ночей. Я обожаю засыпать и просыпаться в его руках, обожаю чувствовать его дыхание на своих волосах, обожаю наш страстный секс ночью и наш сонный ленивый секс утром, когда звенит будильник.

Сейчас мы спим вместе только в отелях, когда у Никиты матчи в других городах или когда у нас полноценные свидания в Москве. И первое, и второе не так часто, как хотелось бы.

— А ты уже присмотрел квартиру? — воодушевлённо спрашиваю. — В каком районе?

— Риелтор прислал несколько вариантов. По фотографиям мне понравилась одна в центре. Там три комнаты и огромные окна.

— Покажешь фотографии?

Никита лезет в карман за телефоном. Выбирает в почте письмо от риелтора и кликает на ссылку под номер два. Открывается сайт по аренде и продаже недвижимости.

— Вот, смотри.

Беру в руки его телефон и начинаю листать галерею. По фото понятно, что квартира находится в одном из старых домов центра Москвы. Очень высокие потолки и

действительно большие окна. Стены просто белые, ламинат светлый. Квартира кажется очень светлой и просторной.

А хотя не только кажется. Закрываю галерею и смотрю описание объекта. 150 квадратных метров.

— Большая, — заключаю.

— Там кухня с гостиной совмещены и две отдельные комнаты.

— Зачем тебе такая огромная квартира?

— Играть в футбол.

Смеёмся. Я расслабляюсь и воодушевляюсь. Ведь и правда будет здорово, если Никита перестанет жить с родителями. Мне больше не придётся видеться с его матерью.

Никита начинает сделку по покупке квартиры. Она проходит очень быстро. Свиридов решает не делать ремонт, поскольку квартира в идеальном состоянии. Только заказывает в неё новую мебель. Я жду, что Никита привлечёт меня к выбору, но он почему-то этого не делает. Сам общается с дизайнером и ездит по мебельным магазинам.

— Не возьмёшь меня с собой смотреть кухни? — спрашиваю в лоб, так и не дождавшись от Никиты приглашения. До этого он сам купил холодильник, телевизор, стиральную машину, два дивана, кровать, заказал двери, новые полки в гардероб и даже занавески со шторами.

— Да ну, что тебе там делать. Я быстро. Дизайнер подготовила проект кухни, мне только оплатить и оформить доставку со сборкой.

От злости стискиваю телефон.

— Ты не показывал проект кухни, — вырывается с укором.

И не только проект кухни. Все остальное тоже не показывал.

— Увидишь ее, когда поставят.

— Хорошо, мы встретимся сегодня? — перевожу тему.

— Да, я буду дома где-то в десять.

Понятно. Значит, снова будем сидеть в машине.

Мне до слез обидно, что Никита не привлекает меня к обустройству квартиры. Я ведь его девушка! У нас серьёзные отношения и любовь!

Любовь же?

Стараюсь держать себя в руках и не показывать Никите своей обиды. Это сложно. Претензии так и кипят во мне. Не знаю, каким чудом мне удаётся дотерпеть, пока он не закончит обустройство. Сразу, как только Никите привозят последний светильник, он приглашает меня к себе. Радует только то, что я первый человек, который переступает порог его квартиры. Даже тетя Женя тут ещё не была.

— Очень красиво, — искренне хвалю.

Дизайн в шведском минималистическом стиле. За счёт того, что вся мебель светлого цвета, квартира кажется ещё больше. Может, и правда моя помощь была не нужна, раз дизайнер все сделал и сказал, где купить.

— Отметим? — Никита достаёт из большого холодильника стального цвета бутылку вина и фрукты. Ставит их на кухонный остров, потом берет из шкафчика два бокала. Открывает вино и разливает.

— С новосельем! — торжественно произношу.

Мы чокаемся и делаем по глотку. Никита ставит бокал и подходит вплотную ко мне. Счастливо улыбаясь, обвиваю его шею.

— Я скучала, — признаюсь. С этими квартирными делами мы стали видеться не каждый день.

— И я, — медленно ведёт дорожку из поцелуев по моей шее.

Тонкая кожа моментально мурашками покрывается. Тело простреливает молнией желания.

— А тебе понравилось джакузи? — спрашивает.

Улыбаюсь и запрокидываю назад голову, давая Никите больше пространства для поцелуев.

— Понравилось.

— Надо проверить, как работает.

— Пойдем проверим.

Проверено: джакузи работает отлично.

Этой ночью мы не только работу джакузи проверяем. Мы так соскучились друг по другу, что занимаемся любовью в каждой из комнат и даже на кухне. Я моментально забываю, что обижалась на Никиту и переживала из-за того, что он съезжает от родителей. Если я теперь постоянно буду у Никиты, то так даже лучше.

А может, он и вовсе предложит мне к нему переехать?

По телу волна дрожи проходит от этой мысли. С одной стороны, я запрещаю себе об этом думать, а с другой, не могу перестать мечтать. Нет, ну а что? Вот я остаюсь сейчас у Никиты пару раз в неделю. Почему бы уже тогда и не жить?

Вот только он даже не предлагает мне оставить свои вещи. Каждый раз я беру с собой маленькую сумку со сменной одеждой и косметикой. Это неудобно, особенно если на следующий день мне надо в институт. Однажды я решаю намеренно оставить в ванной у зеркала косметичку и иду в прихожую одеваться, так Никита сразу мне ее выносит.

— Ты забыла, — кладёт на пуфик рядом с моей сумкой и достаёт из шкафа свою куртку.

Стискиваю зубы.

— Что-то не так? — замечает злость на моем лице. — Лиль, одевайся быстрее, у меня через час тренировка, а мне ещё тебя в институт везти.

— Я ее не забыла, а оставила специально.

Хотела бы я сказать это с меньшей претензией в голосе, да не получилось.

— Зачем? — удивляется

— За тем, что мне неудобно постоянно таскать к тебе сумку вещей. Я бы хотела оставить некоторые из них у тебя, чтобы не возить туда-сюда.

Никита выглядит опешившим.

— Ну, лучше не надо, — говорит после паузы в несколько секунд. — Мне будет неудобно все время спотыкаться о твои вещи.

Теперь я опешила. Смотрю на него, хлопая ресницами и не находя слов.

— У меня же тут стиль — шведский минимализм, — добавляет. — Не хочу, чтобы было много вещей, особенно не моих.

Слова Никиты очень больно возвращают меня с небес на землю.

— То есть, так будет всегда? — спрашиваю севшим из-за кома в горле голосом.

— Как?

— Я буду только оставаться пару раз в неделю и все?

— Ты хочешь оставаться чаще? Это сложно, потому что в некоторые дни я очень поздно возвращаюсь с тренировок. А ведь ещё нужно заезжать за тобой.

— Ты мог бы дать мне ключи. Я бы сама приезжала и ждала тебя с тренировок.

Снова возникает пауза. Никита так шокирован моими словами, как будто я рассказала, что воочию видела инопланетян.

— Я буду нервничать, зная, что ты меня ждёшь. Так что лучше не надо.

Я бы сказала Никите, что ему не следует нервничать, потому что я умею его ждать, как никто другой. Я ждала его всю свою сознательную жизнь, так что подождать вечером несколько часов — для меня сущая ерунда. Но не говорю. Потому что понимаю: Никита не хочет со мной жить. Никита не хочет переводить наши отношения на новый уровень.

Глава 38. Люблю тебя

Лиля

Хорошо подумав, я успокаиваюсь и совсем не обижаюсь на Никиту. Надо признать: я тороплю события. Мы всего пару месяцев вместе, а я уже хочу ключи от его квартиры. Объективно — это рано. У меня есть подруги, которые перед тем, как съехаться со своими парнями, встречались год, а то и больше. Но меня начинает мучить другой вопрос.

А что Никита ко мне чувствует?

То, что я ему нравлюсь как девушка и он меня хочет, это понятно. Он по десять раз на дню говорит: «Хочу тебя, хочу тебя». А другие чувства помимо сексуального влечения у Никиты ко мне есть? Иными словами: он любит меня?

Я не признаюсь Никите в любви, потому что жду этого от него. Пускай это глупо, инфантильно, эгоистично, но я хочу, чтобы Никита первым сказал три заветных слова. Но он не говорит. Более того — Никита даже не называет меня «любимой».

После этих мыслей у меня начинается новая паника. У Никиты нет ко мне таких же глубоких и сильных чувств, как у меня к нему? Никита только хочет меня в сексуальном плане и все? То есть, если я вдруг перестану быть сексуальной, мы расстанемся? Ну, например, я поправлюсь или у меня появятся морщины.

Как могу, стараюсь не накручивать себя. Никита со мной, он мой. Что я так бешусь, в самом деле? Всему свое время. И в любви признается, и жить вместе предложит. Просто Никита очень медлительный. Он только по футбольному полю бегает быстро, а все остальное делает не торопясь. Ему потребовалось пятнадцать лет, чтобы переквалифицировать меня из разряда друзей в разряд девушек. Ещё через пятнадцать лет признается в любви. Ничего страшного, я подожду. Мне не привыкать ждать Никиту.

Как это ни странно, а росту моей уверенности в себе способствуют фанатки Свиридова. Они так бесятся, что я присутствую на каждом матче Никиты и что спортивные СМИ регулярно пишут про нашу пару. Фанатки даже перешли на новый уровень ненависти ко мне: от оскорблений к угрозам.

«Волосы тебе повыдираю»

«Отвали от него, тварь, пока я тебе лицо не расцарапала»

«Смотри внимательнее по сторонам, когда ходишь поздно вечером на улице»

Ну и в таком духе. Это было бы страшно, если бы не было так смешно. Лучшее доказательство, что Никите нужна только я, — это вот такие сообщения от его сумасшедшего фан-клуба. Никите ведь они тоже пишут. Только не угрозы, а признания в любви. Он даже не открывает их сообщения.

Декабрь. У Никиты предпоследний матч в этом сезоне. Я, конечно же, на трибунах. Кутаюсь в пуховик, натягиваю посильнее на уши шапку. Холодно. Фан-клуб во главе с пергидрольной Юлей разместился на пять рядов выше меня. Перед тем, как футболисты выходят на поле, я успеваю услышать в своей адрес «лошадь», «швабра», «страшная», «негритоска».

На негритоске не выдерживаю и, не оборачиваясь, показываю им фак. Просто поднимаю руку высоко над головой и выставляю средний палец. Увидели. На несколько секунд затихают, а потом начинают галдеть неразборчиво. Фан-клуб Никиты увеличился в численном количестве, их теперь очень много. Но возглавляет сборище сумасшедших по-

прежнему Юля.

Почему я вообще помню ее имя?

Как только начинается игра, забываю про дурочек. Мое внимание приковано к Никите. Он отлично владеет мячом, пробивается к воротам соперника, но забить гол пока не получается. Где-то в середине первого тайма замечаю странную вещь. Мне и раньше казалось, но сейчас прям отчетливо видно. Никитин товарищ по команде Тимур Довлатов как будто бы конкурирует не только с соперниками, но и с Никитой. То выбьет у него мяч, когда Никита приблизится к воротам противников, то не передаст пас, когда есть такая возможность.

Очень странное поведение на поле.

Причём, со стороны Никиты такого нет. Как раз-таки Никита без проблем пасует Довлатову, когда тот ближе к воротам противника. Вот только у него все равно не получается забить. Видно, что Тимур сильно нервничает из-за этого. Никита неоднократно рассказывал, что у них в команде нет дружбы между друг другом. Но тем не менее они команда, на поле у них общая цель — победить. А Довлатов ведёт себя так, словно он играет не за команду, а сам за себя.

Окончательно я убеждаюсь в этом, когда в добавочное время первого тайма Никита забивает гол. Все радуются и поздравляют Никиту, кроме Довлатова. Тот вообще с кислой миной, как будто проглотил лимон.

Пока пятнадцатиминутный перерыв, иду за кофе. Уж слишком холодно. Отстояв очередь, заказываю американо. Беру бумажный стаканчик и направляюсь к столикам. Почти дохожу, как вдруг меня кто-то толкает. Стаканчик выпадает из рук, и кофе проливается прямо на мой новый пуховик ванильно-молочного цвета.

— Упс, какая досада, — звучит над ухом. Это одна из Никитиных поклонниц. — Прошу извинить, я случайно.

По ее мерзкой физиономии понятно, что она не случайно, а специально. Ещё и лыбится противно. У меня срывает стоп-кран.

— Во совсем уже охренели? — зло рычу. — У вас с башкой все в порядке? Что вы прицепились ко мне? Вам всем сколько лет вообще? Такое ощущение, что десять. Посмотрите со стороны, как вы себя ведёте!

— Это ты посмотри на себя со стороны, — продолжает лыбиться. — Лицо, как у лошади. Зубы, как у хорька.

— Вам всем в психушку надо. Больные.

Чтобы не продолжать больше разговор, устремляюсь к туалетам. Хотя в груди бушует ярость, я бы много чего могла ей сказать, да вот только эта дура не стоит моего времени. Отмыть пуховик, конечно же, не получается. Только зря намочила его. С огромным мокрым пятном возвращаться на трибуны нельзя, потому что оно покроется льдом, и я точно заболею. Вызываю такси и еду домой.

Настроение испорчено. Даже глаза мокнут, но я запрещаю себе плакать. Отношу пуховик в химчистку и жду Никиту. Он должен заехать за мной вечером после матча, чтобы мы отправились к нему.

— Мне показалось, или ты ушла после первого тайма? — сразу спрашивает, как только я сажусь в машину. — Искал тебя глазами после перерыва и не нашёл.

— Да, я ушла, — недовольно бурчу.

— Почему? — удивляется.

— Потому что одна из твоих больных поклонниц толкнула меня, и я разлила на себя кофе. Никита, мне это надоело! — рявкаю. — Что они ко мне прицепились? Что им всем от меня надо?

Пожалуй, я передумала по поводу того, что фан-клуб Никиты повышает мою уверенность в себе. Они уже достали. Реально достали. Чокнутые.

Никита тяжело вздыхает, перестраиваясь в левый ряд.

— Лиль, я не знаю. У этих девушек не все в порядке с головой. Но такая ситуация не только у нас с тобой. Почти у всех моих товарищей по команде есть фан-клуб, который пишет гадости их девушкам и жёнам. С этим ничего не сделаешь. Ну разве что закрыть все свои соцсети.

— Я уже закрыла, они каким-то образом прознали мой номер телефона и пишут смс. Но менять номер я не могу.

— Понимаю. Единственное, что можно сделать, это не обращать внимания.

Легко сказать!

Я знаю, почему фанатки, как с цепи сорвались. За последнее время Никита выложил в свои соцсети несколько наших совместных фотографий. На первой он меня обнимает, на второй целует в щеку, а на третьей я сижу у него на коленях, и мы целуемся в губы. Эту фотографию сделала Соня, когда мы недавно встречались в баре с ней и ее мужем.

Мне, безусловно, приятно, что Никита выкладывает наши совместные фото, но для его фан-клуба это как красная тряпка для быка.

По дороге к Никите мы заезжаем в ресторан. Он берет заказ на дом и покупает бутылку вина. Их команда обыграла соперников со счётом один-ноль. Единственный гол забил Никита. Он рад, что его команда хорошо заканчивает сезон, а вот у меня настроение испорчено.

Никита включает электрический камин и легкую музыку, разливает вино по бокалам. Я сижу на мягком ковре, поджав под себя ноги, и смотрю на огонь.

— Малыш, ну хватит, — обнимает меня и целует в волосы. — Эти дуры недостойны твоего внимания.

— Мне это надоело. Сколько можно?

— Ну хочешь, я напишу им какое-нибудь обращение? Типа «отстаньте от моей девушки».

— Да, хочу.

— Хорошо. Прямо сейчас сделаю.

Никита достаёт телефон, открывает соцсеть, прикрепляет нашу новую фотографию и пишет поклонникам большое обращение, суть которого — «Оставьте в покое мою девушку». Не думаю, что это сильно поможет. Скорее, ещё больше разозлит их, как те фотографии, но мне приятно, что Никита публично обращается к ним из-за меня.

Настроение немного улучшается. Футболист Никита Свиридов — мой. Он выбрал меня Не их, а меня.

— Мне показалось, или у тебя конфликт с Довлатовым? — задаю интересующий вопрос, когда Никита нажимает кнопку «опубликовать» и откладывает телефон в сторону.

Он ухмыляется.

— Ну, у меня с ним нет конфликта, а вот у него со мной, похоже, есть.

— Почему?

— Банальная конкуренция.

— Раньше вроде не было.

Никита пожимает плечами.

— Не знаю, Лиль. Это его заморочки.

Не очень понимаю. Никита не развивает тему, из чего я делаю вывод, что не хочет рассказывать. Свиридов вообще не любит посвящать меня в свои футбольные дела. В глубине души мне обидно. Как будто не доверяет. Порой я узнаю новости о Никите из спортивных СМИ. Например, недавно прочитала, что Никитой интересуется немецкий клуб Когда спросила, он отмахнулся и сказал, что это слухи и не будет немецкий клуб покупать русского футболиста.

Я хоть и желаю Никите хорошей карьеры, но, признаться честно, не хочу, чтобы его покупал другой клуб и он куда-то уезжал. Как мы тогда будем встречаться? На расстоянии? Я не выдержу разлуки и умру.

— Я так соскучился по тебе, иди ко мне, — Никита откладывает бокал в сторону и привлекает меня к себе.

— И я соскучилась, — шепчу.

— Хочу тебя.

Вот опять «хочу тебя». Как будто ничего другого, кроме «хочу», не испытывает ко мне.

Хватит, Лиля, успокойся, отказываю сама себе. Нужно расслабиться и наслаждаться, а не выискивать проблемы там, где их нет.

С этой мыслью обнимаю Никиту за шею и отвечаю на поцелуй. Ник ласкает мои губы нежно, медленно водит ладонями по телу. Я обмякаю в его руках, все неприятности отходят на десятый план. Никита тянет вверх мою водолазку. Я снимаю с него джемпер. Потом в сторону летят джинсы. Он укладывает меня на мягкий пушистый ковёр и ложится сверху.

Мой телефон на журнальном столике подряд издаёт звуки входящих сообщений. Наверное, это больные психопатки пишут очередные гадости после публикации Никиты. Пусть пишут, что хотят. Никита мой. Вон как жадно и страстно меня целует.

Избавившись от последнего элемента одежды — трусов — Никита входит в меня резким толчком. Одновременно стонем друг другу в губы. Занимаемся любовью не спеша. Наслаждаемся каждым мгновением. Я вожу пальцами по его сильной спине, по волосам на затылке. Никита целует мою шею, грудь. Потом он переворачивается, и я оказываюсь сверху. Поддерживает меня за талию, пока я двигаюсь. Я склоняюсь к нему и целую, не сбавляя темпа. Меня столько чувств сейчас переполняет. Невозможно описать словами. Но я однозначно самая счастливая девушка на планете.

— Никит… — тихо зову.

— М?

Хочу что-нибудь сказать, а столько мыслей в голове, что невозможно их выразить.

— Что такое, малыш? — выдыхает со стоном.

Я люблю тебя, говорю мысленно. Люблю. Бесконечно, необъятно. Люблю больше всего на свете. Даже больше, чем саму себя. Мечтаю всегда быть твоей и чтобы ты всегда был моим. Замуж за тебя хочу. Детей от тебя хочу. Ты — вся моя жизнь. Только ты.

— Ты хотела что-то сказать? — спрашивает и снова переворачивает меня на спину.

Отрицательно качаю головой, а сама мысленно произношу: «Я люблю тебя».

— Хочу тебя, Лиль. Так сильно хочу…

Глава 39. Зависимость

Никита

В офисе у своего агента Славы я был всего лишь раз — когда подписывал с ним договор о том, что он будет представлять мои интересы. И вот я снова здесь. Задумчиво гляжу, как над кружкой кофе поднимается пар. Слава сидит по правую руку от меня.

А напротив нас — немцы.

Их трое. Генеральный директор клуба, его заместитель и главный тренер. Мы будем обсуждать условия моего потенциального контракта. Происходящее все ещё кажется мне сном. Ощущение, что сейчас зазвенит будильник, и я встану на тренировку. Но будильник не звенит. Зато немцы называют зарплату, которую готовы мне платить.

Сумма звучит, как что-то заоблачное. Я бы присвистнул, если бы это было уместно. В России никогда в жизни ни в одном клубе не будут мне столько платить. Здесь просто нет таких денег. А ведь это сумма, которую мне предлагают только в самом начале. Потом, через несколько лет, если и меня, и их все будет устраивать, моя зарплата вырастет. С ума сойти.

Но для меня, конечно, дело не в деньгах. Я готов играть в Германии бесплатно. Просто потому, что там другой уровень футбола, там конкурируют с другого уровня клубами. Не то что тут у нас. Соревнуемся друг с другом, да кое с кем из стран СНГ. На большее сил не хватает. Выступая за немецкий клуб, я буду играть против испанцев, итальянцев, французов, англичан. Я и мечтать о таком не мог, когда, будучи сопливым ребенком, ходил в футбольную школу и пинал мяч во дворе дома.

Кроме денег для меня в контракте с немцами больше ничего привлекательного нет. Играют на том, что они — знаменитый европейский клуб, а я так, какой-то ноунейм из России, подающий надежды. Я не обижаюсь, ведь это так и есть. Я не в том положении, чтобы диктовать условия крутым клубам. Ближайшие несколько лет они будут диктовать условия мне.

— У меня только один принципиальный момент, — говорю по-английски. — Я хочу, чтобы в контракте было прописано, что я главный нападающий основного состава. Скамейка запасных меня не устроит.

— Да-да, мы ищем нападающего в основной состав, — говорит их гендиректор.

— Я хочу, чтобы это было написано в контракте.

— У нас уже есть запасной нападающий. Зачем нам покупать второго?

Хитрый жук.

— Отлично. Значит, не будет проблемы прописать это в контракте, верно?

По их лицам вижу, что не хотят включать в контракт такой пункт.

— Это мое единственное условие. Со всем остальным я согласен.

Все равно мнутся.

— Мы подумаем. Окончательное решение по вам будет принято после финального матча вашей команды в этом сезоне.

Финальный матч 18 декабря. Он ознаменует окончание сезона, и все российские клубы уйдут на каникулы до первого марта. А первого января откроется зимнее трансферное окно, когда клубы будут продавать и покупать игроков. Оно закроется 28 февраля, чтобы с первого марта все начали сезон в обновлённом составе.

Жму немцам руки и выхожу из офиса Славы. Замечаю, как на углу паркуется автомобиль Довлатова. После меня с ним разговаривать будут. У них два кандидата осталось: я и Тимур. Даже не верится, что я приблизился к мечте всей своей жизни настолько близко.

Сажусь в машину, провожаю спину Тимура, задумчиво барабаню пальцами по рулю. Довлатов как с катушек слетел. Видит теперь во мне врага номер один. На поле соперничает не только с противниками, но и со мной. Дурак. В командной игре главное — общая цель, а личные амбиции должны быть на втором плане.

«У меня закончились занятия», приходит сообщение от Лили.

Самое время подумать, что делать с Лилей, если немцы и вправду меня купят. Раньше я об этом не думал, потому что не верил в их серьёзный интерес ко мне. А теперь… С ума сойти. До моей мечты остался один шаг. Они примут решение, я или Довлатов, после финального матча этого сезона.

Какие у меня шансы против Тимура? Да хрен его знает. Он тоже хорошо играет. Может, даже лучше меня. Единственное мое преимущество — что я уже сейчас главный нападающий, а он нет. Но очень хочет им стать.

«Скоро буду», печатаю.

При мыслях о Лиле улыбаюсь. Мне хорошо с ней. Ни разу не пожалел, что предложил ей встречаться. Секс у нас космический. Другие девушки напрочь перестали меня интересовать. Хочу только Лилю.

Но что делать, если уеду в Германию?

Встречаться на расстоянии? По-моему, это бред. Не очень представляю, как это. Я там, она тут. У меня вряд ли будет получаться часто приезжать, в лучшем случае раз в пару месяцев на выходные. Возможно, Лиля сможет летать ко мне чаще, но… Не знаю. Мне кажется, такие отношения — это только нервы трепать себе и партнеру. А мне не до нервотрепок будет. Мне надо будет сконцентрироваться на работе и ни на что не отвлекаться.

Есть ещё вариант позвать Лилю с собой. Но тогда нам придётся жить вместе, как семья, и тут встает другой вопрос:

А я хочу с Лилей семью? Я вообще в принципе хоть с кем-нибудь хочу семью?

И вот на эти вопросы ответы скорее отрицательные, чем положительные. Я не хочу обзаводиться сейчас семьей. Жить вместе, вести общий быт, ходить вдвоём в супермаркет за молоком, хлебом и туалетной бумагой, спорить, чья очередь мыть посуду и выносить мусор… Как-то печально это все. Не хотелось бы. Хотя, наверное, это неизбежно. Все пары рано или поздно съезжаются и начинают жить как семья, если долго встречаются. Но мы с Лилей ведь не долго. Несколько месяцев всего. Мне совершенно не хочется погружаться с ней в бытовуху.

Да и не только с Лилей. Если рассуждать о создании семьи глобально, то когда-нибудь в своей жизни я бы ее хотел, но точно не сейчас. Не чувствую я в себе ни сил, ни желания становиться семьянином. Не хочу. Просто не хочу. Ни с Лилей, ни с кем-то ещё. Не вижу я себя главой семьи, мужем и отцом. Лет до тридцати точно не вижу. Ну, как минимум, до двадцати пяти.

На душе становится горько и тоскливо, когда понимаю, что отъезд в Германию будет означать неминуемое расставание с Лилей. Я бы не хотел. Если бы не Германия, то не расстался бы с ней. Мне нравится с ней встречаться. Люблю наши свидания, наши

телефонные разговоры перед сном. Обожаю наш секс. С Лилей так хорошо… Как ни с кем. Ни с одной девушкой мне не было так охрененно, как с Лилей. Ни одну девушку я не хотел так сильно, как Лилю. Она лучшая. Во всем лучшая. Таких, как она, больше нет. Потому и ноет в груди нестерпимо.

Блядь… Почему же все так сложно?

Паркуюсь через дорогу от ее института. Лиля стоит на крыльце с подругами. Не спешу писать ей сообщение, что приехал. Смотрю на Лилю. Сука, как же мне будет больно от неё уезжать. Сердце нахрен в клочья разорвётся. Лиля — это наркотик, на который я конкретно подсел. Как избавиться от этой зависимости? Где ее лечат?

Блядь… Пусть лучше немцы выберут Довлатова.

Глава 40. Выбор

Никита

Финальный матч этого сезона. Никогда ещё моя жизнь не зависела так от одной игры, как сегодня. После матча решится моя судьба. Или поеду в Германию, или не поеду. Когда я вплотную приблизился к мечте всей своей жизни, понял, что не знаю, хочу ли, чтобы она осуществилась. Мы играем против очень сильного клуба. С высокой долей вероятности соперники раскатают нас по траве. Может, оно и к лучшему?

Когда выходим на поле, сразу ищу глазами Лилю. Она здесь, в первом ряду. Ловит мой взгляд и шлёт мне воздушный поцелуй. Улыбаюсь. Моя муза, мой талисман. И сразу в сердце больно ноет, когда понимаю, что, возможно, это мой последний матч, на котором она присутствует.

После Лили принимаюсь искать глазами немцев. Они тоже тут. Сидят в вип-ложе, как короли. У гендиректора мюнхенского клуба в руках стакан с алкоголем. Развалился на кресле, закинув ногу на ногу, и делает небольшие глотки. Будет оценивать меня и Довлатова, как товар на рынке.

Звучит свисток судьи, и я сразу забываю обо всем, кроме мяча и ворот противника. Следую инстинкту, а он у меня один — привести команду к победе. Похрен на немцев, похрен на мою дальнейшую судьбу. Сегодня здесь и сейчас я должен сделать все, чтобы мой клуб победил.

Пробиться к воротам противников очень тяжело. У них нереально сильные защитники и полузащитники. Только переступаю на их половину поля, как сразу налетаю на нескольких монстров, в два счета отбирающих у меня мяч. Вдвойне сложнее, потому что придурок Довлатов сегодня играет не за команду, а за себя одного. Он должен помогать мне пробиваться к воротам, а в итоге только тянет одеяло на себя. Предпочитает, чтобы у него отобрали мяч соперники, чем пасануть его мне. Боится, что я забью гол. Идиот. Тренер уже во все горло орет ему матом, а он не реагирует.

На тридцатой минуте нам забивают. Ужасно обидно, хоть и ожидаемо. Мы становимся злее и агрессивнее, но это не помогает, у противников сильная оборона. Довлатов уже конкретно начинает раздражать. Он не пасует мне мяч, когда я свободен и нахожусь ближе к воротам соперников. Сам пытается пробиться, чтобы забить, но не получается.

— Тимур, ты совсем дебил? — не выдерживаю и говорю ему, пока судья показывает нашему защитнику жёлтую карточку.

— Хуй тебе, а не Германия.

Вот так прямым текстом. Даже не пытается скрыть, что намеренно усложняет игру всей нашей команде, боясь, что я забью гол.

— Ты сейчас допрыгаешься, что тренер поменяет тебя на другого игрока. Просидишь остаток матча на скамейке запасных. И вот тогда хуй, а не Германия, будет тебе.

Бесит, придурок. Его, блядь, в футбольной школе не учили, что интересы команды превыше личных амбиций?

На перерыв так и уходим со счётом один-ноль в пользу соперников. В раздевалке тренер рвёт и мечет. Больше всех втыкает пиздюлей Довлатову. Отрадно. Может, заменит его на второй тайм? Нет, не заменяет. Верит, что после перерыва придурок исправится. А вот ни хуя. Довлатов продолжает вести себя на поле эгоистично, доходит до того, что отбирает мяч

у своих же.

Противники вопреки ожиданиям не усилили оборону, чтобы сохранить преимущество, а, наоборот, расслабились. Бегают вразвалочку, как будто уже победили. Устали, наверное. Для них это тоже последний матч в сезоне. И у нас бы отлично получилось воспользоваться их расслабленностью, если бы Довлатов не творил хуйню.

Через десять минут после начала второго тайма мне наконец-то удаётся приблизиться с мячом к воротам противников. Но там меня встречают сразу два полузащитника. Пытаюсь их обыграть. С первым получается, но второй выбивает у меня мяч. Пасует своему товарищу, но я успеваю перехватить. Снова стычка с ними. Блядь, их двое, я один. Вижу, что за их спинами стоит Довлатов. Сука… У меня два варианта: окончательно потерять мяч или пасануть Тимуру, чтобы он попытался забить.

Интересы команды превыше личных амбиций.

Аминь.

Пасую мяч Тимуру. Он ловит его грудью, обыгрывает защитника и бьет со всей силы по воротам. Гол. Довлатов сравнял счёт.

Все радуются и, как ни странно, я тоже. Ничья — это лучше, чем проигрыш. Да похрен, что Тимур забил, и немцы это увидели. Сегодня я играю за этот клуб и должен делать максимум для его победы. Если завтра я буду играть за кого-то другого, значит, и стараться буду для этого другого.

Ничья наших противников не устраивает. Они становятся слишком злыми и агрессивными. В ход идут грязные методы: нас намеренно бьют по ногам. Я дважды получаю по своему и без того больному колену. Блядь… только я его немного подлечил, как опять. Радует, что это мой последний матч до марта, и я смогу нормально заняться ногой к началу следующего сезона.

Бегать нестерпимо больно. До того больно, что искры из глаз летят. Я то и дело теряю мяч. Тренер замечает это. Спрашивает жестом, мол, заменить тебя? Отрицательно качаю головой. Уйти сейчас отдыхать на скамейку запасных? Так и не забив ни одного гола? Да что там гола, даже не приблизившись вплотную к воротам соперников? Нет, я не могу. Умру, блядь, от боли, но с поля не уйду.

А Довлатов ликует, что я на последнем издыхании. Чего б ему не радоваться. Забил гол на глазах у немцев, спас команду от позорного проигрыша, а тут ещё я по больному колену получил и не могу нормально играть.

Осталось потерпеть пять минут. Именно столько добавляет ко второму тайму судья. Было много перерывов из-за того, что нас били по ногам, и судья раздавал желтые карточки. Ещё и ко мне врачи прибегали, брызгали жидким холодом на ногу.

Пять минут — и все закончится. Но это самые долгие пять минут в моей жизни. Боль в ноге становится такой сильной, такой невыносимой, что затмевает собой все. Но несмотря на неё, я бегу, пытаюсь прорваться к воротам, пытаюсь выбить мяч у соперников, пытаюсь двигаться дальше. И каким-то чудом у меня получается.

Я вбегаю в штрафную зону. Сегодня так близко к воротам я ещё не приближался. Далее забегаю в одиннадцатиметровую зону. Ударить сейчас или сделать ещё два шага? Делаю выбор в пользу второго варианта и со всей силы получаю по ногам от защитника.

Я не просто падаю на траву, а переворачиваюсь в воздухе. Это третий удар по колену, и я реву от боли как раненый зверь. Мой крик громче свистка судьи. Начинается скандал. Судья показывает защитнику соперников вторую за игру желтую карточку. А две желтые

карточки подряд — это удаление с поля. Противники возмущены таким раскладом. Мои товарищи по команде требуют пенальти. Меня грубо сбили с ног, когда я пересёк одиннадцатиметровую точку.

Конечно, это пенальти, и судья его назначает.

Приятели помогают подняться на ноги. Я еле стою, еле дышу. Тренер спрашивает жестом: «Ударить сможешь?». Не знаю. У меня рабочая нога — левая, и именно по ней я сегодня три раза получил. Правой бить тоже умею, но значительно хуже. Я прирожденная левша. Сколько ни пытался натренировать правую ногу до уровня левой, так и не получилось. Она слабее. Значительно слабее.

У меня нет времени на размышления. Надо делать выбор моментально. Киваю тренеру. Да, ударю. Правой ногой.

Футболисты освобождают штрафную зону. Мяч уже стоит на одиннадцатиметровой отметке. Я должен бить. Вратарь соперников разминается, прыгает, давит на меня психологически. Одна минута — и все закончится.

Я даже подойти к мячу нормально не могу, потому что хромаю. Поворачиваю голову к Лиле. Впервые нормально смотрю на неё после начала игры. И время будто останавливается. Затихает гул вокруг, боль в ноге уходит на второй план. В эту секунду есть только я и Лиля. Моя девочка. Самая красивая, самая сексуальная, самая лучшая и непревзойденная. Она сложила руки в замок и молится со слезами на глазах. И такой это удар под дых, что весь воздух из легких выбивает.

А может, специально не забить пенальти, вдруг думаю? Ударить в штангу или выше ворот. Стану лохом, который не забил пенальти, но и похрен на это. Тогда немцы точно выберут Довлатова, а не меня. Я останусь в Москве, буду продолжать играть за свой клуб и встречаться с Лилей. Все будет так же хорошо, как было. Не будет Германии — не придется расставаться с Лилей.

Так ли мне нужна Германия, если и дома все хорошо?

Раньше я мало задумывался о выборе и его последствиях. А ведь мы все время делаем выбор. Иногда он бывает незначительным. Чай или кофе? На такси или на метро?

А иногда твоё решение навсегда определяет исход событий. На планете живут восемь миллиардов человек, и все они каждый божий день делают выбор, от которого зависит их будущее.

Вся наша жизнь — это последовательная цепочка, состоящая из нашего выбора.

И сейчас у меня есть одна секунда, чтобы без преувеличения сделать самый важный выбор в своей жизни: Германия или Лиля.

Звучит свисток судьи.

Я разбегаюсь и бью по мячу.

Глава 41. Безумец

Лиля

Гол! Никита забил пенальти!

Подскакиваю с места и в прямом смысле прыгаю от радости. Господи, какой же тяжёлый матч! Я думала, поседею. За Никиту сердце кровью обливается. Он упал на траву и лежит без сил. Даже не радуется своему забитому пенальти. Товарищи по команде подходят к нему, поздравляют, а он просто лежит, не шевелясь.

Не могу на него такого смотреть. Душа в клочья рвётся. Ну почему ему не помогут подняться? Холодно же лежать зимой на футбольном поле. Хотя Никита рассказывал, что газон как-то специально подогревается. Вообще не представляю, как они играют в минусовую температуру в декабре. Я в пуховике и уггах — и то замёрзла. А Никита, можно сказать, голый. Футболистам из дополнительной одежды разрешается только термобелье. Ещё можно шапку, но Никита ее не надевает, потому что в ней неудобно бить мяч головой.

Какое счастье, что это последний матч до марта. Как я хочу, чтобы Никита отдохнул и привёл в порядок больное колено. Да так без ноги остаться можно! Все-таки футбол — очень агрессивный и жестокий вид спорта. У футболистов такие сильные травмы бывают, причем не только ног, но и головы.

Наконец-то Никите помогают встать с холодной травы. Слезы на глаза наворачиваются, когда вижу, что он не может идти самостоятельно. Два приятеля уводят его под руки. Никита не наступает на левую ногу. Кошмар. Только бы не перелом колена.

Когда Никита скрывается с поля, тоже направляюсь на выход. Игнорирую косые взгляды фанаток. В последнее время они подозрительно притаились. Только пялятся на меня и шепчутся. Гадости больше не выкрикивают и перестали обрывать мне телефон.

После матча еду домой. Мы договаривались, что Никита за мной заедет, и мы поедем к нему, но я не знаю, как он с такой больной ногой сядет за руль. Он сможет нажимать ею педали?

Никита приезжает за мной очень поздно и на такси. Сомневаюсь, что у нас получится отметить окончание футбольного сезона, Никита вообще никакой. Когда выходим из машины, он наступает на левую ногу, но каждый раз морщится от боли.

— А ты обезболивающее пил? — осторожно спрашиваю.

— Мне всю ногу обкололи обезболивающими.

— Не помогают?

— Ну так, чуть получше, чем было.

Да ничего не лучше. На Никите нет лица. Когда заходим в квартиру, он сразу без сил опускается на диван. Я хочу как-то ему помочь, а не знаю, что сделать. Сижу как на иголках, ерзаю на диване.

— Хочешь чаю? — спрашиваю первое, что приходит на ум.

Отрицательно мотает головой.

— Лиль, иди ко мне.

Никита притягивает меня к себе на грудь. Обнимаю его, поудобнее устроив голову, и слушаю размеренное сердцебиение. Меня не покидает плохое предчувствие. Вот вроде у нас с Никитой все хорошо, а как-то тревожно. Состояние, будто жду чего-то плохого.

Мы молчим. Кажется, Никита уснул. Неожиданно его смартфон взрывается громким

рингтоном. Свиридов дергается спросонья, оглядывается по сторонам. Берет мобильник и трёт глаза.

— Кто это? — спрашиваю.

— Мой агент, — проводит пальцем по экрану. — Алло.

Я слышу громкий мужской голос из динамика, но не могу разобрать слов. Судя по стремительно меняющемуся в лице Никите, его агент говорит что-то чрезвычайно важное. Потом из динамика доносится смех, а Ник лишь слегка улыбается.

— Я понял, Слав. Спасибо.

Снова неразборчивый голос агента.

— Рад-рад, конечно, рад, — заверяет его Никита совершенно безрадостно. — Спасибо тебе ещё раз. Это все благодаря тебе.

Никита сбрасывает вызов и смотрит на меня безумными глазами.

— Все хорошо? — испуганно спрашиваю. — Что-то случилось?

Молчит. А у меня страх под кожей расползается, обволакивает внутренности.

— Ни-и-и-ик? — тяну. — Что случилось?

Не отвечая, привлекает меня к себе. Водит ладонями по моему лицу, волосам.

— Лиль, — зовет хрипло.

— Что?

— Ты знаешь, что ты лучшая девушка в моей жизни?

В другой обстановке я бы обрадовалась этим словам. Но сейчас Никита меня пугает. Он похож на безумца. Стягивает с меня кофту, затем расстёгивает лифчик. Гладит грудь, затем принимается целовать шею.

— Я только об одном жалею, — шепчет, — что раньше не начал с тобой встречаться. Надо было ещё в школе. А лучше в детском саду.

Никита сползает с дивана на пушистый ковёр на полу и тянет меня за собой. Как мы будем заниматься сексом, если у него ужасно болит нога?

— Ник, подожди, у тебя же колено.

— Пройдёт.

— Тебе же больно.

— Хочу тебя.

Он продолжает раздевать меня и снимать одежду с себя. Целует меня совершенно безумно. Как будто изголодался по моему телу. Как будто в последний раз. Не успевает стянуть с меня белье, как тут же входит. Опять без презерватива. В последнее время мы стали реже ими пользоваться. Так ощущения, конечно, лучше, но страшновато.

— Да что с тобой такое? — спрашиваю, задыхаясь.

Мне кажется, у нас ещё не было такого безумного секса. Никита как с цепи сорвался. И это с больным коленом после тяжёлого матча!

— Я уже скучаю по тебе.

— Что значит «уже»?

Видимо, чтоб больше не болтала лишнего, затыкает мне рот поцелуем. Ускоряет темп ещё больше, и все мысли мигом вылетают из моей головы. Да о чем тут вообще можно думать, кроме того, что я близка к самому сильному оргазму в своей жизни? С Никитой у нас разный секс был, в разных позах, в разных местах и с использованием разных игрушек из магазина для взрослых. А сейчас без лишних аксессуаров, просто на полу в обычной позе, когда он сверху, я испытываю такие ощущения, каких ещё никогда не было. Потому что

Никита сошёл с ума и потянул меня за собой в эту бездну.

Я кричу, из глаз брызжут слезы. Каждый сантиметр моего тела сотрясается от оргазма. Легкие горят, вдохнуть больно. Никита выходит из меня и с таким же громким криком кончает мне на живот. Мое тело превращается в вязкий кисель, руки и ноги не слушаются. Блаженно закрываю глаза, не имея сил пошевелиться.

Никита ложится рядом, наше шумное дыхание рассекает комнату. Губы расползаются в довольной улыбке. Я на седьмом небе от счастья. Моя любовь к Никите растёт в геометрической прогрессии, с каждым новым днём я люблю его сильнее, чем вчера.

— Меня покупает немецкий клуб. Я уеду.

В ужасе распахиваю глаза и таращусь в потолок, чувствуя, как приближается конец моего собственного света.

Глава 42. Не жди меня

Никита

Лиля молчит, широко распахнув глаза. Жду от неё хоть какой-то реакции, а ее нет.

— Я в душ! — выпаливает, наверное, через минуту. Подскакивает с пола, хватает вещи, сумочку и бежит в сторону ванной.

Обычно после секса мы ходим в душ вместе, но сейчас я не решаюсь последовать за Лилей. Особенно когда слышу, как поворачивается замок в двери. Ванная у меня в квартире одна, врываться к Лиле я не буду, поэтому решаю воспользоваться влажными салфетками. Кое-как, несмотря на боль в колене, одеваюсь и сажусь обратно на диван ждать Лилю. Нам предстоит тяжёлый разговор.

Даже хуже. Нам предстоит расставание.

Слава сказал, что по итогам матча немцы выбрали меня. Потому что я боролся за команду, а не преследовал собственные интересы в отличие от Тимура. На что он только рассчитывал, когда отбирал мяч у своих же? Да хрен с ним, с Довлатовым. Некогда о нем думать.

Вода в ванной льётся уже больше пятнадцати минут. Лиля не спешит выходить. Томительное ожидание заставляет меня нервничать сильнее. Мне не легко далось это решение. В груди нестерпимо ноет. Да так сильно, что боль в колене кажется сущей ерундой. Куда эта физическая по сравнению с душевной?

Наверное, надо было сразу с ней поговорить, как позвонил Слава. А то выглядит так, будто воспользовался Лилей перед расставанием. Я не мог не насладиться ее телом напоследок. Целовал Лилю и прощался с ней. Понятно, что перед смертью не надышишься, но я отчаянно пытался.

Лиля выходит из душа через сорок минут. Когда появляется в гостиной, по одному взгляду на неё понимаю, почему так долго там была: глаза красные. Плакала. Видеть следы слез на ее лице — удар под дых для меня. Ненавижу себя за то, что заставил Лилю плакать. Ненавижу себя за то, что собираюсь сейчас сказать.

— Я уезжаю, Лиль, — прерываю затянувшееся молчание.

Она стоит в дверном проёме, привалившись к нему плечом. Ресницы начинают дрожать, губы бледнеют.

— Когда уезжаешь?

— Думаю, в первых числах января. Подпишу контракт с новым клубом и останусь обустраиваться. Надо снять квартиру и серьезно заняться коленом. Возможно, лягу его лечить в немецкую клинику. И ещё надо пойти на какие-нибудь курсы немецкого языка. Ну а с марта начнётся новый футбольный сезон, в котором я уже буду играть за новый клуб.

Лицо Лили становится отрешенным.

— Что твой отъезд означает для нас?

Вот и главный вопрос. Ну да, по сути только это важно.

— Нам надо расстаться.

Мои слова оглушают нас обоих, словно выстрел. Они повисают в воздухе, давят бетонной плитой. Лиля ошеломлена моим заявлением. Я тоже. Внутри разрастается огромная чёрная дыра, высасывающая все силы.

— Почему расстаться? — спрашивает не своим голосом.

Тяжело вздохнув, поднимаюсь на ноги. Колено сразу простреливает острой болью, хватаюсь за спинку дивана.

— Лиль, прости… — произношу с чувством. — Меня покупает немецкий клуб, я уеду. Первый контракт на три года, потом возможно продление. Меня не будет долго, очень долго. Это годы разлуки. Я не вижу для нас другого выхода, кроме расставания.

Лиля слушает меня, перестав дышать. Замерла, не шевелится. Только глаза стремительно налились слезами. Сглатываю тугой ком. Горло дерёт, словно в него стекловаты насыпали. Блядь… Почему все так сложно? Почему, когда моя мечта осуществилась, я не испытываю радости?

— Но есть ведь другие варианты, — делает ко мне шаг. — Отношения на расстоянии. Люди встречаются так, и ничего. Ты же будешь приезжать домой? В отпуск, на праздники. И я могла бы к тебе ездить.

Я ждал подобного предложения от Лили. Возможно, это действительно выход, но я не представляю, как состоять в таких отношениях.

— Такие отношения не будут приносить удовольствия ни тебе, ни мне. Только муку.

— Да почему сразу муку!? — восклицает. — Да, тяжело. Но мы и сейчас не видимся каждый день после того, как ты съехал от родителей.

— Мы не будем видеться месяцами.

— Нет, не месяцами. Я буду приезжать к тебе каждые выходные.

— Это все равно сложно и мучительно. Отношения должны приносить удовольствие, а не дискомфорт. Иначе зачем они нужны?

— Ничего не сложно! Германия не так уж и далеко.

— Я буду в Мюнхене. В текущих обстоятельствах туда лететь минимум с двумя пересадками. У тебя дорога в одну сторону будет занимать не меньше двенадцати часов.

Она обреченно взмахивает руками.

— Хорошо, другой вариант. Я могу поехать с тобой. Переведусь в институте на заочное отделение и буду жить с тобой в Германии.

Такого предложения от Лили я тоже ждал. И сам о нем много раз думал.

— Я тоже рассматривал для нас этот вариант, — набираюсь смелости, чтобы сказать дальше: — Нет, Лиль, прости. Я не хочу с тобой жить. Совместное проживание — это фактически семья, а я не готов к созданию семьи. Мне это сейчас не нужно. Возможно, однажды мое мнение изменится, и я захочу жениться и родить детей, но точно не в ближайшие годы. Я просто не вижу себя ни в роли мужа, ни тем более в роли отца.

— Да я разве говорю жениться и рожать детей? — восклицает.

— А жить вместе — это почти то же самое.

— Нет, не то же самое!

— В моем представлении почти то же самое.

— А в моем нет!

— Хорошо, пускай будет не то же самое, но это ничего не меняет. Я не хочу жить с девушкой. Встречаться — да. Жить вместе — нет.

— Хорошо, ещё один вариант, — Лиля почти на грани истерики. Дрожит, в голосе панические нотки, глаза в слезах. — Мы не будем вместе жить. Я сниму квартиру возле тебя, и мы так же будем просто встречаться. У нас будет все то же самое, только изменится локация наших свиданий. Вместо Москвы будет Мюнхен.

Что ж так тяжело-то? А главное — почему мне так нестерпимо больно, будто сердце

живьём из груди вырывают?

— Нет, Лиль. Это бред.

— Но тогда мы будем вместе.

Она подходит ко мне вплотную, по щекам бегут слезы, крылья носа дрожат. Берет меня за руку, сжимает. Ее прикосновение огнём обжигает. Сжимаю ладонь в ответ, чтобы вместе сгореть. Меня наизнанку выворачивает от осознания, что мы расстаемся. Сука, ненавижу, презираю себя. Как же это вытерпеть и не свихнуться?

— Лиль, не думай, что мне просто. Я не хочу с тобой расставаться, но не вижу другого выхода. Я должен уехать. Я не могу отказаться от такого предложения. Я всю жизнь шел к этому.

— Возьми меня с собой, — плачет.

Сам себе по живому режу.

— Нет, Лиль, прости. Не могу.

— Тогда я буду тебя ждать. Ты же вернёшься когда-нибудь?

Вдохнуть не могу — так больно. Душа рвётся, разлетается на мелкие части. Каждая слезинка, срывающаяся с ресниц Лили, вонзается в меня острой стрелой.

— Тебе придётся слишком долго меня ждать. Не надо.

— Я умею тебя ждать, — шепчет. — Ты даже не представляешь, сколько я тебя ждала. Я ждала тебя, когда ты не обращал на меня никакого внимания. Я ждала тебя, когда ты видел во мне лишь подругу. Я ждала тебя, когда ты встречался с Соней. Я ждала тебя, когда после Сони ты менял девушек как перчатки. Я ждала тебя всю свою сознательную жизнь, Никита. И ещё подожду.

Слова Лили сносят меня с ног. Даже не сразу понимаю, о чем она. А потом пазл складывается. То, как Лиля на меня всегда смотрела. То, как она прослезилась, когда мы с Соней первый раз поцеловались в школе на глазах у друзей. То, как по школьным чатам гуляло видео, на котором Лиля ругается с Соней из-за меня.

За эти несколько месяцев вместе я понял, что у Лили есть ко мне серьёзные чувства, а не только сексуальное влечение. Но что настолько давно… Нет, об этом я не думал.

— Никита, я люблю тебя, — добивает меня контрольным в голову. — Я люблю тебя всю свою жизнь.

Отшатываюсь назад. Еле стою. Признание Лили кажется таким очевидным, а в то же время ошеломляет меня.

— А ты, Ник? — спрашивает. — Ты любишь меня?

Прямой вопрос вгоняет меня в ступор. Я гляжу на Лилю — самую красивую, самую сексуальную, самую желанную девушку в своей жизни — и не нахожу ответа.

— Скажи, Ник? Ты любишь меня?

Горло онемело. Я не могу вымолвить ни слова. Да и не знаю, что сказать. У меня нет ответа. Я не задумывался о серьезных чувствах к Лиле. Мне было с ней хорошо, мне нравилось с ней встречаться, мне нравилось заниматься с ней сексом. Я даже перестал обращать внимания на других девушек.

Но любовь? Я не знаю.

— Ни-и-ик? — тянет. — Скажи, не молчи. Ты любишь меня?

Слезы вовсю струятся по ее лицу. Ручейками стекают по щекам к красивой лебединой шее и ниже. Я так люблю вдыхать ее цветочный запах и целовать. А сейчас она мокрая от слез из-за меня.

— Я не знаю, Лиль, — честно отвечаю. — Я люблю футбол.

— А меня?

— А тебя я хочу. Сильно хочу. Как никогда никого не хотел.

Лиля делает шаг назад, сгибается пополам и закрывает ладонью рот, чтобы подавить крик. Чувствую, как жжёт в глазах. Что это? Неужели тоже слезы? Да. Одна стекает по щеке.

— Лиля, прости меня, — произношу сипло. — И… — запинаюсь. — И не надо меня ждать. Не жди меня, Лиль, слышишь? Не жди.

Она не отвечает. Пятится назад, продолжая тихо скулить в ладонь. Сворачивает в коридор. Я не иду за ней. Чувствую, как по щеке скатывается ещё одна слеза. Слышу, как Лиля возится с верхней одеждой, и продолжаю стоять. Не зову ее обратно. Не останавливаю. Проклинаю себя за все. Никогда себе не прощу. Никогда не прощу.

Входная дверь хлопает. Вздрагиваю вместе с этим звуком. А потом меня оглушает звенящая тишина.

Глава 43. Жизни больше нет

Лиля

Моя жизнь закончилась. Ничего больше нет, одна тьма. Я закрылась в своей комнате и не выхожу даже в новогоднюю ночь. Меня раздражают родители, которые стучатся каждые полчаса. Меня бесят однокурсники, которые звонят с вопросами, почему я не хожу в институт. Я не хочу ничьей заботы, ничьей опеки. Я хочу, чтобы меня все оставили в покое.

Меня ломает, выворачивает наизнанку. Душа нестерпимо ноет. Это хуже, чем когда я со стороны смотрела на Никиту с девушками. Это хуже, чем когда он на моих глазах встречался с Соней. Потому что тогда Никита не был моим, тогда я не знала его рук и губ, тепла его тела и его дыхания на своей коже. Тогда я ещё не утонула в нем, а только балансировала на грани. А теперь у меня словно сердце с корнями вырвали и хорошенько по нему потоптались.

Никита вырвал и Никита потоптался.

Вольно или невольно, он уничтожил меня. Разрушил до основания. Ни следа больше не осталось от прежней Лили. Есть только ее тень.

— Ты любишь меня?

— Я люблю футбол. А тебя я хочу.

Утонув в счастье, о котором не смела мечтать, я не заметила, что так и осталась для Никиты всего лишь сексуальным объектом. Я не стала для него чем-то больше, не вызвала никаких других чувств помимо сексуального влечения. Он только хотел мое тело. Больше ничего. Моя душа и мое сердце ему были не нужны.

Понимала ли я это на подсознании? Возможно. Но отказывалась думать об этом. Была рада тому, что Никита наконец-то мой.

Я нахожусь в агонии. Истязаю себя заточительством. Я хочу умереть. Какой теперь смысл в моей жизни? Зачем мне жить, если Никита больше не со мной? Зачем мне жить, если у него будут другие девушки? А я буду смотреть на них на страницах светской хроники и медленно умирать.

Я не хочу ничего знать о нем. Не хочу видеть его счастливого на страницах спортивных газет и журналов. У него будет полная яркая жизнь, а моя уже закончилась. Навсегда закончилась.

Через несколько недель заточения папа выбивает ногой дверь в мою комнату. Родители суетятся, мама зачем-то вызывает скорую. Я отказываюсь ехать. Зачем мне в больницу? Лучше пускай сразу везут меня в морг. Почему я ещё жива? Почему я ещё дышу? Зачем? Я не хочу.

Как я мечтаю, чтобы меня все оставили в покое, чтобы меня никто не трогал. Мне не нужна ничья забота. Отстаньте от меня. Уйдите. Не надо меня спасать. Нельзя спасти того, кто разрушен до основания. Нельзя вернуть к жизни того, кто потерял ее смысл.

Никита был для меня всем. Не было ничего выше и больше, чем он. Никита был моей жизнью. Моим счастьем. Моей радостью.

Никита был моим Богом.

А теперь Бог покинул меня. Ушел. Забыл.

Они все мельтешат, как бельмо в глазу. Мама, папа, друзья. Зачем родители их позвали? Зачем приезжает Соня? Я не хочу ее видеть. И Ульяну не хочу. И Вову.

Господи, Вова… опять он со своими цветами. Неужели не понимает, что никогда не заменит мне Никиту? Никто не заменит.

— Да оставьте вы меня все! — кричу. — Оставьте! Вы мне не нужны!

Мне никто не нужен, кроме Никиты. Я никого не хочу видеть, кроме него. Вы все не можете меня воскресить. Только Никита способен. Моя жизнь ему принадлежит.

Я убегаю от них. Ныряю в угги, хватаю пуховик и выбегаю в подъезд. Одеваюсь в лифте на ходу. Телефон с собой не беру. Не хочу, чтобы они звонили и искали меня. И надоел этот телефон. Больные фанатки снова активизировались и посыпали угрозы: «Смотри на улице по сторонам». Так и хотелось ответить им: «Мы расстались, забирайте его себе, он ваш».

Январский холод морозит не на шутку. Я не знаю, какое сегодня число, но Новый год был давно. Может, неделю назад или больше. Наверное, Никита уже уехал. Его машина стоит в нашем дворе, засыпанная толстым слоем снега. Смотрю на неё и разлетаюсь на осколки, вспоминая, сколько времени мы проводили на заднем сиденье. Как я на этом самом заднем сиденье сходила с ума в его руках.

Разворачиваюсь и убегаю, куда глаза глядят. В новогоднюю ночь я не могла перестать думать, где Никита, с кем празднует. С родителями ровно под моей квартирой? Не пришел ко мне, не поздравил.

И никогда больше не придёт.

Слезы не заканчиваются. Струятся по лицу, капли замерзают на щеках. Под ногами хрустит снег, вокруг так темно, что не видно дальше своего носа. Я не знаю ни который час, ни где я нахожусь. Ушла очень далеко от дома. Похоже то ли на сквер, то ли на парк. В темноте непонятно. Вокруг ни души.

Я останавливаюсь, чтобы кожей прочувствовать свое одиночество. Родители, друзья — это ничто. Без Никиты я одинока. Зачем мне кто-то, если нет его? Мне только Никита нужен, больше никто.

Сзади слышится хруст снега. Вздрагиваю. Оборачиваюсь. Никого не видно, только шаги слышны. Они становятся ближе. Приближение чужих людей немного отрезвляет.

Кто это? Они идут ко мне?

В темноте появляются очертания фигур. Они приближаются. В уши врезается громкий свист, а затем смех.

— Привет, — обращается ко мне мужской голос. — Наконец-то ты из дома вышла, а то мы уже устали тебя караулить.

Плохое предчувствие медленно расползается под кожей. Но, как ни странно, нет ни страха, ни паники. Инстинкт самосохранения выключен.

Фигуры подходят совсем близко. Настолько близко, что я могу рассмотреть. Их трое. Крепкие парни в чёрных куртках и чёрных шапках. Лица каждого скрыты под толстым слоем щетины.

— Ты ведь телка того футболиста? — спрашивает парень по центру.

— Да, это она, — отвечает за меня его приятель.

Я гляжу на незнакомцев во все глаза, не понимая, что происходит.

— Вы кто? — сиплю. — Что вам от меня надо?

— Тебя ведь предупреждали осторожнее ходить по улице, — ухмыляется третий. — Надо было слушать.

— Зря ты из дома вышла, — добавляет первый.

Я в такой растерянности, что не сразу понимаю, о чем они. А потом до меня доходит.

Фанатки. Их угрозы.

О Господи… они что, подослали ко мне этих головорезов?

Резко разворачиваюсь, но и двух шагов сделать не успеваю, как меня хватают за капюшон.

— Ишь, какая прыткая, — говорит один из них. — Мы с тобой ещё не закончили.

— Отпустите! — только и успеваю выкрикнуть прежде, чем получаю сильный удар в живот.

Сгибаюсь пополам и реву от боли. Потом следует ещё один удар в живот и ещё. Я падаю на снег, и все трое начинают обрушивать на меня удары ногами. Кричу, пытаюсь закрыться руками. Уже не разбираю, куда меня бьют: по голове, в живот, по спине, лицу. Все превратилось в одну сплошную боль. Как будто кости ломаются. Или не как будто? Или мне их правда ломают?

Белоснежный снег вокруг меня покрывается красными пятнами. Мой голос сорван, я не могу больше кричать. Перестаю и закрываться руками. Принимаю удар за ударом, пока сознание не начинает медленно отключаться.

— Ладно. Думаю, хватит, — улавливаю их слова. — А то ещё коньки отбросит.

Удары прекращаются, но боль не становится меньше.

— А я б ей вдул ещё, — говорит другой.

— Ты дебил? Задание было только разукрасить ее.

— И че? Футболисту можно ее трахать, а мне нет?

— Пойдёмте уже отсюда быстрее, она визжала как свинья на забое. Щас ещё прибежит кто-нибудь.

— Ладно, — нехотя соглашается. — Футболисту своему привет передавай, — ржёт, видимо, ко мне обращаясь.

Они уходят, оставив меня лежать на снегу и морозе в луже собственной крови. Я не могу встать, не могу пошевелить ни руками, ни ногами, ни пальцами. Боль нарастает. Доходит до критической отметки. Достигает своего апогея.

«Вот она, смерть, которую я звала?», успеваю подумать.

Веки смыкаются. Наконец-то я умру. Я так об этом мечтала. Я так этого хотела. Больше не будет дней без Никиты. Я рада. Спасибо им, что убили меня.

Прежде, чем сознание окончательно отключается, успеваю почувствовать, как низ живота простреливает новым болевым спазмом. И ощущение — как будто из меня жизнь выходит.

Глава 44. Пепел и руины

Лиля

Я медленно разлепляю веки и не понимаю, где нахожусь. В глаза бьет яркий свет от лампы в потолке. Морщусь. В голове тут же отдаёт резкой болью. И внизу живота больно. И в спине. И при каждом вдохе.

Издаю мычащий нечленораздельный звук. Ощущаю суету рядом. Снова пытаюсь открыть глаза. Девушка в белом халате и медицинской маске нажимает кнопки на каком-то пищащем аппарате возле меня.

— Я сейчас позову врача, — обращается ко мне.

— Больно, — хриплю.

— Я добавлю обезболивающего.

Проводит какие-то манипуляции с капельницей, и через несколько секунд по позвоночнику струится холод.

— Где я? Что произошло?

— Ты в реанимации. Врач все тебе расскажет.

Девушка в белом халате отходит к другой койке. Я снова закрываю глаза, пытаясь вспомнить, что произошло. Сквозь головную боль в сознание врываются отрывки произошедшего.

Расставание с Никитой.

Затворничество в своей комнате.

Побег из дома от родителей и друзей.

Трое незнакомцев.

В горле ком образовывается. Я все помню. Все, что со мной сделали эти изверги. Помню их удары по голове и телу. Помню багряную кровь на белом снегу. Помню болевой спазм, которым прострелило низ живота перед тем, как я провалилась во тьму.

— Привет, — раздается над ухом мужской голос. — Пришла в себя?

Открываю глаза. Рядом со мной садится молодой мужчина в белом халате.

— Я врач-реаниматолог Константин Сергеевич. Как ты себя чувствуешь?

— Все болит, — хриплю.

Кивает.

— Какое-то время ещё будет все болеть. Если боль будет усиливаться, зови медсестру.

— Что со мной?

Врач вздыхает.

— Все сложно, но главное, что ты жива, и твоё состояние стабилизировано. Угрозы твоей жизни нет. У тебя сотрясение мозга, многочисленные переломы, и тебе сделали операцию по гинекологии. Когда тебе станет лучше, мы переведём тебя из реанимации в отделение. Только пока не можем решить, в какое именно: травматологию, неврологию или гинекологию. Ну, мы с коллегами посоветуемся.

Вникнуть в монолог врача удаётся с трудом. Он говорит слишком много и слишком быстро. Но я хорошо уловила слово «операция».

— А что за операцию мне сделали?

— У тебя произошёл выкидыш и разрыв правого яичника. Левый яичник тоже сильно пострадал, но его спасти удалось. Более подробно тебе расскажет врач-гинеколог, я позову

его.

Я не понимаю, что врач мечет в виду под словом «выкидыш». Таращусь на него.

— Выкидыш? Какой выкидыш?

— Ты же была беременна.

Меня током прошибает.

— Что?

— Ты не знала? — удивляется врач.

Несколько секунд в голове нет ни одной мысли. Чистый белый лист. Только чувствую, как немеет горло и не получается издать ни звука. Глаза снова режет, но уже не от яркого света, а от слез.

Я была беременна? Я носила под сердцем ребенка? Нашего с Никитой ребенка?

Внутренности холодеют, когда осознаю, что внутри меня жила маленькая жизнь. Боже мой, у меня мог быть малыш от самого любимого мужчины в мире. Я же так мечтала, что однажды у нас с Никитой будет семья и дети. И пускай он меня бросил, уехал, но у меня могла остаться маленькая частичка него.

Если бы его одержимый фан-клуб не сотворил со мной это.

Слезы струятся по лицу, всхлипываю. Врач теряется, конфузится.

— Ну ладно, гинеколог придёт, расскажет подробнее. Если что-то будет нужно, зови медсестру. Мы в ближайшее время определимся, в какое отделение тебя переводить.

Вот теперь я по-настоящему убита. Все, что было до нынешнего момента, не имеет значения. Я потеряла ребёнка. Нашего с Никитой ребенка. Единственное, что могло бы связать меня с любимым на всю жизнь. А теперь у меня ничего не осталось. Теперь я действительно одна у края пропасти.

Физическая боль, которую испытываю, ничто по сравнению с тем, что творится у меня в душе. Она истерзана, она кровоточит и умирает. Вместо души у меня в груди выжженное поле. Все сгорело. Один лишь пепел остался. Руины и пепел.

Почему я не умерла вместе с моим малышом? Как же я теперь буду жить? Без Никиты и без нашего ребёнка. Больше нет смысла. Я сломана. Дважды сломана.

Приходит гинеколог. Тоже молодой мужчина. Смотрю на него сквозь пелену перед глазами.

— Как самочувствие?

Что за идиотский вопрос? По мне не видно, как мое самочувствие? Молчу. Не дождавшись ответа, продолжает деловым тоном:

— Ситуация такая. Из-за многочисленных травм органов малого таза вы потеряли ребенка, а также произошло внутреннее кровотечение, разрыв правого яичника и почти разрыв левого яичника. Хирургу все-таки удалось спасти левый яичник, но его репродуктивная функция близка к нулю.

— Что это значит? — хриплю севшим от слез голосом.

— К сожалению, нет шансов, что вы снова сможете забеременеть. Левый яичник очень сильно пострадал. Ну а правый яичник пришлось совсем удалить.

На меня только что легла ещё одна бетонная плита. Она раздавила меня окончательно. Каждый раз, когда я думаю, что хуже уже быть не может, становится ещё хуже.

— Понятно.

Гинеколог уходит, после него появляется невролог. После невролога травматолог. У меня перелом трех рёбер, вывих ноги и отморожены пальцы рук и ног. Врачи реально не

могут договориться между собой, в какое отделение переводить меня из реанимации. Гинекологи, неврологи и травматологи футболят меня между собой. Никто не хочет брать такого тяжёлого пациента. В итоге через три дня решают перевести меня в гинекологию, поскольку была операция.

Меня помещают в палату на четверых. Из-за травм я не могу ходить, мне все подносит медсестра. Я не могу даже перевернуться на постели. Приходит первый посетитель. Следователь. Возбуждено уголовное дело по факту нанесения мне тяжелых травм. От мужчины я узнаю, что меня нашел в сквере собачник, который вышел погулять со своим псом. Он вызвал скорую помощь.

Я рассказываю следователю абсолютно все. О том, что встречалась с известным футболистом, о том, что мне поступали угрозы от его фан-клуба, о том, что на меня напали трое парней лет тридцати. Полностью пересказываю все, о чем они при мне говорили. Мужчина записывает в блокнот, задает уточняющие вопросы.

— У вас есть конкретный подозреваемый в организации нападения на вас?

— Да, — ни секунды не сомневаюсь. — глава фан-клуба футболиста Никиты Свиридова. Ее зовут Юлия. Фамилию не знаю.

— У фан-клуба есть какой-нибудь сайт?

— У них группа во ВКонтакте. По-моему, она закрытая.

— Ничего, мы быстро ее откроем. Если ещё что-то вспомните, звоните, — кладёт на тумбочку у моей головы визитку. — И я к вам ещё приду.

— Что вы будете делать?

— Пробьём телефонные номера, с которых вам поступали угрозы. Найдём главу фан-клуба и допросим ее. Также допросим футболиста. Но его как свидетеля.

— Футболист уехал. Он в Германии.

— Ничего, мы найдём способ с ним поговорить.

Следователь уходит. Не представляю, как Никита отреагирует, когда узнает о произошедшем, о том, что я была беременна и потеряла ребёнка. Приедет? Ну или хотя бы позвонит мне? Хотя… Никита ведь не хочет детей. Чего ему расстраиваться?

«Я не вижу себя ни в качестве мужа, ни тем более отца»

Ко мне начинают приходить другие посетители. Первым делом родители. Мама в слезах, папа тоже. Отец договаривается, чтобы меня перевели в одноместную платную палату. Здесь мне и правда лучше. Никто не галдит над ухом. Родители нелицеприятно отзываются о Никите, по чему я делаю вывод, что наши семьи поругались. Моя мама и тетя Женя больше не лучшие подруги.

Родители в курсе всего, что со мной произошло, включая выкидыш и удаление яичника. Врачи рассказали. Мама раздавлена, на ней нет лица. Почему-то винит себя. Мол, надо было силой удержать меня дома.

Это все равно бы случилось. Они следили за мной. Психически больная Юля заказала им меня. А сидеть в квартире вечно я бы все равно не смогла. Рано или поздно пришлось бы выйти на улицу.

После родителей приходят друзья. Я понимаю, что они из лучших побуждений, хотят поддержать, но их визиты только тяготят меня. Мне не хочется ни с кем общаться и никого видеть. Хочу, чтобы меня оставили одну. А когда Соня приходит навестить меня вместе с почти годовалым сыном, меня вовсе ломает. Я смотрю на маленького Владика, а внутри творится ад.

У меня мог бы быть такой же сын. Наш с Никитой сын. Горло дерёт, отворачиваюсь, чтобы Соня не увидела мои слёзы. Она не знает, что я потеряла ребёнка, не знает и о моем бесплодии. Не хочу ее жалости и сочувствия. У нее самой-то есть ребёнок от любимого. Соня смогла сохранить малыша, несмотря на то, что на раннем сроке ее сильно сбила машина.

— Почему ты лежишь в гинекологии? — спрашивает робко.

— Пострадали органы малого таза, — смотрю в сторону.

Боковым зрением вижу, как в ее руках вертится сын. По венам вместо крови кислота течет, разъедает меня. В висках пульсирует мысль: «У меня тоже мог быть сын. У нас с Никитой мог быть сын».

— Сильно пострадали? Может, давай тебя Игорь посмотрит?

— Хочешь, чтобы я раздвинула ноги перед твоим мужем?

Сарказм сочится из меня. Это единственный способ бороться с болью и слезами.

— Игорь — лучший гинеколог Москвы, — строго говорит. — У него рожают жены всех олигархов. Благодаря Игорю, я выносила Влада. Я настаиваю, чтобы он тебя посмотрел.

— Не надо, со мной все в порядке.

Соня замолкает. Кожей чувствую: хочет возразить.

— Никита знает? — переводит тему.

— Наверное. Его должны были допрашивать.

— Мне ему что-нибудь сказать?

— Что именно?

— Ну, что с тобой такое произошло.

— Не надо. Думаю, он уже знает.

— А вдруг не знает?

— Забей, Сонь. Что это изменит? Он все равно не приедет.

— Я думаю, мог бы приехать.

— Приехать зачем? Пожалеть меня, снова повторить, что мы расстались, и опять уехать? Сонь, пожалуйста, не лезь не в свое дело. Давай договоримся: все, что произошло между мною и Никитой, касается только нас с ним. Вы не вмешивайтесь. Передай это все остальным, особенно Вове и Ульяне.

— Да-да, конечно.

— А теперь можешь, пожалуйста, уйти и больше не приходить?

Соня теряется от моей грубости. Я знаю, что перегибаю палку. Но иначе она будет навещать меня каждый день и ребенка своего брать. Я не могу это вытерпеть. Это выше моих сил.

— Да, конечно, — бормочет под нос. — Отдыхай, набирайся сил. Я позвоню тебе завтра.

— Не звони.

Соня замирает от неожиданности.

— Я очень прошу всех вас оставить меня одну. Я не хочу ни с кем общаться. Передай это остальным. Пускай не приходят. И пускай не пишут ничего Никите. Наши с ним отношения — это не ваше дело. Я не хочу, чтобы он приезжал меня жалеть. Все равно он выбрал Германию и все равно он туда уедет, даже если я умру.

— Хорошо. Я поняла.

Соня встает со стула и поудобнее берет на руки ребенка. Он лепечет на своем

младенческом языке, говорит что-то вроде «вавава», суёт ладошку в рот, чешет зубы. Эта картина — ножом по сердцу. Снова отворачиваюсь, чтобы не видеть.

А вечером приходит последний из череды моих посетителей. Мама Никиты.

Глава 45. Внук

Лиля

Тетя Женя тихо стучит в дверь, когда я пытаюсь уснуть. Не дожидаясь моего разрешения, входит.

— Привет, — разводит губы в фальшивой улыбке. — Можно к тебе?

Я очень хочу сказать ей, что нельзя. Но правила приличия заставляют меня озвучить другое:

— Да, конечно.

Проходит к стулу, садится, крепко держит в руках сумочку.

— Как ты, милая? Что врачи говорят?

— Ничего не говорят.

Тетя Женя мнется в нерешительности. Подбирает слова.

— Твоя мама сказала, ты была беременна и потеряла ребенка.

Значит, ей все известно. Жаль, я бы не хотела, чтобы она знала. Видимо, мама в порыве ссоры все ей вывалила.

— Да.

Смысл врать и отпираться, если она уже все знает?

— Очень жаль, что так получилось.

— Очень жаль, что я забеременела от Никиты? Вы, наверное, это хотели сказать?

Пожалуй, нет, я не хочу играть в вежливость с тетей Женей. Для чего? Она самая настоящая змея, которую моя семья пригрела на груди. Я не буду с ней церемониться. У нее патологическая ревность к единственному сыну, и в каждой девушке она будет видеть угрозу того, что она собьет Никиту с пути истинного: а именно с футбола.

— Нет, я хотела сказать: жаль, что потеряла ребенка. Но если говорить о беременности, то я считаю ее несвоевременной и, честно говоря, я в шоке!

Последнее она произносит очень пылко. Наконец-то ее истинные эмоции прорываются наружу.

— Зачем вы пришли?

Игра в вежливость и сострадание мне уже надоела. Пускай быстрее выкладывает, что ей от меня нужно и убирается. Видеть ее не хочу.

— Я хотела с тобой поговорить.

— Мы с Никитой расстались, — предвосхищаю тему ее разговора. — Не переживайте, я больше не буду мешать ему на пути к всемирной славе.

Тетя Женя игнорирует мой тон.

— У Никиты сейчас тоже сложный период, он сам лежит в больнице в Германии. Ему будут делать операцию на колено, потом его ждет долгий период восстановления и реабилитации. Он должен привести ногу в надлежащую форму к первому марта, когда начнётся новый футбольный сезон.

— К чему вы мне это говорите?

— К тому, что не надо его сейчас дергать. Звонить ему, писать, плакать в трубку.

— Я не звоню ему.

Тетя Женя не вызывает во мне ничего, кроме раздражения. Даже представить не могу, что раньше я ее очень любила.

— Я понимаю весь ужас произошедшего с тобой. Надеюсь, этих тварей найдут и накажут. Но, пожалуйста, я прошу тебя, Лиля, не сообщай сейчас Никите о том, что с тобой случилось. Особенно про беременность. Даже если это действительно его фан-клуб, Никита же не виноват. Мой сын не может нести ответственность за действия своих поклонников.

К горлу подступает отвращение к тете Жене. Я потеряла нашего с Никитой ребенка, ее внука, а все, что заботит эту женщину, — футбольная карьера сына.

— Так Никиту все равно будут допрашивать, и он узнает. В том числе про беременность.

— Никиту не будут допрашивать. Я договорилась со следователем.

Слова тети Жени поражают меня, словно гром и молния. Она что, дала следователю взятку? Чтобы он не допрашивал Никиту? Я молчу, не находя слов. Это изумительно — насколько тетя Женя цинична.

— Если ты и правда любишь моего сына, то сделай так, как я прошу. Не говори ему ничего.

Меня тошнит от омерзения. Страшно подумать, что моя семья столько лет дружила со Свиридовыми.

— Я не скажу ничего Никите. Но не потому что вы меня об этом просите. И не потому что я его люблю. А потому что слышать, знать его не хочу, — цежу сквозь зубы. — Убирайтесь вон!

Тетя Женя снова улыбается.

— Ты большая молодец, Лилечка. Поправляйся.

Она поднимается со стула и спешит к двери.

— Это был ваш внук! — не сдержавшись, выкрикиваю ей в спину.

Замирает, схватившись за дверную ручку. Оглядывается.

— Я уверена: у меня ещё будут внуки. В подходящее время и запланированные. А не по залету и сейчас, когда моему сыну нужно думать о карьере. Тебе, милая, тоже не помешало бы подумать об учебе и работе. Успеешь ещё родить.

Тетя Женя уходит, оставив меня в звенящей тишине. Слезы бегут по щекам, а в висках стучит:

«Ненавижу, ненавижу. Ее, Никиту, всю их семью. Ненавижу. Не хочу их видеть, не хочу их знать. Никогда не хочу».

Глава 46. Цветок лилии

Никита

Германия встречает сыростью и холодом. Примерно такое же состояние у меня в душе. Ничто не приносит радости: ни контракт с мюнхенским клубом, ни зарплата, указанная в нем, ни строчка, что я главный нападающий основного состава. В груди так больно ноет, что выть раненным зверем хочется.

В первый же день в гостинице напиваюсь. Я давно не употреблял ничего крепче вина или шампанского, а тут опрокинул в себя почти полную бутылку виски. Рассчитывал забыться, а все равно думал о ней, о Лиле. Мне так ее не хватает, что выворачивает наизнанку, рвет в клочья. Сердце болит настолько сильно, что хочется вырвать его на хрен из груди. Зачем оно мне вообще?

Только силой воли заставляю себя собраться и заняться делом: снять квартиру и поехать в Берлин в хорошую клинику. Не знаю, как сердца, а ноги точно могу лишиться, если срочно не начну приводить колено в порядок. Мне предлагают сделать операцию, я соглашаюсь.

Каждый день чем-то стараюсь себя занять, чтобы не думать о Лиле, но она все равно просачивается в голову. Если не когда я бодрствую, то когда я сплю. Лиля снится мне. Моя красивая сексуальная Лиля. Во сне я обнимаю ее, целую. Мне так хорошо с ней, что не хочу просыпаться. А открыв глаза, снова ненавижу себя и весь белый свет.

Порываюсь позвонить ей. Хватаю телефон в руку и тут же отбрасываю, не зная, что сказать. Да что я вообще могу ей сказать? Любые мои слова будут звучать глупо и жалко. Я сам все разрушил. Осознанно выбрал карьеру, а не ее. Мне и жить с этим выбором. Но я не мог поступить иначе. Просто не мог. Если бы остался в Москве, то всю жизнь бы потом жалел. Я так долго шёл к тому, чтобы стать профессиональным футболистом. Я не мог сделать иной выбор.

В конце января у меня день рождения. Мне исполняется двадцать лет. Я праздную в одиночестве. Как дурак, весь день наивно жду поздравления от Лили. Его, конечно же, нет. Она вообще очень давно не заходила ни в мессенджеры, ни в соцсети. Чем занимается целыми днями? Учится? Гуляет с друзьями? Или ходит на свидания с парнями?

От последней мысли с ума схожу, задыхаюсь. Представляю Лилю с каким-то другим парнем, да хоть с тем же Вовой, и убивать хочется. От злости бью кулаком по деревянной двери до тех пор, пока соседи не вызывают полицию за нарушение тишины.

В полицейском участке, где мне выписывают штраф, понимаю, что пора прекращать эту паранойю. Иначе какой смысл в том, что я сюда приехал, если все время хочу назад? Усилием воли запрещаю себе ностальгировать. Каждый день отвлекаю себя чем-то: то немецкий учу, то тренируюсь, то делаю специальные упражнения для ноги. Даже начинаю ходить в бары и знакомиться с девушками. Ни с кем ничего не получается, ни одна меня не цепляет, но так получается немного отвлечься.

Середина февраля. Наступает день рождения Лили. Я все-таки звоню ей, чтобы поздравить с двадцатилетием. Один раз, второй, третий. Она не берет. Я знаю, что у Лили телефон всегда с собой. Не может быть такого, что она его куда-то забросила и не слышит входящие звонки. Специально не отвечает, догадываюсь. Не хочет разговаривать со мной. Но я все равно настойчиво звоню каждые пять минут. И наконец-то слышу долгожданное:

— Алло.

Одно это слово из четырех букв вонзается в меня острой стрелой. Делаю глубокий вдох и хватаюсь за стол, чтобы не упасть.

— Привет, — выдавливаю напряжённо. В горле встал ком и не дает сглотнуть.

— Привет.

Пауза. Лиля шумно дышит в трубку, я тоже.

— С днём рождения, Лиль, — произношу то, зачем звоню.

— Спасибо.

Зажмуриваюсь. Как же больно. Я столько всего хочу сказать Лиле, а в то же время не нахожу слов. Совсем не нахожу. Мы оба молчим. Я понимаю, что ей так же тяжело, как и мне.

— Лиль… — набираюсь смелости. — Послушай меня, пожалуйста. Я очень виноват перед тобой. И я не могу себе простить то, как поступил с тобой. Но я не мог иначе. Правда не мог. Я шел к этому всю жизнь.

— Я знаю.

— Лиля, ты изумительная. Ты неповторимая. Ты непревзойденная. Ты лучшая. С тобой, как ни с кем. Прости меня, пожалуйста, Лиль. Прости, если можешь.

Я сползаю по стене. Сквозь зажмуренные глаза проступают слезы. Лиля долго молчит в трубку, шумно дыша. А потом произносит дрогнувшим голосом:

— Я прощаю тебя, Никита. Больше нас ничего не связывает. Будь счастлив.

Через несколько секунд молчания Лиля кладёт трубку, а я с громким криком разбиваю телефон о стену. Она попрощалась со мной и отпустила меня. Не тогда мы расстались, когда я в своей квартире после сумасшедшего секса сказал, что уезжаю в Германию. Мы расстались сейчас. И точку поставила Лиля. Потому что скажи она, что скучает и хочет меня видеть, я бы примчался первым же рейсом.

Прощение Лили успокаивает меня. Мне будто не хватало его. Глодало, что Лиля обижена, что между нами осталась недосказанность. А теперь все встало на свои места. Мы отпустили друг друга. Отныне каждый пойдёт своей дорогой.

Вот только все равно нестерпимо больно. Вот только все равно жить не хочется.

Первое марта. Официальное начало нового футбольного сезона. Мне удалось восстановить колено, я могу в полной мере бить мяч левой ногой. Скоро первая тренировка с новым клубом. Переживаю, конечно. Хотелось бы, чтобы сложились нормальные отношения с командой. Дружбы не жду, она невозможна в таком конкурентном виде спорта, как футбол. Зависть тут все равно сильнее: кто больше голов забил, кому бренды больше рекламных контрактов предложили. Меня бы устроили просто хорошие взаимоотношения.

Но команда встречает меня настороженно и прохладно. Это мягко говоря. Я им не нравлюсь. Хрен его знают, почему. То ли потому что я русский, то ли потому что сопляк двадцатилетний, то ли потому что завидуют. Клуб делает на меня большие ставки, гендиректор, когда представлял меня команде, назвал «восходящей футбольной звездой двадцать первого века». Не всем это понравилось. В моем присутствии они говорят только на немецком, хотя все знают английский.

Однако вся эта неприязнь ко мне только в раздевалке после тренировок. На поле мы не просто команда, на поле мы семья. Мне без проблем пасуют мяч, помогают обойти соперников. Никто не тянет одеяло на себя, все работают на общую победу. Это, конечно, совершенно другой уровень профессионализма. Не то, что в моем предыдущем клубе.

Близится первый матч за новый клуб. У нас будут сильные соперники. В Германии в

принципе нет слабых. Для меня это как из места сразу в карьер. Чувствую на себе как на главном нападающем колоссальную ответственность. Я не могу облажаться во время первой же игры.

И сейчас особенно остро воспринимается отсутствие Лили. Она же мой талисман, моя муза. Как я без неё? Раньше ведь играл как-то, забивал голы, и сейчас смогу, убеждаю сам себя. Но я настолько привык искать ее глазами на трибунах сразу, как выхожу на поле, что не представляю, как справлюсь с ее отсутствием. Мне будет отчаянно не хватать Лили на матчах, но она всегда будет со мной в моих мыслях и моем сердце.

За четыре дня до игры, слоняясь бесцельно по Мюнхену, прохожу мимо тату-салона. Я всегда относился к татуировкам скорее негативно, не понимал футболистов, которые обкалывают себя ими. Но тут торможу и задумываюсь. Не знаю, что мною движет, когда захожу внутрь и зачем-то начинаю на ломаном немецком разговор с администратором. Потом сажусь в кресло и несколько часов терпеливо жду, когда молодой парень в пирсингах и с тоннелем в ухе набьёт мне на груди большой цветок лилии.

Я не имею привычку срывать с себя на поле футболку, так что о моей татуировке в честь Лили никто не узнает. Но зато теперь она точно будет со мной на каждом матче.

Эпилог

Лиля

Меня выписывают из больницы через три недели. Сотрясение почти прошло, а вот переломы нет. Мне прописан постельный режим ещё на месяц. Уголовное дело по нападению на меня все ещё возбуждено, но застопорилось на месте. Допрашивать Никиту передумали, участницы его фан-группы в один голос твердят, что ни сном ни духом, а номера, с которых мне поступали угрозы, ни на кого не оформлены. То есть, сим-карты были куплены в переходах у метро, а не в официальных магазинах сотовых сетей.

Ну и самое главное — Юлия Тишина, глава фан-клуба Никиты Свиридова, покинула Россию. Объявлять ее в розыск отказались, поскольку нет для этого оснований. Того, что я ее подозреваю, недостаточно.

Это было бы смешно, если бы не было так грустно. Казалось бы, что тут сложного. Не какое-то загадочное убийство. Есть и номера, с которых поступали угрозы, и конкретная подозреваемая. А исполнителей наверняка сняли все городские камеры. Но нет. Наша доблестная полиция бессильна. Я уверена, дело закроют. Это вопрос времени.

Я пытаюсь научиться жить без Никиты. Хреново получается. Больше всего хочется одиночества, а как назло все вокруг пытаются окутать меня опекой и заботой. Почему-то ни родители, ни друзья не понимают, что без них мне лучше, чем с ними.

К дню рождения мое здоровье становится лучше. Уже могу ходить. Я не хочу праздновать, а мама все равно заказывает мой любимый торт, готовит праздничные блюда и приглашает Соню с Ульяной. Их попытки меня развеселить только раздражают. Ульяна галдит без умолку, у меня начинает болеть голова, и я ухожу в свою комнату, оставив подруг одних на кухне. Закрываю плотно дверь, приваливаюсь к ней спиной. Медленно дышу.

Звонок мобильного заставляет встрепенуться. Накануне я убрала из соцсетей дату рождения, чтоб никто не вспомнил и не стал меня поздравлять. Достаю телефон из кармана и застываю: Никита. Гипнотизирую экран айфона, глядя на его имя. Пальцы дрожат, в груди буря. Зачем он звонит? Что ему надо? Хочет меня добить?

Я не отвечаю, но Никита не унимается. Звонит и звонит, звонит и звонит. Сглотнув ком в горле, решаюсь: отвечаю на звонок. С первых слов понимаю: это наш последний разговор. На этом мы поставим окончательную точку. Я поставлю.

Он просит прощения. Искренне просит. Но только за то, что уехал, а не за то, что случилось со мной после. Не за то, что я потеряла нашего ребёнка по вине его поклонниц. Ведь об этом Никита не знает. И никогда не узнает. Я могу рассказать ему сейчас все, но понимаю, что не хочу. Пускай живет в неведении. Это для него хуже, чем знать.

— Я прощаю тебя, Никита. Больше нас ничего не связывает. Будь счастлив.

Я кладу трубку с чувством, что все сделала правильно. С души падает тяжёлый груз. Вот теперь можно жить дальше, можно попытаться. Ведь нас и правда больше ничего не связывает. Нашего ребёнка же больше нет.

Но мои надежды на жизнь с чистого листа с грохотом разбиваются, когда контекстная реклама в интернете подсовывает мне публикацию желтого журнала про знаменитостей:

«ФУТБОЛИСТ СВИРИДОВ ЗАМЕЧЕН С НОВОЙ ДЕВУШКОЙ»

Сердце сначала подпрыгивает горлу, а затем со свистом летит в пятки. Мне бы закрыть страницу, но я кликаю мышкой на пост. В ушах гулом шумит, в крови адреналин скачет.

Текст публикации не читаю, только размытые фотографии от папарацци смотрю.

А на них Никита в каком-то не то клубе, не то баре сидит за столиком и целуется с ней, с фанаткой. С Юлей. С той самой, которая организовала на меня нападение. С той самой, по вине которой я потеряла нашего с Никитой ребёнка.

Она уехала в Германию вслед за ним. И наконец-то добилась своего.

Я думала, что невозможно испытать боль сильнее, чем я уже пережила. Но сейчас я чувствую, как меня разносит на части, на мелкие атомы. В висках пульсирует: «Он с ней, он с ней». После всего, что со мной произошло, он с ней.

С громким криком боли и отчаяния я разбиваю огромное зеркало на шкафу в своей комнате. Меня засыпает осколками, а после я сама падаю на них. Сгребаю мелкие острые кусочки в ладони и сжимаю в плотные кулаки. Крик сменяется смехом. Нервным истеричным хохотом.

Он с ней… Он с ней…

Конец первой части

Больше книг на сайте - Knigoed.net